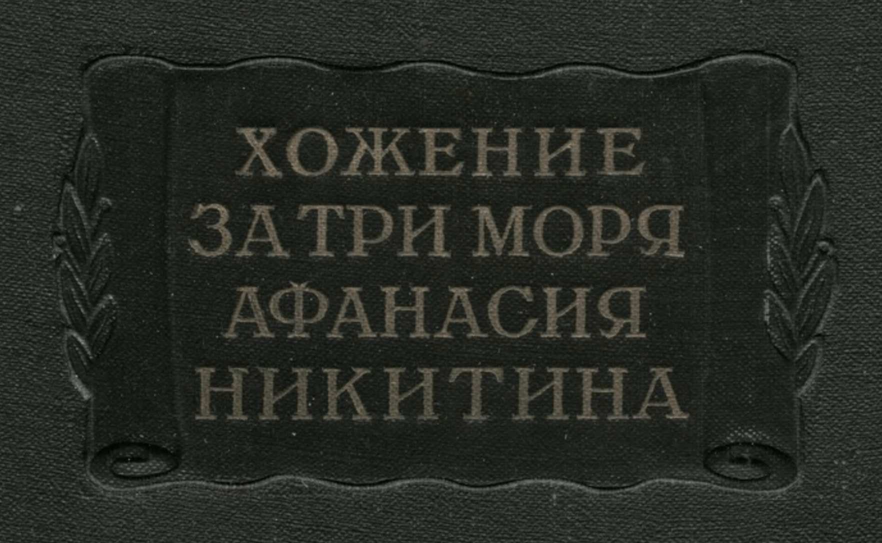

ХОЖЕНИЕ
ЗА ТРИ МОРЯ
АФАНАСИЯ
НИКИТИНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

1466—1472 гг.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1958

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР *В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ*

ОТ РЕДАКЦИИ

Укрепление культурных связей между советским и индийским народами сопровождается неуклонным ростом интереса советских читателей к истории великого индийского народа, к его богатой многовековой культуре. Все шире становится круг советских исследователей, изучающих различные области культуры Индии в ее прошлом и настоящем. В обстановке развития советско-индийской дружбы живой отклик у многочисленных советских читателей встретила глубокая по содержанию и увлекательная по изложению книга Джавахарлала Неру «Открытие Индии». Растет интерес и к всемирно-известному старшему русскому описанию Индии XV в. — «Хожению за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, который посетил в 1469—1472 гг. Бахманидское государство, достигшее в эти годы наибольшего могущества, и оставил запись своих наблюдений над бытом этой страны, выделяющуюся из всей литературы современных ей западноевропейских рассказов об Индии правдивостью и деловитостью, почти полным отсутствием сказочной фантастики.

«Хожение за три моря» неоднократно издавалось у нас и в переводах за рубежом; этому памятнику посвящено немало исследований и научно-популярных очерков; силами советских и индийских киноработников подготовлен фильм о Никитине; многие наблюдения Никитина оцениваются как исторически достоверные. Однако до сих пор не закончен старый спор о том, представляет ли «Хожение» свод записей, сделанных Никитиным во время его путешествия, или это рассказы, написанные им по черновым заметкам и воспо-

минаниям на обратном пути. Соответственно по-разному оцениваются и сохранившиеся списки «Хожения».

В настоящем издании, воспроизводящем три разновидности дошедших до нас текстов «Хожения», учтены новые данные, освещающие судьбу этого памятника в литературной традиции XV—XVII вв. Текстологическое исследование всего рукописного материала (Я. С. Лурье) подтверждает, что нет основания предполагать наличие двух авторских текстов — чернового и обработанного самим Никитиным, что «летописная» редакция «Хожения» лучше сохранила простую бытовую речь автора, тогда как уже в Троицком списке конца XV—начала XVI в. началось ее олитературивание. Но все же облик авторского текста восстанавливается показаниями обеих редакций, причем выясняется в ряде рассказов наличие несомненных следов того, что они были записаны под свежим впечатлением виденного. На отсутствие позднейшей обработки Никитиным своих записей указывают и некоторые противоречия между его первыми заметками об Индии и позднейшими записями.

Кроме исторического и географического комментария И. П Петрушевского, дается исторический очерк М. К. Кудрявцева, характеризующий политическую и социальную обстановку в Бахманидском государстве, описание которого составляет главное содержание «Хожения». Общественно-политическое мировоззрение Никитина и его облик путешественника-писателя раскрывается в соответствующих статьях Я. С. Лурье и В. П. Адриановой-Перетц.

Статьи и комментарии к тексту «Хожения» имеют целью показать, что рассказ Никитина для русского читателя XV в., в отличие от тех фантастических повествований, которые до того времени внушали ему сказочные представления об Индии, был подлинным «открытием» реального облика этой великой страны.

ТЕКСТЫ

ТРОИЦКИЙ СПИСОК

КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI В.

За молитву святыхъ отець нашихъ, господи Ісусе Христе, сыне божій, помилуй мя[1] раба своего грѣшнаго Афонасья Микитина сына. л. 369

Се написах грѣшьное свое хожение за трі моря: прьвое море Дербеньское, дорія Хвалитьскаа;[2] второе море Индѣйское, дорія[а] Гондустаньскаа;[3] третье море Черное, дорія Стемъбольскаа.[4] Поидохъ отъ святаго Спаса златоверхаго[5] съ его милостью, от великого князя Михаила Борисовичя[6] и от владыкы Генадія[7] Твѣрьскыхъ, поидох на низъ Волгою и приидохъ в манастырь къ святѣй живоначалной Троици[8] и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу;[9] и у игумена ся благословивъ у Макарія братьи; и с Колязина поидох на Углечь, со Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою. И князь велики отпустилъ мя всея Руси[10] доброволно. И на Плесо, въ Новъгородъ Нижней к Михаилу къ Киселеву к намѣстьнику и къ пошьлиннику Ивану Сараеву пропустили доброволно.

А Василей Папин[11] || проехалъ въ городъ, а язъ ждалъ в Новѣгородѣ двѣ недели посла татарьскаго ширвашина Асамъбѣга,[12] а ехал с кречаты от великаго князя Ивана, а кречатовъ у него[а] девяносто. И поехал есми с нимъ на низъ Волгою. И Казань есмя, и Орду,[13] и Усланъ, и Сарай,[14] и Берекезаны[15] проехали есмя доброволно. л. 369 об.

И въехали есмя въ Бузанъ рѣку.[16] И ту наехали нас три татарины поганыи и сказали нам лживыя вѣсти: Каисымъ солтанъ[17] стережет гостей въ Бузані, а с нимъ три тысячи тотаръ. И посолъ ширвашинъ Асанбѣгъ далъ имъ по одноряткы да по полотну, чтобы провели мимо Азътарханъ.[18] И они по одноряткы взяли, да вѣсть дали в Хазъ-

торохани царю. И язъ свое судно покинулъ да полѣзъ есми на судно на послово и с товарищи.[б] Азътарханъ по мѣсяцу ночи парусом, царь насъ видѣл и татаровѣ намъ кликалі: «Качьма,[19] не бѣгайте!» ||
л. 370 И царь послалъ за нами всю свою орду. И по нашим грѣхомъ нас постигли на Бугунѣ,[20] застрелили у нас человѣка, а мы у нихъ дву застрелили; и судно наше меншее стало на езу,[21] и оны его взяли часа того да розграбили, а моя рухлядь вся в меншемъ суднѣ.

А болшимъ есмя судном дошли до моря, ино стало на усть Волгы на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взадъ тянули до езу. И тутъ судно наше болшее взяли, і 4 головы взяли русские, а нас отпустили голими головами за море, а вверьх насъ не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя к Дербеньти [22] двѣма суды: в одномъ суднѣ посол Асамъбѣгъ, да тезикы,[23] да русаковъ насъ 10 головами; а в другомъ суднѣ 6 москвичь да 6 тверичь. И въстала фуръстовина [24] на морѣ, да судно меншее разбило о берегъ, и пришли каитаки да людей поимали всѣхъ.

л. 370 об. И пришлі есмя в Дерьбенть. И ту Ва||силей поздорову пришелъ, а мы пограблены. И билъ есми челом Василью Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмя с нимъ пришли, чтобы ся печаловалъ о людех, что ихъ поимали под Тархы [25] кайтаки.[26] И Осанбѣгъ печаловался и ездилъ на гору к Бултабѣгу. И Булатъбѣгъ послалъ скоро да къ ширваншѣбѣгу: что судно руское разбило под Тархи, и кайтакы пришедъ людей поимали, а товаръ их розъграбили. А ширваншабѣгъ [а] того часа послалъ посла к шурину своему Алильбегу кайтаческому князю, [27] что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы мене дѣля люди ко мнѣ прислалъ и товаръ их собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тобѣ будет надобетъ бѣ у меня, и ты ко мнѣ пришли, и язъ тобѣ, своему брату, за то
л. 371 не стою и ты бы их отпустилъ || доброволно меня дѣля. И Алильбѣгъ того часа отослалъ людей всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их къ ширванши [28] въ-рду его коитулъ.[29]

А мы поехали к ширъванше во и коитулъ и били есмя ему челомъ, чтобы нас пожаловалъ, чѣм доити до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы заплакавъ да розошлися кои куды:

у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные осталися в Шамахѣе,[30] а иные пошли роботать к Бакѣ.[31]

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы; а изъ Бакі пошелъ есми за море к Чебокару,[32] да тутъ есми жил въ Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ [33] жил мѣсяць в Мазданьской земли.[34] А оттуды ко Амили,[35] и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту,[36] а из Димованту [а]ко Рею.[37] А ту [б] убили Шаусеня Алеевых детей и внучатъ Махметевых,[38] и онъ их про-‖ клялъ, ино 70 городовъ ся розвалило.[в] А из Дрѣя к Кашени,[39] л. 371 об.
и тутъ есми былъ мѣсяць. А изъ Кашени к Наину,[40] а из Наина ко Ездѣи,[41] и тутъ жилъ есми мѣсяць. А изъ Диесъ [42] къ Сырчану,[43] а изъ Сырчана къ Тарому,[44] а фуники кормять животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома къ Лару,[45] а изъ Лара к Бендерю.[46]

И тутъ есть пристанище Гурмызьское,[47] и тутъ есть море Индейское, а парьсейскым языкомъ и Гондустаньскаа дорія; [48] и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили.[49] А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень поимаеть его море по двожды на день. И тутъ есми взялъ 1 Великъ день, а пришел есми в Гурмызъ за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы [г] не всѣ писалъ, много городовъ великих. А в Гурмызѣ есть варное солнце, человѣка съжжеть. А въ Гурмызѣ былъ есми мѣсяцъ, а изъ Гурмыза пошелъ есми за море Индѣйское, по Велице дни в Фомину недѣлю, в таву,[50] с коньми.[51]

И шли есмя моремъ до Мошката [52] 10 дни; а от Мошката до ‖
Дѣгу [53] 4 дни; от Дѣга Кузряту; [54] а от Кузрята Конбату, а тутъ л. 372
ся родить краска [55] да лекъ.[56] А отъ Канбата [57] к Чивилю,[58] а от Чивиля есмя пошли в семую недѣлю по Велицѣ дни, а шли есмя в тавѣ 6 недѣль моремъ до Чивиля.

И тутъ есть Индѣйскаа страна, и люди ходять нагы всѣ,[59] а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят брюхаты, дѣти родять на всякый год, а детей у нихъ много, а мужы и жены всѣ черны; язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку.

А князь их — фота [60] на головѣ, а другаа на бедрах; а бояре у них ходять — фота на плещѣ, а другыя на бедрах, а княгыни

ходять — фота на плечемъ обогнута, а другаа на бедрах; а слугы княжия и боярьскыя — фота на бедрахъ обогнута, да щит да меч в руках, а иныя с сулицами, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с луки и стрелами; а всѣ нагы, да босы, да болкаты; а жонки ходят л. 372 об. голова не покрыта, а груди голы; || а паропкы да девочкы ходят нагы до 7 лѣтъ, а сором не покрытъ.

А изъ Чювиля пошли есмя сухомъ до Пали [61] 8 дни до индѣйскыя горы. А отъ Пали до Умри [62] 10 дни, то есть городъ индѣйскый. А отъ Умри до Чюнейря [63] 6 дний, и тут есть Асатъхан Чюнерьскыя индѣйскыя, а холопъ Меликътучяровъ, [64,а] а держить, сказывають, седмь темь отъ Меликтучара. А Меликтучаръ сѣдит на 20 тмахъ; [65] а бьется с кафары [66] 20 лѣт есть, то его побиють, то онъ побивает ихъ многажды. Ханъ же езди на людех,[67] а слоновъ у него и коний много добрых, а людей у него много хорозанцевъ; [68] а привозять их изъ Хоросаньскыя земли,[69] а иныя из Орабаньскыя земли,[70] а иныя ис Тукърмескыя земли, а иныя ис Чеготаньскыя земли,[71] а привозять все моремъ въ тавах, Индѣйскыя земли [72] корабли. л. 373 И язъ грѣшный привезлъ жеребьца в Ындѣйскую || землю, дошел есми до Чюнеря богъ дал поздорову все, а стал ми сто рублевъ. Зима же у них стала с Троицина дни.[73] А зимовали есмя в Чюнѣйрѣ, жили есмя два мѣсяца; ежедень и нощь 4 мѣсяца, а всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орють да сѣють пшеницу, да тутурганъ, да ногут,[74] да все съястное. Вино же у нихъ чинять в великых [а] орѣсех [75] кози гундустаньскаа; [76] а брагу чинят въ татну,[77] кони кормять нохотом, да варять кичирисъ [78,б] с сахаромъ да кормять кони, да с масломъ, порану же дають шьшени.[79] Во Индѣйской же земли кони ся у нихъ не родят,[80] въ ихъ земли родятся волы да буволы, на тѣхъ же ѣздѣть и товаръ иное возять, все дѣлають.

Чюнеръ [81] же град есть на острову на каменомъ, не дѣланъ ничим, богомь сътворенъ; а ходять на гору день по единому человѣку, дорога тѣсна, поити нелзя. Во Индѣйской земли гости ся ставять по подворьемь,[82] а ѣсти варять на гости господарыни, и постелю л. 373 об стелять, и спять с гостьми, || сикишь илересъњ ду житель берсень, достурь авратъ чектуръ а сикишь муфутъ [83] любять бѣлых

людей.[г] Зимѣ же у них ходять люди фота на бедрах, а другаа на плещем, а третья на головѣ; а князи и бояря тогда въздевають на собя порткы, да сорочицу, да кавтанъ, да фота по плечемъ, да другою ся опояшеть, а третьею фотою главу обертить; а се оло, оло, абрь оло акъ, оло керимъ, оло рагымъ.[84]

А в томъ Чюнерѣ ханъ у меня взял жерепца,[85] а увѣдал, что яз не бесерменинъ,[86] русинъ, и онъ молвит: «И жерепца дам, да тысячю золотых дам, а стань в вѣру нашу в Махмѣт дени; [87] а не станешь в вѣру нашу в Махмет дени, и жерепца возму и тысячю золотыхъ на главѣ твоей возму». А срокъ учинил на 4 дни, въ говѣйно успении на Спасовъ день. И господь богъ смиловася на свой честный праздникъ, не отстави от меня милости своея грешнаго и не по||велѣ л. 374 погыбнути въ Чюнерѣ с нечестивымі; и канун Спасова дни приѣхал хозяйочи [88] Махмет хоросанець, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мнѣ печаловалъ; и он ѣздилъ к хану в город, да мене отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жерепца моего у него взялъ. Таково господарево чюдо на Спасовъ день! Ино, [а] братья [б] русьстіи християне, кто хочеть поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликну [в] Махмета, да поиди в Густаньскую землю.

Мене [г] залгали псы бесермена, [д] а сказывали всего много нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю; все товаръ бѣло на бесермьньскую землю, перець да краска, то дешево; ино возят аче моремъ, иныи пошлины не дають. А люди иные намъ провести пошлины не дадут, и пошлины много, а разбойников на море много. А розбивають все кофары, ни крестіяне, ни бесерьмена; [89] а молятся каменнымъ болваномъ, а Христа не знають.

А ис Чюнеря есмя вышли || на Успение Пречистые к Бедерю [90] л. 374 об. к большему ихъ граду. А шли есмя мѣсяць; а отъ Бедеря до Кулонкеря [91] 5 дний; а отъ Кулонгеря до Кельбергу [92] 5 дни. Промежю тѣхъ великых градовъ много градовъ; на всякъ день по три грады, а на иной день и 4 грады; колко ковъвъ,[93, а] толко градов. А отъ Чювиля до Чюнейря 20 кововъ, а отъ Чюнеря до Бедеря 40 кововъ, а отъ Бедеря до Колуньгеря 9 кововъ, а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов.

В Бедери же торгъ на кони, да на товаръ, да камкы,[94] на шелкъ и на всякой иной товаръ, да купити в нем люди черныя; а иныя в немъ купли нѣтъ. Да все товаръ их гундостаньской, да соястной все овощь, а на Русьскую землю товара нѣтъ. А все черныя, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣдь, [б] да тать, да ложь, да зельи, господаря морять.

Во Индѣйской земли княжать все хоросанци, и бояре все хоро-
л. 375 санци;[95] а гу||ндустанци все пѣшиходы,[а] а ходят борзо, а все нагы да босы, да щитъ в руцѣ, а в другой мечь, а иныя слугы с великими с прямимы лукы да стрелами. А бой их все слоны, да пѣшихъ пускають напеpед, хоросанци на конехь да в доспѣсехъ, и кони и сами; а къ слономъ вяжуть к рылу [96] да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да оболочат ихъ в доспѣхъ булатный, да на них учинены городъкы, да и в горотъкѣ по 12 человѣкъ в доспѣсех, да все с пушками [97] да стрелами.

Есть у них одно мѣсто, шихбъ Алудинъ піръ [98] атыръ бозаръ алядинандъ, [99] на год единъ бозаръ, съѣждается вся страна Индѣйская торговати, да торгують 10 дний; от Бедеря 12 ковов, приводять коней до 20 тысящь продають, всякый товаръ свозять; во Гондустаньской земли той торгъ лучшій, всякый товаръ про-
л. 375 об. дають, купят, || на память шиха Аладина, на руськый праздникъ на Покровъ святыя богородица. Есть в томъ Алянде и птица гукукъ,[100] летает ночи, а кличеть «гукукъ» А на которой хороминѣ сѣдить, то тут человѣкъ умреть; а къто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть. А мамонь [101] ходят ночи да имають куры, а живуть въ горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живуть по лесу, да у них есть князь обезьяньскый, да ходить ратию своею,[102] да кто их заимаеть, и они ся жалують князю своему, и онъ посылаеть на того свою рать, и они, пришедъ на град, и дворы разволяють и людей побьють. А рати ихъ, сказывають, велми много, и языкы их есть свои, а детей родять много; да которой родится не в отца, не в матерь, ини тѣх мечють по дорогамъ; ины гондустанци
л. 376 тѣх имают да учать их всякому рукодѣлью, а иных прод||ають ночи, чтоб взад не знали побѣжати, а иных учат базы миканетъ.[103]

замлтвоу стхъ ѿць наших ги ісе хе сне бжіи.
помилоуи мя раба своего грѣшнаго.
афонасья микитина сна:.
Се написах грѣшное свое хоженіе за три
моря. прьвое море дербеньское доріа
хвалитьскаа. второе море индѣи
ское. гориго ндустаньскаа. треть
е море черное. доріа стембольскаа.
Поидох ѿ стго спса златоверхаго с
его млтью. ѿ великого кнзя ми
хаила борисовича. и ѿ влдкы генадіа
тверьскы. поидох на низ волгою
и приидох в манастырь к стѣи жи
воначалной трци. и стмъ мчником
борисоу и глѣбоу. и оу игоумена ся
блгвив оу макаріа. и брати. и с кола
зина поидох на оуглечь. с оуглеча на костро
моу ко кнзю александроу. с ыною гра
мотою. и кнзь велики ѿпусти
л мя всея роуси доброволно. и на пле
со в новъгород в нижнеи к михаилоу
к киселевоу. к намѣстникоу. и
к пошьлинникоу к иваноу сараевоу
пропоустили доброволно. а василеи папин

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 369 из Троицкого списка конца XV—начала XVI в.

кыпѡлениіпоупькыиссобаронатьпо
полюипо лесоу . иноистѣкопаныхо
дить . давѣстиъ топотиъ несвѣжь
мцамаа . великіидньвзялъесми .
вбедерѣбесерменьскомъ . ивгондоу
стани . абесермене баграмъвзяли
всре . мцамаа . азаговѣлъесми
мцаапрѣля . а . днь . ѡблговѣ
рнеихрстіяне . ижектопомногы
землямъмногоплавлеть . въ
многыягрѣхывпадаеть . ивѣры
сядалишаеть . хрстіяньскые азъжера
бищебжиеафонасие . исжалисяпо
вѣрѣ оужепроидошачетыревеликыя
говѣина . и . д . проидошавеликыя
дни . азжегрѣшныи невѣдаючто
естьвеликыйдн . илиговѣино .
нирожствахва . невѣдаюниныхъ
празниковъневѣдаю . нисредынипя
тницинневѣдаю . акнигъоумена
нѣтъ . колимяпограбили . ини
книгывзялиоуме . азъжеѡмно
гыябѣды . пойдодоиндѣи . за
нжеминароупойтинесчѣмъне

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 383 об. из Троицкого списка конца XV—начала XVI в.

Весна же у них стала с Покрова святыя богородпца;[104] а празднують шиху Аладину[105] и веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднують 8 дни; а весну держать 3 мѣсяца, а лѣто 3 месяца, а зиму 3 мѣсяца, а осень 3 мѣсяца. В Бедери же их столъ Гундустану бесерменьскому.[106] А град есть великъ, а людей много велмп; а салтан великъ[а] 20 лѣт,[107] |а держать бояре, а княжат[б] фарасанци,[108] а воюють[в] все хоросанци.

Есть хоросанець Меликтучаръ[г] бояринъ,[109] ино у него ратп[д] двѣсте тысячь, а у Мелик-хана 100 тысячь, а у Харат-хана[110] 20 тысячь; а много тех хановъ по 10 тысячь рати. А с салтаном выходят 300 тысяч рати своей. А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ и пышны велми;[111] а все их носять на кровати своеих на сребряных, да пред ними[е] водят конп въ снастех || золотых до 20; а на конехъ за ними[а] 300 человѣкъ, л. 376 об а пѣших 500 человѣкъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ[112] 10 человекъ, да свирѣлниковъ 10 человѣкъ. Султан же выѣщаеть на потѣху с матерью да с женою, ино с ним человѣковъ на конех 10 тысящь, а пѣшихъ 50 тысящь, а слоновъ водят 200 наряженых в доспѣсѣх золочоных,[113] да пред ним 100 человекъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да коней простых 300 въ снастех золотых, да обезьянъ за ним 100, да блядей 100, а все гаурыкы.[114]

В султанов же дворъ 7-ры ворота, а в воротѣх сѣдят по 100 сторожевъ да по 100 писцевъ кофаровъ; кто поидеть, ини записывають, а кто ѣвыйдет, ини записывають; а гариповъ[115] не пускають въ град. А дворъ же его чюденъ велми, все на вырезѣ да на золотѣ, и послѣдний камень вырѣзанъ да золотомъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него || суды розныя. л. 377

Городъ же Бедерь стерегутъ в нощи тысяча человѣкъ кутоваловых,[116] а ѣздять на конех да в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычю. А язъ жерепца своего продал в Бедери, да наложилъ есми у него[а] 60 да и 8 футуновъ,[117] а кормилъ есми его годъ. В Бедери же змии ходят по улицам, а длина ея двѣ сажени. Приидох же в Бедерь о заговѣйне о Филиповѣ[118] ис Кулонгѣря и продах жеребца своего о Рожествѣ, и тут бых до великого заговейна в Бедери и познася со многыми индѣяны и сказах имъ вѣру свою, что есми не бесер-

менинъ исаяденіені [119] есмь христианинъ, а имя ми Офонасей,
а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.[120] И они же не учали ся
отъ меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу,[121]
ни о иных вещех, ни жонъ своих не учали крыти.

Да о вѣрѣ же о их распытах все, і оны сказывают: вѣруем
л. 377 об. въ Адама,[122] || а Буты, кажуть, то есть Адамъ и род его весь.
[а] А вѣръ [б] въ Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры,[123, в] а все вѣруютъ
в Бута; [124] а вѣра с вѣрою ни [г] пиеть, ни ястъ, ни женится, [д]
а иныя же боранину, да [е] куры, да [е] рыбу, да [е] яица ядять, а воловины не ядять [ж] никакаа вѣра.[з]

В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то их Ерусалимъ, а по бесерменьскыи Мягъкат, дѣ их бутхана.[125] Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць, и торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцевъ, какъ Бутъ чюдеса творил, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое человѣческым образомъ являлся; другое человѣкъ, а носъ слоновъ; третье человѣкъ, а виденье обезьанино; въ четвертые человѣкъ, а образомъ лютаго звѣря, являлся имъ все съ хво-||
л. 378 стом, а вырезанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень.
К бухану же съезждается вся страна Индѣйскаа на чюдо Бутово; да у бутханы бреются старыя жонкы и дѣвки, а бреють на собѣ всѣ волосы, и бороды, и головы, да поидуть к бутхану; да со всякыя головы емлють по двѣ шекшени пошлини [126] на Бута, а с коней по четыре футы; а съѣжшается к бухану всѣхъ людей бысть азаръ лекъ вахтъ башетъ сат азаре лекъ.[127] В буханѣ же Бутъ вырѣзанъ ис камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ, акы Устьянъ царь Царяградскы,[128] а в лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино, а иныя Буты нагы, нѣт ничево, кот ачюк, а жонкы Бутавы нагы вырезаны и с соромомъ, и з детми, а перет Бутом же стоитъ волъ велми великъ, а вырезанъ ис камени ис чернаго, а весь позолоченъ,||
л. 378 об. а цѣлують его въ копыто, а сыплют на него цвѣты, и на Бута сыплют цвѣты.

Индѣяне же не ядят никоторого мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни[а] рыбы ли свинины, а свиней же у них велми много; а ядят же днем двожды, а ночи не ядять, а вина не пиють, ни сыдны; а с бесермены не піють, ни ядять. А ѣства же их плоха, а одинъ съ-дним ни піеть, ни ястъ, ни с женою; [129] а ядят брынець,[130] да кичири [131] с маслом, да травы розныя ядят, все рукою правою, а левою не приимется ни за что; а ножа не держать, а лъжици не знають; а на дорозѣ кто же собѣ варит кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермян скрыются, чтобы не посмотрилъ ни в горнець, ни вь яству; а посмотрил бесерменинъ на ѣству, і онъ не ястъ, а ядять иные, покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ его.

А намазъ же их на востокъ по-руськы,[б] обе рукы ‖ подымають высоко, да кладуть на тѣмя, да ложатся ниць на земли, да все ся истягнеть по земли, то их поклоны. А ясти же садятся, ини омывають рукы да и ногы, да и ротъ пополаскывають. А бутханы же их безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоятъ на востокъ. А кто у нихъ умреть, ини тѣх жгут да пепел сыплють на воду. А у жены дитя родится, ино бабить мужь, а имя сыну даеть отець а дочери мати; а добровтра [а] у них нѣтъ, а сорома не знають. Или пришел, ины ся кланяють по чернечьскы, обе рукы дотычють до земли, а не говорить ничево. л. 379

К Первотѣ же яздять о великомъ[б] заговѣйне, къ своему Буту,[в] тотъ их Іерусалимъ, а по-бесерменьскыи Мякъка,[132] а по-рускы Ерусалимъ, а по-индѣйскыи Парватъ. А съеждаются всѣ нагы, только на гузне платъ; а жонкы всѣ нагы, толко на гузне ‖ фота, а иныя в фотах, да на шиях жемчюгъ, много яхонтовъ,[133] да на рукахъ обручи да перстьни златы олло оакъ,[134] а внутрь к Бутхану яздять на волех, да у вола рога окованы мѣдью, да на шие колоколцевъ 300, да копыта подкованы; а тѣ волы ачьче зовут.[135] Индѣяне же вола зовуть отцемъ, а корову матерью, а каломъ ихъ пекут хлѣбы и ѣству варять собѣ, а попеломъ тѣмъ мажуться по лицу,[136] и по челу, и по всему тѣлу [а] ихъ знамя. В недѣлю же да в понедѣлникъ ядять единожды днемъ. В Ындѣе же какъ пачекътуръ, а учюзе-дерь: [137] сикишь иларсень ики шитель; [138] акечаны л. 379 об.

иля атырьсеньатле жетель берь; булара досторъ: а кулъ [139] каравашь [140] учюзъ чар фуна хубъ бемъ фуна хубесия; капкара амь чюкъ кичи хошь.

От Первати же приехал есми в Бедерь, за 15 дни и до бесерменьл. 380 скаго ‖ улубагря.[141] А Великого дни [142] въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтамъ гадаю — Великый день бываеть хрестьяньскы первие бесерьменьскаго багрима за 9-ть день, или за 10 дни. А со мною нѣтъ ничево, никакоя книгы, а книгы есмя взяли с собою с Руси; ино коли мя пограбили, ини их взяли, и язъ позабылъ вѣры хрестьяньскыя всея и праздниковъ хрестіаньскых, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятници не знаю; а промежу есми вѣръ тангрыдань истремень [143] олъсакласынъ; олло худо, олло акъ, олло ты, олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымелъло, олло каримелло, танъ танъгрысень, худосеньсень. Богъ единъ [а] то царь славы, творець небу и земли. А иду я на Русь, кетьмышьтыръ имень,[144] уручь тутъ тымъ. Месяць март [б] прошелъ, и азъ месяць мяса есмь не ялъ, заговѣлъ [в] с бел. 380 об. сермены в недѣлю, да говѣл есми ‖ ничево скоромнаго, никакыя ястъвы бесерменьскыя, а ялъ есми все по двожды днемъ хлѣбъ да воду, вратыйял ятъ мадымъ; [144] да молился есми богу вседержителю, кто сътворилъ небо и землю, а иного есми не призывал никоторово имени, богъ олло, богъ керимъ, богъ рагымъ, богъ худо,[г] богъ акъ беръ, богъ царь славы, олло варенно, олло рагымелло сеньсень олло ты.

А от Гурмыза [145] ити моремъ до Голатъ 10 дни, а от [а] Калаты до Дѣгу [146] 6 дни, а от Дѣга до Мошката [147] до Кучьзрята [148] до Комбата [149] 4 дни, отъ Камбата до Чивеля [150] 12 дни, а отъ Чивиля до [б] Дабыля [151] — 6. Дабыль же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменьству. А от Дабыля до Колекота [152] 25 дни, а от Селекота до Силяна [153] 15 дни, а от Силяна до Шибанта [154] мѣсяць ити, а отъ Сибата до Певгу [155] 20 дни, а отъ Певгу до Чини л. 381 да до Мачина [156] месяць итьти, ‖ моремъ все то хожение. А от Чини да до Кытаа [157] итьти сухом 6 месяць, а морем четыре дни ити. аросто хода чотом.[158]

Гурмызъ[159] же есть пристанище великое, всего свѣта люди въ немъ бывають, и всякы товаръ въ немъ есть, что на всемъ свѣте родится, то в Гурмызѣ есть все; тамга[160] же велика, десятое со всего есть.[а] А Камбаятъ[161] же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи,[162] да пестреди,[163] да канъдаки,[164] да чинятъ краску нилъ,[165] да родится въ немъ лекъ[166] да ахыкъ[167] да лонъ.[168] Дабыло[169] же есть пристанище велми велико, и привозять кони изъ Мисюря,[170] изъ Рабаста,[171, б] изъ Хоросани,[172] ис Туркустани,[173] изъ Негостани[174] да ходять сухомъ месяць до Бедери да до Кельбергу.[175]

А Келекотъ[176] же есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не дай богъ никакову кестяку.[177] А кто его ни увидить,|| тотъ поздорову не проидеть моремъ. А родится в немъ перець, л. 381 об да зеньзебиль,[178] да цвѣт, да мошкатъ,[179] да калафуръ,[180] да корица, да гвозникы,[181] да пряное коренье,[182] да адрякъ,[183] да всякого коренья родится в нем много. Да все въ немъ дешево, да кулъ да каравашь пісьяръ хубь сія.[184]

А Силян[185] же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ баба Адамъ на горѣ на[а] высоцѣ,[186] да около его родится каменье драгое,[187] да червьци,[188] да фатисы,[189] да бабогури,[190] да бинчаи,[191] да хрусталь,[192] да сумбада,[193] да слоны родятся, да продають в локоть, да девякуши продають в вѣсъ.[194]

А Шабаитьское пристанище[195] Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцемъ дають алафу[196] по тенкѣ[197] на день, и великому и малому; а кто в немъ женится хоросанець, и князь шабатьской даеть по тысячи тенекъ на жертву, да на олафу, да ѣсть || на л. 382 всякый месяць по десяти денек; да родится в Шаботе[198] шелкъ, да сандал,[199] да жемчюгъ, да все дешево.

А въ Пегу[200] же есть пристанище немало, да все в нем дербыши живуть индѣйскыя,[201] да родится въ немъ камѣние дорогое, маникъ,[202] да яхут,[203] да кырпукъ;[204] а продають же камение дербыши. А Чиньское же да Мачиньское[205] пристанище велми велико, да дѣлають в немъ чини,[206] да продають чини в вѣсъ, а дешево.

А жены же их с мужи своими спять в день, а ночи жены их ходять к гарипомъ да спять с гарипы,[207] дают имъ олафу,[208] да приносять

с собою яству сахорную да вино сахарное, да кормять да поятъ гостей, чтобы ее любилъ, а любять гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми; а у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужь
л. 382 об. даеть алафу; а родится бело, ино гостю пошлины 18 тенекъ; || а черно родится, ино ему нѣтъ ничево, что пил да ѣлъ, то ему халялъ.[209]

Шаибать [210] же отъ Бедеря [211] 3 месяци, а от Дабыля до Шаибата 2 месяца моремъ итьти, Мачимъ да Чимъ [212] от Бедеря 4 месяца моремъ итьти, а тамъ же дѣлають чими [213, а] да все дешево; а до Силяна 2 месяца моремъ итьти.[б] В Шабаите же родится шелкъ, да инчи,[214] да жемчюгъ, да сандалъ; слоны продають в локоть.[215]

В Силяне же родится аммоны,[216] да чрьвци, да фатисы. В Лекоте [217] же родится перець, да мошкат, да гвоздникы, да фуфалъ,[218] да цвѣт. В Кузряте же родится краска да люкъ.[219] Да в Камбатѣ родится ахикъ.[220] В Рачюре [221] же родится алмазъ биркона да новъкона же алмазъ; [222] продають почку [223, в] по пяти рублевъ, а доброго по десяти рублевъ, новаго же почка алмазу пѣнечь чекени,[224] сія [225] же чаршешкени,[226] а сипитъ екъ тенка.[227] Алмазъ же
л. 383 родится в горѣ || каменой, а продають же тую гору каменую [а] по двѣ тысячи фунтовъ золотых новаго алмазу, а кона [228] алмазу продають в локоть по 10 тысячь фунтовъ золотых. А земля же тоя Меликханова,[229] а холопъ салтановъ, а от Бедеря 30 кововъ.

А сыто жидове зовуть Шабатъ своими жидовы, а то лжут; а шабаитене ни жидове, ни бессрмена,[230] ни христиане, инаа вѣра индейскаа, ни с худы,[231] ни зъ бесермены ни піють ни ядять, а мяса никакого не ядять. Да в Шабатѣ же все дешево, а родится шелкъ да сахаръ велми дешево; да по лесу у них мамоны [232] да обезьяны, да по дорогамъ людей дерут; ино у нихъ ночи по дорогамъ не смѣють ѣздити обезъянъ дѣля да момонъ дѣля.

А отъ Шаибата же 10 месяць сухомъ итьти, а моремъ 4 месяца аукиковъ.[233] А оленей окормленныхъ рѣжуть пупы, а пупъ в немъ
л. 383 об. мускусъ [234] родится; а ди||кыи олені пупькы ис собя ронять по полю и по лесу, ино ис тѣх воня выходить, да ѣстъ то тотъ не свѣжь.

Месяца маа Великій день [235] взялъ есми в Бедере [236] бесерменьскомъ и в Гондустани; а в бесермене бограмъ [237] взяли въ среду

месяца маа; а заговѣлъ есми месяца априля 1 день. О [а]благовѣрныи христіяне! [б] Иже кто по многым землямъ много плаваеть, въ многыя грѣхы впадаеть и вѣры ся да лишаеть христианскые.[в] Азъ же, рабище божие Афонасие, и сжалися по вѣрѣ; уже проидоша четыре великыя говѣйна [238] и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Великый день, или говѣйно, ни Рожества Христова нѣ вѣдаю, ни иныхъ праздниковъ не вѣдаю, ни среды, ни пятници не вѣдаю; а книгъ у меня нѣтъ,[239] коли мя пограбили, ини книгы взяли у мене,[г] азъ же от многыя беды поидох до Индѣи, занже ми на Русь поити нѣ с чѣмъ, не || осталося товару ничево. л. 384
Пръвый же Великъ день взял есми в Каинѣ,[240] другой Великъ день в Чебукару в Маздраньской земли,[241] третий Великый день в Гурмызѣ,[242] четвертый Великый день въ Индѣи с бесермены въ Бедери; и ту же много плакахъ по вѣрѣ по хрестьяньской.

Бесерменинъ же Мелик,[243] тотъ мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати. Азъ же ему рекохъ: «Господине! Ты намаръ кыларесенъ [244] менда намазъ киларьменъ, ты бешь намазъ киларьсизъменда 3 калаременьмень гарипъ асень иньчай»; онъ же ми рече: «Истину ты не бесерменинъ кажешися, а хрестьаньства не знаешь». Аз же въ многыя помышления впадохъ и рекох себѣ: «Горе мнѣ окаанному, яко отъ пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже самъ поиду. Господи боже вседержителю, творець небу и земли! Не отврати лица отъ рабища твоего, яко скорбь || близъ есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, господи, от пути истиннаго и настави мя, господи, на путь твой правый, яко никоея же добродѣтели в нужи той сотворих тебѣ, господи мой, яко дни своя преплых все во злѣ, господи мой, олло [а] перводигерь,[245] олло ты, каримъ олло, рагымъ олло, каримъ олло, рагымелло; ахалимъ дулимо». Уже проидоша 4 Великыя дни в бесерменьской земли, а христианства не оставихъ; далѣ богъ ведаеть, что будеть. Господи боже мой, на тя уповахъ, спаси мя господи боже мой! л. 384 о.

Во Индѣи же бесерменьской, в великомъ Бедери, смотрилъ [б] есми на Великую ночь на Великый же день — волосыны да кола в зорю вошьли, а лось [246] [в] головою стоит на восток. На баграмъ

на бесерменьской выехал султанъ на теферичь,[247] ино с нимъ 20 възы-
л. 385 ревъ [248] великых, да триста слоновъ наряженых в булатных || в до-
спѣсех [249] да с горотки, да и городкы окованы, да в гороткѣх
по 6 человѣкъ в доспѣсех, да с пушками да с пищалми; а на вели-
комъ слонѣ 12 человѣкъ, на всякомь слонѣ по два проборца вели-
кых, да къ зубомъ повязаны великыя мечи по кентарю,[250] да к ры-
ломъ привязаны великыя желѣзныя гыры, да человѣкъ сѣдить
в доспѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него в руках желѣзной великы,
да тѣмъ его править; да коней простыхъ тысяча въ снастѣхъ золотых,
да верблюдовъ сто с нагарами,[251] да трубникъвъ 300, да пляс-
цевъ 300, да ковре [252] 300. Да на султанѣ ковтанъ весь[а] саженъ
яхонты, да на шапкѣ чичакъ [253] олмазъ великы, да сагадакъ [254]
золот со яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы,[б] да седло
золото, да перед нимъ скачет кофаръ [255] пѣшь да играеть теремь-
цемъ, да за нимъ пѣшихъ много, да за ним благой слонъ идеть,
л. 385 об. а весь в ка||мкѣ [256] наряжанъ, да обиваеть люди, да чепь у него
велика желѣзна во ртѣ, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на
султана не наступилъ блиско. А братъ султановъ тот сидит на кро-
вати на золотой, да над нимъ теремъ оксамитенъ,[257] да маковица
золота со яхонты, да несуть его 20 человѣкъ. А махтумъ [258] сидит
на кровати на золотой, да над ним теремъ шидянъ [259] с маковицею
золотою, да везутъ его на 4-хъ конехъ въ снастехъ золотыхъ; да
около людей его много множество, да перед нимъ пѣвци, да пляс-
цевъ много, да всѣ с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да сули-
цами, да с копіи, да с лукы с прямыми с великими, да кони всѣ
в доспѣсехъ, да сагадакы на них, да иныа нагы всѣ,[а] одно пла-
тище на гузнѣ, соромъ[б] завѣшенъ.

В Бедери же месяць стоить 3 дни полон. В Бедери же сладкаго
386 овощу нѣтъ. В Гу||ндустанѣ же силнаго вара нѣтъ; силно варъ
в Гурмызѣ да в Катобагряимъ,[260] гдѣ ся жемчюгъ родить, да
в Жидѣ,[261] да в Бакѣ,[262] да в Мисюрѣ,[263] да въ Остани,[264] да
в Ларѣ; [265] а въ Хоросаньской земли [266] варно, да не таково; а в Че-
готани [267] велми варно; а в Ширязѣ, [268] да въ Езди,[269] в Кашини [270]
варно да вѣтръ бывает, а в Гиляни [271] душьно велми да парищо
лихо, да въ Шамахѣи [272] паръ лихъ; да в Вавилони [273] варно, да Ху-

митѣ [274] да в Шамѣ [275] варно, а в Ляпѣ [276] не такъ варно. А в Севастѣи [277] губѣ да в Гурзыньской земли [278] добро обилно всѣм; да Торьскаа земля [279] обилна вельми; да в Волоской земли [280] обилно и дешево все съѣстное; да Подольскаа земля [281] обилна всѣм; а урусь ерь таньгры сакласынъ; олло сакла, худо сакла, будоньяда мунукыбит ерь ектуръ; нечикъ урсу ери бегъляри акай тусил; урусь ерь абадан больсынъ; || расте кам деретъ. Олло, худо, богъ, богъ л. 386 об. данъгры.[282]

Господи боже мой! На тя уповахъ, спаси мя господи! Пути не [а] знаю, иже камо поиду изъ Гундустана: на Гурмызъ поити, а от Гурмыза на Хоросанъ пути нѣтъ, ни на Чеготай пути нѣтъ, ни на Катобагряим пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣту. То вездѣ булгакъ [283] сталъ; князей вездѣ выбыли, Яишу мурзу [284] убилъ Узуосанъбекъ,[285] а Солтамусаитя [286] окормили, а Узуасанъбекъ на Ширязи сѣлъ и земля ся не обрѣнила, а Едигерь Махмет,[287] а тотъ къ нему не ѣдѣтъ, блюдется; иного пути нѣтъ никуды. А на Мякъку [288] поити, ино стати в вѣру бесерменьскую, зань же христіане не ходят на Мякъку вѣры дѣля, что ставять в вѣру. А жити в Гундустанѣ, ино вся собина исхарчити, зань же у них все дорого: одинъ есми || человѣкъ, и язъ по полутретія алтына на день харчю л. 387 идеть, а вина есми не півалъ, ни сынды.[289, а]

Меликтучаръ [290] два города взял индѣйскыя, что розбивали по морю Индѣйскому, а князей поимал 7 да казну их взял, юкъ яхонтовъ, да юкъ олмазу [291] да кирпуковъ,[292] да 100 юков товару дорогово, а иного товару бесчислено рать взяла; [б] а стоялъ [в] подъ городомъ два году,. а рати с нимъ два ста тысяч, да слонов 100, да 300 верьблюдов. Меликтучаръ пришелъ съ ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-русьскому на Петровъ день. И султанъ [293] послалъ 10 възыревъ стрѣтити [г] его за десять ковов, а въ ковѣ по 10 верстъ, а со всякым возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсехъ.

А у Миктучара на всякъ день садится за суфрею [294] по 5 сотъ человѣкъ, а с нимъ садится 3 възыри за его скатерьтью, а с возыремъ || по пятидесят человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояриновъ вшеретных. У Меликтучара на конюшне коней 2 тысящи да тысяча л. 387 об.

осѣдланых и день и ночь стоятъ готовых, да 100 слоновъ на конюшне; да на всякую ночь дворъ его стерегуть 100 человѣкъ в доспѣсех, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ,[295] да по 10 бубновъ великых по два человѣка биють.

Мызамлылкъ,[296] да Мекханъ,[297] да Фаратханъ,[298] а тѣе взяли 3 городы великыи, а с ними рати своей 100 тысячь да 50 слоновъ, да камени всякого дорогого много множьство; а все то камение да яхонты да олъмазъ покупили на Меликтучара,[а] заповѣдал дѣляремъ,[б] что гостемъ не продати, а тѣе пришли от Оспожина дни [299] к Бедерю граду.

Султанъ выежжаеть на потѣху в четвергъ да во вторник, да три
л. 388 с ним возыры выещають; а брат выежжает султанов || в понедѣльникъ, с матерью да с сестрою; а жонъкъ 2 тысячи выежжаеть на конех да кроватех на золотыхъ да коней пред нею простых сто въ снастех золотых, да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 възыреней,[а] да 50 слоновъ в попонах сукняных, да по 4 человѣкы на слонѣ сѣдят нагых, одно платище на гузне, да жонкы пѣшие нагы, а тѣе воду за ними носять пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пиет.

Меликтучаръ выехал воевати индѣянъ с ратию своею изъ града Бедеря на память шиха Иладина,[300] а по-русскому на Покровъ святыя богородица,[301] а рати с нимъ вышло 50 тысяч; а султан послал рати своей 50 тысяч да 3 с ним возыри пошли, а с ними 30 тысяч, да 100 слоновъ с ними пошло з городкы да в доспѣсехъ, а на
л. 388 об. всякомъ слонѣ по 4 человекы с пищалми. Меликтучаръ пошел || воевати Чюнедара великое княжение Индѣйское.

А у Бинедарьскаго [302] князя 300 слоновъ да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него. Султанъ [303] выехал из города Бедеря [304] въ 8-и месяць по Велице дни, да с ним възыревъ выехало 20 да 6 възыревъ,[а] 20 възыревъ бесерменьскыхъ, а 6 възыревъ индѣйскых. А с султаномъ двора его выехало 100 тысяч рати своей коных людей, а 200 тысяч пѣших да 300 слоновъ с городкы да в доспѣсехъ, да 100 лютых звѣрей о двою чепѣх. А с братом с султановым вышло двора его 100 тысяч конных, да 100 тысяч пѣших людей, да 100 слоновъ наряжаных в доспѣсехъ. А за Малханом [305] вышло двора его

20 тысяч коных людей, а пѣших шестьдесять [б] тысяч, да 20 слоновъ наряжаных. А зъ Бедерьханомъ [306] вышло 30 тысячь конныхъ людей, да з братом, да пѣших 100 тысяч, да слоновъ 25 наряжа||ных л. 389
с тороткы. А с султаном вышло двора его 10 тысяч конных,[а] а пѣших дватцат тысящ, да слоновъ 10 с городкы. А з Возырханомъ [307] вышло 15 тысяч конных людей, да пѣших 30 тысяч, да слоновъ 15 наряженых. А с Кутарханом [308] вышло двора его 15 тысяч конных людей, да пѣших 40 тысяч, да 10 слоновъ. А со всяким възыремъ по 10 тысяч, а с ыным по 15 тысяч коных, а пѣших 20 тысяч. А с ындѣйскым авдономомъ [309] вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣших людей 100 тысяч, да 40 слоновъ наряжаных в доспѣсех, да по 4 человѣкы на слонѣ с пищальми. А с сулътаномъ вышло возыревъ 26, а со всякым возырем по 10 тысячь,[б] а с ынымъ възырем 15 тысяч конных людей, а пѣших 30 тысяч. А индѣйскыя 4 возыри великых, а с ними рати своей по 40 тысяч конных людей, а пѣших 100 тысяч. || И султанъ ополѣлся на индѣянъ, што мало л. 389 об.
вышло с ним, и онъ еще прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, двѣстѣ [а] тысяч конных людей, да 20 слоновъ. Такова сила султана индѣйскаго бесерменьскаго Маметь дени іаріа, а растъ дени худо доносит.[310] А правую вѣру богъ вѣдаеть, а праваа вѣра бога единаго знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту.

Въ пятый же Великый день възмыслилъ ся на Русь. Изыдохъ же из Бедеря града за месяць до улубаграма [311] бесерменьского Маметь дени росолял,[312] а Велика дни христьаньскаго не вѣдаю Христова въскресенія, а говѣйно же ихъ говѣхъ с бесермены, и розговѣвся с ними, Великый день взях в Келберху [313] от Бедеря 20 кововъ.

Султанъ же пришелъ до Меликътучара с ратию своею 15 день по улубагрямѣ, а все Кельбергу; и война ся имъ не удала, || одинъ л. 390
городъ взяли индѣйской, а людей много изгыбло, и казны много истеряли. А индѣйской же султан кадамъ [314] велми силенъ, и рати у него много, а сидить в горѣ в Биченѣгирѣ.[315] А град же его велми великъ, около его три ровы,[а] да сквозѣ его рѣка течеть; а со одну сторону его женьгѣль [316] злый, и з другую сторону пришел дол, чюдна мѣста велми и угодна на все, на одну же сторону прийти

нѣкуды, сквозѣ град дорога, а града взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь зла тикень.[317] Под городом же стояла рать месяць, и люди померли съ безводія, да головъ много велми изгыбло с голоду да с безводоци; а на воду смотрить, а взять нѣкуды. Град же взялъ индѣйскы Меликъчан ходя,[318] а взял его силою, день и ночь билъ ся съ городом 20 дни, рать ни пила, ни яла, под городом стояла с пуш-
л. 390 об. ками;[б] а рати его изгыбло 5 тысяч люду || добраго, и город взял, ины высѣкли 20 тысяч поголовія мужескаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тенекъ, а иную по 5 тенекъ, а робята по 2 теньки, а казны же не было ничево, а болшаго града не взял.

А отъ Кельбергу поидох до Курули;[319] а в Курули же родится ахик;[320] и ту его дѣлають и на весь свѣтъ откудыва его розвозят; а в Курыли же алмазъниковъ триста, сулях микунѣтъ.[321] И ту[а] бых 5 месяць, а оттуды же поидохъ Калики,[322] и ту же бозаръ велми великъ; а оттуды поидох Конаберга;[323,б] а отъ Канаберга поидохъ ших Аладину; а отъ ших Аладина поидох ка Аминдріе; а от Камендрѣя к Нарясу; а от Кынарясу к Сури;[324] а от Сури поидох к Дабили,[325] пристанище великаго моря Индѣйскаго.

Дабыл же есть град велми великъ, а х тому жь Дабили съеж-
л. 391 щается вся поморья || Индѣйскаа і Ефиопьскаа. И ту аканкый и яз, рабище Афанасіе, бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіаньской, и по крещение Христовѣ, и по говѣйнѣх святых отець устроеных и по заповедех апостольских, и устремихся умъ поити на Русь; внидох же в таву [326] и съговорих о налонѣ [327] корабленемъ, а от своея головы 2 золотых до Гурмыза града дати.

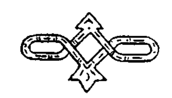
И внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за 3 месяци, бесерьменьскаго говѣйна; идох же в тавѣ по морю месяць, а не видах ничево; на другый же месяць увидѣхъ горы Ефіопскыя.[328,а] И ту людие вси въскличаша «олло бервогыдирь,[329] олло конъкаръ, бизимъ баши мудна насипъ болмышьтп», а по-рускы языком молвят: «Боже государю, боже, боже вышній, царю небесный! Зде ли[б] нам судил еси погыбнути?»

И в той же земли Ефиопьской бых 5 дни, божиею благодатию
зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы
ефиопомъ, ины судна не пограбили. [в]А оттудова же || [в]поидохъ 12 дни л. 391 об.
до Мошьката,[330] и в Мошкате же шестый Великый день взях,
и поидох до Гурмыза [331] 9 дни, и в Гурмызѣ бых 20 дни. И зъ Гур-
мыза поидох к Лари,[332] и бых 3 дни. Изъ Лари поидох к Ширязи [333]
12 дни, а в Ширязи бых 7 дни. А изъ Ширяза поидох к Верху [334, а] 15,
а в Вергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езъди [335] 9 дни,
а въ Езди быхъ 8 дни. А изъ Езди поидох къ Спагани [336] 5 дни,
а въ Спагани 6 дни. А ис Спагани [б] поидох Кашани,[337] а в Кашани
бых 5 дни. А ис Кошани поидох к Куму.[338] А ис Кума поидох
в Саву.[339] А ис Савы поидох въ Султанию.[340] А ис Султаніи [в]
поидох до Терьвиза.[341] А ис Тервиза поидохъ в орду [г] Асанбѣ,[342]
в-ърде же бых 10 дни, ано пути нѣту никуды. А на Турьскавъ [343]
послал рати своей 40 тысяч, ины Севасть [344] взяли, а Тоханъ [345]
взяли да и пожьгли, Амасию [346] взяли, и много пограбили сел, да
пошли на Караманъ [347] воюючи. И яз из орды пошел къ || Арци- л. 392
цину; [348] а из Ръцана [349] пошел есми въ Трепизонъ.

И въ Трепизон [350] же приидох на Покровъ святыя богородица
и приснодѣвыя Марія, и бых же въ Трипизони 5 дни, и на карабль
приидох и сговорихъ о налонѣ [351] дати золотой от своея головы
до Кафы, а золото есми взялъ на харчь,[352, а] а дати в Кафе.[353]
А въ Трепизони же ми шубашь [354] да паша [355] много зла ми учи-
ниша,[356] хламъ мой весь к собѣ взнесли в город на гору,[357] да обыс-
кали все;[б] а обыскывають грамоть, что есми пришел из орды
Асанъбега.

Божиею милостью приидохъ до третьяго моря до Чермнаго,[358]
а парьсыискымъ языкомъ дория Стимъбольскаа.[359] Идохъ же по
морю вѣтромъ пять дни, и доидохъ до Вонады;[360] и ту нас стрѣтилъ
великый вѣтръ полунощь, и възврати нас къ Трипизону; и стояли
есмя въ Платанѣ [361, в] 15 дни, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Пла-
таны есмя пошли на море двожды, и вѣтръ нас стречасть злы, не
дасть намъ по морю ходити; олло акъ олло худо || перводегерь,[362] раз- л. 392 об.
вѣе бо того иного бога не знаем. И море же преидохъ да занесе нас
сыкъ Балыкаее,[363] а оттудова Тъкъръзофу,[364] и ту стоалі есмя 5 дни.

Божиею милостью придох в Кафе за 9 дни до Филипова заговейна, олло перводигырь. Милостию же божиею преидох же три моря; дигырь худо доно, олло перводигирь доно, аминь;[365] смилна рахмамъ рагым, олло акберь,[366] акши худо илелло акши ходо, іса рухолло [367] заліксолом; олло акберь аилягаіля іллелло, олло перводігерь ахамду лілло шукуръ худо афатад; бисмилна гирахмам ррагым: хувомугулези ляіляга ильлягуя алимул гяиби вашагадити; хуарахману рагыму хувомогулязи ля иляга ильляхуя альмелику алакудосу асалому альмумину альмугамину альазизу альчебару альмутаканъ биру альхалику альбаріюу альмусавирю алькафару алькахару альвахаду альрязаку альфатагу альаліму алькабізу альбасуту альхафизу алъррафію альмавіфу альмузилю альсемію альвасирю альакаму альадьюлю альлятуфу.[368]

ЭТТЕРОВ СПИСОК

XVI в.

а ходил, сказывает, с Василием Папиным. Аз же о-
пытах, коли Василей ходил с кречаты послом от
великого князя, и сказаша ми, за год до казанского
похода пришел из Орды; коли князь Юрьи под Каза-
нью был, тогды его под Казанью застрелили. Се написано
не обретох, в кое лето пошел или в кое лето
пришел из Ындеи умер, а сказывают, что деи
Смоленьска не дошед умер. А писание то своею
рукою написал, иже его рукы те тетрати
привезли гости к Мамыреву Василью, к дьяку
великого князя на Москву.

Се написах свое грешное хожение за три моря.
1 е море Дербеньское, дория Хвалитьскаа. 2 е мо-
ре Индейское, дория Гундустаньскаа. 3 е
море Черное, дория Стебольскаа.

Пойдох от Спаса святаго златоверхаго и с его ми-
лостию, от государя своего от великого князя Ми-
хаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Генадиа
Тверскаго и Бориса Захарьича. И пойдох вниз Во-
лгою. И приидох в монастырь Колязин ко святей
Троицы живоначалной и к святым мучеником
Борису и Глебу. И у игумена благословися у Макариа

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 442 из Эттерова списка (Львовская летопись) XVI в.

вдербенть. и тꙋ василеи поздорову пришел
а мы пограблени. а били есмя челом василью па
пиноу. да послоу ширваншиноу асанбегоу.
что есмя с ним пришли чтобы ся печаловал
о людех. что их поимали под тархи. каитаки.
и асанбег печаловался. и ездил на гору к була
тубегоу. и булабегъ послал скорохода кова
ршибегу. что господине судно руское розбило под та
рхи. и каитаки пришед люди поимали. а товар
их розграбили. и ширваншабегъ того часа по
слал посла к шурину своему алильбегу ка
итачевскому князю. что судно ся мое розбило
под тархи. и твои люди пришед люди поимали.
а товаръ их пограбили. и ты чтобы меня дѣ
ля люди ко мне прислал. и товар их собрал. занже
тѣ люди посланы на мое имя. а что будет тебе
надобе у меня. и ты ко мне пришли. и язъ те
бе своему брату не боронюю. а тѣ люди пошли
на мое имя. и ты бы их отпустил ко мне добро
волно. меня дѣля. и алильбегъ того часа люди
отослал. а поимает его море под подждынаде. и тоу
есми взял первыи великъ день. а пришел есми
в гурмыз за четыре недели до великадни. а то
есми городы не все писал. много городов великих.
а в гоурмызе есть солнце варно человека сожжет.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 443 об. из Эттерова списка (Львовская летопись) XVI в.

Того же году обретох написаніе Офонаса Тверитина купца, л. 441 об.
что былъ в Ындѣе 4 годы, || а ходил, сказывает, с Васи- л. 442
лиемъ Папиным. Азъ же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до[а] казанского похода пришел[б] из Орды, коли князь Юрьи под Казанію был, тогды его под Казанью[в] застрелили. Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя умер, а сказывают, что деи Смоленьска не дошед умеръ. А писаніе то своею рукою написал, иже его рукы те тетрати привезли гости к Мамыреву Василью, к діяку великого князя на Москву.

Се написах свое грѣшное хоженіе за три моря: 1-е море Дербеньское, дорія Хвалитьскаа;[г] 2-е море[д] Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа; 3-е море Черное,[е] дорія Стебольская.[ж]

Поидох от Спаса[з] святаго златоверхаго и сь его милостію, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго[и] и от владыкы Генадья Тверьскаго[к] и Бориса Захарьича и поидох вниз Волгою и приидох в манастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и к святым мученикомъ Борису и Глѣбу;
и у игумена благословив у Макарья || и у святыя братьи. И с Коля- л. 442 об.
зина поидох на Углеч, с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду[а] поидох с Углеча и приехалъ есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою [б]великого князя.[в] И отпустили мя доброволно. И на Плесо приехал есми[г] доброволно. И приехал есми в Новгород в Нижней к Михайло х Киселеву и к пошлиннику к Ывану к Сараеву и они мя отпустили доброволно.

А Василей Папин проехал мимо город две недели, [д]и яз ждал в Новѣгороде в Нижнем две недели[е] посла татарскаго ширван-

шина Асанбега, а ѣхал с кречаты от великого князя Ивана,[а] а кречатов у него девяносто. И приехал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проехали доброволно, не видали[з] никого, и Орду есмя проехали, и Сарай есмя проехали.

И въехали есмя въ Бузанъ. Ту наехали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсымъ салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели [и] мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове,[к] по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да
л. 443 полѣз есми на судно на послово и с това||рищи своими. Поѣхали есмя мимо Хазтарахан,[а] а мѣсяцъ свѣтит, и царь нас видел и татаровѣ к нам кликали: «Качма, не бѣгайте». А мы того не слыхали ничего. А бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ,[б] и учали нас стреляти, у нас застрелили человѣка, а у нихъ дву татаринов[в] застрелили; и судно наше стало на езу, и они нас взяли, да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне.

А в болшом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, а они нас туто взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверх по ѣзу.[г] И тут судно наше меншее пограбили и четыре головы взяли руские, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя в Дербенть заплакавші двѣма суды: в одном суднѣ посол Асанбѣг, да тезикы, да русаков нас десеть головами; а в другомъ суднѣ 6 москвич, да шесть тверичь, да коровы, да кормъ нашь. А въстала фуртовина на море, да судно меншое разбило о берег. А тут есть городок Тархи,[д] а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакы да людей поимали всѣх.
л. 443 об. И пришли есмя || в Дербенть. И ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени. И били есмя челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбегу,[а] что есмя с ними пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг[б] печаловался и ѣздил на гору к Булату-бегу. И Булат-бегъ послал скорохода къ ширваншѣбѣгу:[в] что, господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки пришед люди поимали, а товар их[г]

розграбили. И ширваншабегъ того же [д] часа послал посла к шурину своему Алильбегу кайтачевскому князю, что судно ся розбило под Тархи, и твои люди пришед людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы меня дѣля люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя; а что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз тебѣ, своему брату, не бороню, а тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мне доброволно меня дѣля. И Алильбегъ того часа люди отслал.[е]

А поимает его море по двожды на день. И тутъ есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человѣка сожжет. || А въ Гур- л. 444
мызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское, по Велице дни в радуницу, в таву, с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбаату, а тутъ ся родит краска да лекъ. А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя пришли в 7-ю недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есми 6 недѣль морем до Чивиля.[а]

И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы,[б] а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у них много, а мужики и жонкы всѣ нагы, а всѣ черныя; яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузне; а бояре у них — фота на плещѣ, а другаа на гузне, а [в] княини ходят — фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне; а слуги княжие и боярьскые — фота на гузне обогнута, да щит да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют; а жонки ходят голова не покрыта, || а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, л. 444 об.
сором не покрыт.

А ис Чювиля [а] сухом пошли есмя [б] до Пали 8 дни, и то индѣйскіе городы. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индѣйский. А отъ Умри до Чюнеря 7 дні, ту есть Асатхан Чюнерскыа

индийский, а холоп Меликътучаровъ, а держит сем темъ от Меликъточара. А Меликътучар седит на 20 [в] тмах, а бьется с кафары 20 лѣт есть, то его побивают, то он побивает ихъ многажды. Хан же Асъ ездит на людех, а слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много [г] хоросанцев; а привозят ихъ из Хоросаньские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменскые земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах индѣйские карабли.

И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и дошелъ есми до Чюнеря богъ далъ поздорову все, а стал ми во сто рублев. Зима же у нихъ стала с Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнерѣ, жили есмя два мѣсяца; ежедень и нощь 4 мѣсяцы, всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орют да сѣют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все съѣстное. Вино же у них чинят в великых ||
л. 445 орѣхех кози гундустанская; а брагу чинят в татну, кони же кормят нофутом, да варят кичирисъ с сахаром да кормят кони, да с маслом, порану же дают имъ шешни. В Ындѣйской же земли кони у них не родят, вь их землѣ родятся волы да буйволы, на тѣх же ѣздят и товар возят, все дѣлают.

Чюнерей же град есть па острову на каменом, не одѣланъ ничѣм, богом сотворен; а ходят па гору день по одному человѣку, дорога тесна, а двема поити нелзѣ. В Ындѣйской земли гости ся ставят по подворьем, а ѣсти варят на гости господарыни,[а] и постелю стелют [б] на гости господарыни, [в] и спят с гостми, сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь екъжитель берсен достур аврат чектур а сикиш муфут а любят бѣлых людей. Зимѣ же у нихъ ходит любо фота на гузне, а другая по плечем, а третья на головѣ; а князи и бояре толды на себя въздевають портки,[г] да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третеею голову увертит; а се оло, оло, абрь оло акъ, олло керем, олло рагим.

А в том Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а увѣдал, что яз не бесерменянин,[д] русин, и он молвитъ: «Жеребца дам да тысящу
л. 445 об златых дам, а стань в вѣру нашу || в Махмет дени; [а]не станеш в вѣру нашу в Махмат дени,[б] и жеребца возму и тысячю златых на головѣ твоей возму». А срок учинил на четыре дни, в оспожино

говѣйно на Спасов день. И господь богъ смиловался на свой честный праздник, не оставил милости своеа от меня грешнаго и не велѣлъ погибнути въ Чюнерѣ с нечестивыми; и канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанець, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал; и он ѣздил к хану в город, да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял. Таково осподарево чюдо на Спасовъ день. Ино, братіе русстіи християня, кто хощет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити[в] в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали [г]всего много[д] нашего товара, ано нѣт ничего на нашу землю; все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево; ино возятъ аче и моремъ, ини пошлины не дают. А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни[е] крестіяне, не[ж] бесермене; а молятся каменым || болваном, а Христа не знают. л. 446

А ис Чюнеря есмя вышли на оспожин день к Бедерю к болшому их граду. А шли есмя мѣсяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря 5 дни; а отъ Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тѣх великих градов много городов; на всяк день по три городы, а иной по четыре городы; колко ковов, толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов.

В Бедере же торгъ на кони, на товар, да на камки, да на шелк и на всей иной товар, да купити в немъ люди черные; а иные в нем купли нѣтъ. Да все товар ихъ гундустанской, да сьестное все овощь, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все[а] злодѣи, а жонки все бляди, да вѣдмы,[б] да тать,[в] да ложь, да зелие, осподарев морят зеліемъ.

В Ындѣйской земли княжат все хоросанцы, [г]и бояре все хоросанцы;[д] а гундустанцы все пѣшеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные всѣ пѣши, ходятъ борзо, а все наги да боси, да щит в руцѣ, а в другой мечь, а иные с луки великими с прямыми да стрелами.[е] А бой ихъ все слоны, да пѣших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспѣ||сех, и кони и сами; а к слоном л. 446 об.

вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат ихъ в доспѣхи булатные, да на них учинены городкы, да в городкѣх по 12 человѣкъ в доспѣсех, да всѣ с пушками да с стрелами.

Есть у нихъ одно мѣсто, шихбъ олудин пиръ ятыр базар аляди-нандъ, на годъ единъ базаръ, съѣжается вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов, приводят кони до 20 [а]тысящь коней[б] продавати, всякый товар свозят. В Гундустаньской[в] земли тотъ торгъ лучьшій, всякый товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русскый на Покров святыя богородица. Есть в том Алянде и птица гукукь, летает ночи, а кличеть: «кукъ-[г]кукь», а на которой хоромине седит, то тут человѣкъ умрет; и кто [д]хощет еа[е] убити, ино у ней изо рта огонь выйдет. А мамоны [ж]ходят нощи[з] да имают куры, а живут в горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живут по лесу, а [и]у них есть[к] князь обезьяньскый, да ходит ратию своею, да кто замает, и они жалуют[л] князю своему, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, и язык
л. 447 [м]у нихъ есть[н] свой, а детей родят много; || да которой родится ни в отца,[а] ни в матерь, ини тѣх мечют по дорогам; ины гундустанцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлію, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы[б] миканетъ.

Весна же у них стала с Покрова[в] святыа богородица; а празднують шигу Аладину, веснѣ две недѣли по Покровѣ, а празднують 8 дни; а весну дрьжат 3 мѣсяцы, а лѣто 3 месяца, а зиму[г] 3 мѣсяцы.

Бедер же ихъ стол Гундустану бесерменскому. А град есть великъ, а людей много велми; а салтан невелик — 20 лѣт, а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанець Меликтучар боярин, ино у него двѣсте тысящь рати своей, а у Фаратхана 20 тысяч; а много тѣхъ ханов по 10 тысящь рати. А с салтаном выходят триста тысящь рати своей. А земля людна велми, и пышна[д] велми; а все их носят на кровати своей на сребряных, да пред ними водят кони в санех златых до 20; а на конех за ними 300 человѣкъ, а пѣших пятьсот человѣкъ, да труб-

ников 10 человѣкъ, да варганниковъ 10 человекъ, да свирѣлников 10 человѣкъ. Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с нимъ человѣкъ на конехъ 10 тысящь, [е] а пѣших пятьдесят тысящ, [ж] || а слонов выводят двесте наряженых в доспѣсех золоче- л. 447 об. ных, да пред ним трубников сто человекъ, [а]да плясцов сто человѣкъ, [б] да коней простых 300 в санех золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гауроки.

В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротѣх сѣдит по сту сторожев да по сту писцов кафаров; кто поидет, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают; а гарипов не пускают въ град. А дворъ же его чюден велми, все на вырезе да на золоте, и послѣднiй камень вырѣзан да златом описан велми чюдно; да во дворѣ у него суды розныя.

Город же Бедер стерегут в нощи тысяща человѣкъ кутоваловыхъ, а ѣздят на конех в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычю. А яз жеребца своего продал в Бедери, да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год. В Бедери же змеи ходят по улицам,[в] а длина еѣ двѣ сажени.

В четвертые человѣк, а образом лютаго звѣря, а являяся им хвостомъ, [г] а вырезан на камени, а хвостъ через него [д] сажени. К бухану же съежается вся страна Индийская на чюдо Бутово; да у бутхана [е] бреются старые и молодые жонки и девочки, а бреют [ж]на себѣ всѣ воло||сы, [з] и бороды, и головы, и хвосты, да л. 448 поидут к бутхану; да со всякие головы емлют по двѣ шешькѣни пошлины на Бута, а с коней по четыре футы; а съезжается к бутхану всѣх людей бысты азарълекъ вах башет сат азаре лек. В бухане же Бут вырезан ис камени ис чернаго, велми великъ, да хвостъ у него через него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянъ царь Цареградскы, а в лѣвой руцѣ у него копiе, а на нем нѣт ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а виденiе обезьянино, а иные Буты наги, нѣт ничего, кот ачюкъ, а жонки Бутовы нагы вырѣзаны и с соромом и з детми, а перед Бутом же стоитъ волъ велми велик, а вырѣзан ис камени ис чернаго, а весь позолочен, а целуют его в копыто, а сыплют на [а] него цвѣты.

Индѣяне же не ѣдят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много; ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не піют, ни сыты; а з бесермены не піют, ни ядят. А ѣства же ихъ плоха, а один с одным ни пьет, ни ѣсть, ни з женою; а ѣдят брынец, || да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом, да с молоком, а ѣдят все [а]рукою правою,[б] а лѣвою не примется ни за что; а ножа не дрьжат, а лжицы не знают; а на дорозе кто же варит себѣ кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнець, ни въ ѣству; а толко посмотрит, ино тое ѣствы не едят, а едят, покрываются платомъ, чтобы никто не виделъ его.

л. 448 об.

А намаз же их на восток по-рускыи, обе руки подымают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ниць на землѣ, да весь ся истягнет [в] по земли, то их поклоны. А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскывают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а Буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тѣх жгут, да и попел сыплют на воду. А у жены [г]дитя родит,[д] ино бабит муж,[е] а имя сыну дает отець, а мати дочери; а добровта у них нѣт, а сорома не знают. Пошел или пришел, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ѣздят о великом заговеніе, къ своему, их туто Иерусалимъ, а бесерменскыи [ж] Мякька,[з] а по-ру||скы Иерусалимъ, а по-индѣйскыи Порват. А съезжаются всѣ наги, толко на гузне плат; а жонки всѣ наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да перстьни [а] златы олло оакь, а внутрь к бутхану ѣздят на волех, да у вола рога окованы мѣдію, да на шеи у него триста колоколцов, да копыта подкованы медію; а тѣ волы аччеи зовут. Индѣяне же вола зовут отцем, а корову матерію, а каломъ [б] пекут хлѣбы и ѣству варят собѣ, а попелом тѣмъ мажутся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу знамя. Въ недѣлю же да въ понедѣлник едят однова днем. В Ындѣя же какъ пачектуръ, а учюсь дерь: секишь илерсень ики житель; акичаны ила атарсын алты жетел берь; бу-

л. 449

лара достуръ: а куль коравашь учюзь чяр фуна хубъ бем фуна хубѣсіа; капъкара амь чюкь кичи хошь.

От Первати же приехал есми в Бедерь, за пятнатцать денъ до бесерменьскаго улубагря. А Великаго дни въскресенія Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бываеть хрестіяньскы первие бесерьменьскаго байрама за девять дни, [в]или за десять дни. [г] А со мною ‖ нѣт ничего, никоея книги, а книги есмя взяли л. 449 об
с собою с Руси; ино коли мя пограбили, иинии ихъ взяли, а яз забыл вѣры крестьяньские всее, праздники крестьянскые, ни Велика дни, ни Рожества Христова не знаю; а промежу есми вѣр таньгрыдан истрѣмень олсакласын; олло худо, олло акь, олло ты, олло кармиелло, танъгресень, худосеньсень. Богь един тотъ царь славы, творець небу и земли. А иду я на Русь, кетъмышьтыр имень, урус тутъ тым. Месяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми месяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменскіе, а ѣлъ есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля [а] ят мадым; да молился есми Христу вседрьжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ, богъ олло, богъ керим, богъ рагимъ, богъ ходо, богъ акь берь, богъ царь славы, олло варенно, олло рагимельно [б] сеньсень олло ты.

А отъ Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дѣгу шесть дни, а от Дѣга до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 дни, а от Кучьзрята до ‖ Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивиля л. 450
12 дни, а ст Чювиля до Дабыля 6 дни. И [а] Дабыло же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменьству. А отъ Дабыля до Колекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шаибата мѣсяць итти, а от Шабата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачина месяць итти, морем все то хожение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 месяць, а морем четыре дни итти, арастъ хода чотъмъ.

Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѣта люди в нем бывают, всякый товар в нем есть, что во всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все; тамга же велика, десятое съ всего емлют. Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все

дѣлают алачи, да пестреди, да киндяки,[б] да чинят краску нил, да родится в нем лекь да ахикь да лон. Дабыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Арабъстани, да ходять сухом месяць до Бедери да до Кельбергу.

А Келекотъ же есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не дай бо никакову костяку. А кто его не увидит, тот поздорову
л. 450 об не || пріидет морем. А родится в нем перець, да зеньзебил, да цвѣт, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье в нем родится много. Да все в немъ дешево, да кул да калавашь писааръ хубь сія.

А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ лежит баба Адамъ на горѣ на высоцѣ, да около еѣ родится каменіе драгое, да червьцы, да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада,[а] да слоны родятся, да продают ихъ в локот, да девякуши продают в вѣс.

А Шабатское пристанище Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафу по тѣнке [б] на день, и великому и малому; а кто в нем женится хоросанець, и князь шабатскый дает по тысячи тенекъ на жертву, да алафу дает на всякый месяць по пятидесяти тенекъ; да родится в Шабате шолкъ,[в] да сандалъ, да жемчюгъ, да все дешево.

А в Пегу [г] же есть пристанище немало, да все в нем дербыши живут индийскыи, да родятся в нем каменіе драгое, маникъ, да яхут, да кирпук; а продают же каменье деръбыши. А Чинское же да Ма-
л. 451 чинское приста||нище велми велико, да дѣлают в нем чини, да продают же чини в вѣс, а дешево.

А жоны их с мужи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафу, да приносят с собою ѣству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы еѣ любил, а любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми; а у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пилъ да ѣлъ, то ему халялъ.

Шаибат же от Бедеря 3 месяцы, а от Дабыля до Шабата 2 месяца морем итти, Мачим да Чим от Бедеря 4 месяцы морем итти, а там же дѣлают чими да все дешево; а до Силяна 2 месяца итти морем, а до Келекота месяць итти. В Шаибате же родится шолкъ, да инчи, да жемчюг, да санданъ;[а] слоны же продают в локот.

В Силяне же родится аммоны, да червьцы, да фатисы, да хрусталь, да бабугури.[б] В Лекоте же родится перець, да мошкат, да гвоздники, да фуфал, да цвѣт. В Кузряте же родится краска да лукь. Да в Камбояти родится ахикь. ‖ Во Рачюре же родится ал- л. 451 об.
маз биркона да [а]новъ кона[б] же алмаз; продают почку по пяти рублев, а доброго по десяти рублевъ, почка алмазу пѣнечь чекени, сия же чарашешекѣнь,[в] а сипитъ екъ тенка. Алмаз родится в горѣ каменой, а продают же ту гору каменую локот по двѣ тысячи фунтов златых новаго алмаза, а кона алмазу продаютъ в локоть по десяти тысяч фунтовъ златых. А земля же таа Меликъханова, а холопъ салтанов, а отъ Бедеря 30 ковов.

А сыто жидове зовуть Шабат своими жидовы, а то лжут; а шаибатене не жидова, ни бесермена, ни крестьяне, иная вѣра индийскаа, ни с худы, ни з бесермены ни пiют ни ядят, а мяса никакова не ядят. Да в Шабате же все дешево, а родится шолкъ да сахар, велми дешев; да по лѣсу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогамъ людей дерут; ино у них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля да мамонъ дѣля.

От Шабата же 10 месяць сухом итти, а морем 4 месяцы аукыиков.[г] А [д]у оленей[е] кормленыхъ рѣжут пупки, а в нем мскус[ж] родится; а дикие олени пупкы из собя роняют по лесу, ино ис тѣх воня выходит, да и съѣсть тот ‖ не свѣж. л. 452

Месяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустанѣ;[а] а бесермена баграм взяли в середу месяца; а заговѣл есмi месяца априля 1 день. О благовѣрнии рустiи кристьяне! Иже кто по многим[б] землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают кристьянские. Аз же рабище божiй Афонасий сжалихся по вѣрѣ кристьянской; уже проидоша 4 великая говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день, или говѣйно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных

праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю; а книг у меня нѣту, коли мя пограбили, ини книги взяли у меня, азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не остало у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре крестьяньской.

Бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати. Аз же ему рекохъ: «Господине! Ты намаз каларъсень ||
л. 45 2 об. менда намаз кыларъсизъ менда 3 календемен асень инчай»; он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а крестьяньства не знаешь». Азъ же во многыя помышлениа впадох и рекох в себѣ: «Горе мнѣ окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду. Господи боже вседрьжителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища[а] твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь созданіе; не отврати мя, господи, от пути истиннаго, настави, мя, господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тотъ не сътворих тобѣ, господи боже мой, яко дни своя преплыхъ все во злѣ все, господи мой, олло перводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло; ахам дулимо. Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а кристьянства не оставих; дале богъ ведает, что будет. Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя господи боже мой».

В Ындѣе же бесерменской,[б] в великом Бедерѣ, осмотрил есми на Великую нощь на Великый день — волосыны да кола в зорю вошли, а лось главою стоит на восток. На багрям на бесерменской
н. 453 выехал султан || на шеферичь, ино с ним 20 возыров великых, да триста слонов, наряженых в доспѣсех булатных да з городки, да и городкы окованы, да в городкѣх по 6[а] человѣкъ в доспѣсех, да и с пушками да и с пищалми; а на великом слоне по 12 человѣкъ, на всяком по два проборца[б] великых, да к зубом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыа желѣзныа гири, да человѣкъ седит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него

желѣзной великой, да тѣм его правят; да коней простых тысяща в санех златых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковре 300. Да на салтанѣ кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великы, да саадак золот сь яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото[в] да пред ним скачет кафаръ пѣшь да играет теремцомъ,[г] да за ним пѣших много, да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ[д] наряженъ, да обивает люди, да чѣпь у него желѣзна велика во ртѣ, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил[е] близко. А брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ-яхонты, да несут его || 20 л. 453 об. человѣкъ. А махмут седит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в санех златых; да около [а]его людей многое множество,[б] да пред ним певцы, да плясцов много, да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копіи, да с луки с прямыми с великими, да кони всѣ в доспѣсех, да саадаки на них, а иные наги всѣ, одно платище на гузне, сором завѣшен.

В Бедере же месяць стоит три дни[в] полонъ. В Бедере же сладкаго овощу нѣт. В Гундустани же силнаго вару нѣт; силен варъ в Гурмызе да в Кятобагряим, гдѣ ся жемчюг родит, да въ Жидѣ, да в Мярѣ, да в Оръобьстани, да в Ларѣ; а в Хоросанской землѣ варно, да не таково; а в Чеготани велми варно; в Ширязи, да въ Езди, в Кашини варно да вѣтръ бывает, а в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахѣе паръ лих; да в Вавилоне варно, а в Люпѣ[г] не так варно. А в Севастій губѣ да в Гурмызской землѣ добро обилно всѣм; да Турская земля обилна велми; да в Волоской землѣ обилно и дешево; да Подольская земля обилна всѣм; а Русь еръ тангрыд сакласын; || олло сакла, буданіада[а] мупуки- л. 454 бить ерь акьтур;[б] нечикь урус ери бегляри акой тугиль; урусь ерь абоданъ болсынъ; растъ кам даретъ. Олло, худо, богъ данъиры.

Господи боже мой! На тя уповах, спаси мя, господи! Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана: на Гурмыз поити, а из Гурмыза на Хоросан пути нѣту, ни на Чеготай пути нѣту, ни в Бодату пути нѣт, ни на Катабогряим пути нѣту, ни на Ездь пути нѣт, ни

на Рабостан пути нѣт. Но вездѣ булгакъ [в] стал; князей вездѣ выбил, Яншу мырзу убил Узоасанбегъ, а Султамусяитя окормыли, а Узуосанбекъ на Ширязе сѣлъ и земля не окрепила, а Едигерь Махмет, а тот к нему не ѣдет, блюдется; а иного пути нѣт никуды. А на Мякку итти, ино стати в вѣру бесерменскую, занеже кристьяне не ходят на Мякку [г]за вѣру. [д] А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человѣкъ, ино по полутретья алтына на харчю идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.

Меликътучар два города взял индийских, что разбивали по морю Индийскому, а князей поимал семь да казну их взял, юкъ
л. 454 об. яхонтов, да юкъ алмазу || да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла; а стоял под городом два года, [а] а рати с ним двѣсте тысячь, да слоновъ сто, да [б]300 верблюдов. [в] Меликътучар пришол ратiю своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-рускому на Петров день. И султанъ послалъ 10 возыревъ стрѣтити его за 10 ковов, а в ковѣ по 10 верстъ, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсех.

А у Меликътучара [г] на всяк день садятся за софрею по пятисот человѣкъ, а с ним садятся три возыри за его скатертiю, а с возырем по 50 человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояринов вшеретных. У Меликътучара на конюшне коней 2000 да 1000 осѣдланых и день и нощь стоят готовых, да 100 слонов на конюшне; да на всякую нощь [д] двор его стерегут сто человѣкъ в доспѣсех, да 20 трубников, да 10 нагаръ, да по 10 бубнов великых по два человѣка бьют.

Мызамылкъ, да Мекхан, да Хафаратхан, а тѣ взяли три городы великие, а с ними рати своей 100 [е]тысяч человѣк [ж] да 50 слонов, а тѣ взял бесчислено яхонтов да камени всякого драгаго много; а все то каменiе, да яхонты, да алмаз покупили на Меликтучара,
л. 455 з ||повѣдалъ дѣлярем, пришие что гостем не продавати. А тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.

Султан выезжает на потѣху в четвергъ да во вторникъ, да три с ним возыри выезжают; а брат выезжает султанов в понедѣлник, с матерiю да с сестрою; а жонок двѣ тысячи выеждает на конех да на кроватех на золоченых да коней пред ними простых в доспѣсех

золотых, да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 возорений,[а] да 50 слонов в попонах сукняных, да по 4 человѣкы на слонѣ сидит нагих, одно платище на гузне, да жонки пѣшие наги, а тѣ воду за ними носят пити да подмыватись, а одинъ у одного воды не піет.

Меликтучар выехалъ воевати индѣянин[б] с ратію своею из града Бедеря на память шиха Аладина, а по-рускому на Покров святыя богородица, а рати вышло с ним 50 тысящь; а султан послал рати своей 50 тысящ да три с ними возыри пошли, а с ними 30 тысячь, да сто слонов с ними пошло з[в] городкы да в доспѣсех, да на всяком слонѣ по 4 человѣкы с пищалми. Меликтучар пошол воевати Чюнедара великое княженіе Индийское.

А у Бинедарьскаго князя 300 слонов да сто тысяч рати || своей, л. 455 об.
а коней 50 тысяч у него. Султан выѣхал из града Бедеря восмой месяць по Велице днi, да с нимъ возыревъ выехало 26 возыревъ, 20 возыревъ бесерменскых, а 6 возыревъ индiйских. А с султаном двора его выехало сто тысяч рати своей конных людей, а двѣсте тысяч пѣших, да 300 слонов з городки да в доспѣсех, да сто лютых звѣрей на двою чепѣхъ. А з братом салтановымъ вышло двора его 100 тысяч пѣших людей, да 100 слонов наряженых в доспѣсех. А за Малханом[а] вышло двора его 20 тысяч конных, а пѣших 60[б] тысяч, да 20 слонов наряженых. А з Бездерханом вышло 30 тысяч конных, да и з братом, да пѣших сто тысяч, да слонов 25 наряженых с городки.[в] А с Сулханомъ вышло двора его 10 тысяч конны, а пѣших 20 тысяч, да 10 слоновъ з городки. А с Возырханом вышло 15 тысяч конных людей, да пѣших 30 тысяч, да 15 слонов наряженых. А с Кутовалханом вышло двора его 15 тысяч конныхъ, да пѣшихъ 40 тысяч, да 10 слонов. А со всяким возырем по 10 тысяч, а с ыным 15 тысяч конных, а пѣших 20 тысяч. А с ындѣйским авдономом вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣшихъ людей
сто тысяч, да 40 слонов || наряженых в доспѣсех, да по 4 человѣкы л. 456
на них с пищалми. А с султаном вышло возырев 26, а со всякымъ возырем по десяти тысяч рати своей, а пѣшихъ 20 тысящ, а с ыным возырем 15 тысяч, а конных людей и пѣших 30 тысяч. А Индѣйскіи[а] 4 возыри великих, а с ними рати своей 40 тысячь конных

людей, а пѣших сто тысяч. И султанъ ополѣлся на индѣян, что мало с ним, и он еще[б] прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, двѣсте тысяч конных людей, да 20 слонов. Такова сила султанова индѣйскаго бесерменьскаго Маметь дени Иаріа, а растъ дени худо донот; а праву вѣру богъ вѣдает, а праваа вѣра бога единаго знати, и имя его призывати на всяком мѣстѣ чисте чисто.

В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за месець до улубагряма бесерменьского Мамет[в] дени розсулял, а Велика дни кристьанскаго не вѣдаю Христова въскресенія, а говѣйно же ихъ говѣх з бесермены, и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.

Султан пришол да Меликътучаръ с ратію[г] своею 15 по улѣбагрямѣ, а в Келбергу; и война[д] имъ не удала,[е] один городъ
л. 456 об взял || индийской, а людей их много изгибло, и казны много истеряли. А индийскый же салтан кадам велми силен, и рати у него много, а сидит в горѣ в Бичинѣгѣрѣ. А град же его велми велик, около его три ровы, да сквозѣ его рѣка течет; а со одну [а]страну его[б] женьгѣль злый, а з другую страну пришол долъ, и чюдна мѣста велми угодна все, на ону же страну приитти нѣкуды,[в] сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкуды, пришла гора велика да дебер зла тикень. Под городом же стаяла рать месяць, и люди померли безводни, да голов велми много изгибло з голоду да з безводицы; а на воду смотрить, а взяти нѣкуды. А град же взял индійской Меликъчанъ хозя, а взял его силою, день и нощь бился з городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ѣла, под городом стояла с пушками; а рати его[г] изгибло пять тысяч люду добраго, а город взял, ини высѣкли 20 тысяч поголовья мужскаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго, а продавали [д]голову полону[е] по 10 тенекъ, а робята по две тенкы,[ж] а казны же не было ничего, а болшаго города не взял.

л. 457 А отъ Кельбергу поидох до Кулури; а в Кулури же || родится ахикь, и ту его дѣлают на весь свѣт, оттуду его розвозят; а в Курили же алмазников триста, сулях микунѣт. И ту же бых пять месяць, а оттуду же поидох Калики, ту же бозар велми великъ; а оттуду поидох Конаберга; а от Канаберга поидох к шиху Ала-

дину; а от шиха Аладина поидох ко Аменьдрие; и от Камендрия к Нарясу; и[а] от Кинаряса к Сури; а от Сури поидох к Дабыли, пристанище Индийскаго моря.

Дабил[б] же есть град велми велик, а к тому же Дабыли, а[в] съѣзжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же окаянный аз, рабище Афонасей бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по кристьянской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских, и устремихся умом поитти на Русь; и внидох и зговорих о налонѣ[г] корабленем, а от [д]своеа главы[е] два златых до Гурмыза града доити.

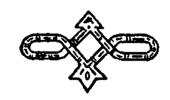
Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три месецы, бесерменскаго говѣйна; идох же в тавѣ по морю месяць, а не видѣх ничего; на другий же месяць увидѣх горы Ефиопскыя. Ту же людие вси воскричаша: «Олло перводигер, олло конъкар, бизим баши мудна насинь[ж] больмышьти», а по-ру||скыи[а] языком молвят: «Боже осподарю,[б] боже, боже вышний, царю небесный, зде нам судил еси погибнути». л. 457 об.

В той же землѣ Ефиопской бых пять дни, божіею благодатію зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопом, ини судна не пограбили.[в] [г] А оттудова же идох 12 дни до Мошката, в Мошкате же шестой[д] Велик день взял, и поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызе бых[е] 20 дни. Из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три[ж] дни.[з] Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза[и] поидох к Вергу 15 дни, а в Велергу[к] быхъ 10 дни. А из Вергу[л] поидох къ Езди 9 дни, а въ Езди бых 8 дни. А изь Езди поидох к Пагани.[м] И поидох[н] Кашини,[о] а в Кашини[о] бых 5 дни. А ис Кашина[п] поидох к Куму. А ис Кума поидох в Саву. А из Сава[р] поидох к[с] Султанью. А из Султанія поидох до Тервизя,[т] поидохъ в-ръду[у] Асанбѣгъ,[ф] въ орде[х] же быхъ 10 дни, ано пути нѣт никуды. А на Турскаго послал[ц] рати двора своего 40 тысяч, ини Севасть взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на Караманского воюючи. И яз из орды пошол ко Арцыцану;[ч] а из Орцыцана[ш] пошол есми в Трепизон.[щ]

л. 458 В Трепизон[щ] же приидох на Покров святыя богородица и приснодѣвы Марiа, и бых же въ Трапизони[а] 5[б] дни, и на корабль приидох и сговорил о налонѣ[в] дати золотой от своеа главы до Кафы, а золотой есми взял на харчь,[г] а дати в Кафѣ. А в Трапизоне[д] ми же шубашь[е] да паша много зла учиниша, хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мелочь[ж] добренкая, ини[з] выграбили все; а обыскывают[и] грамот, что есми пришол из орды Асанбега.

Божiею милостiю прiидох до третьяго моря Чермнаго,[к] а парсийским языкомъ дорiя Стимбольскаа.[л] Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады; и ту нас срѣтили великый вѣтръ[м] полунощный, възврати[н] нас къ Трапизону;[о] и стояли есмя в Платанѣ 15 дний, вѣтру велику и[п] злу бывшу.[р] Ис Платаны есмя пошли на море, вѣтръ нас стрѣчает злый, не дастъ нам по морю ходити; олло акь олло худо перводигерь, развiе бо того иного бога не знаю.[с] И море же проидохъ сыскъ[т] Баликаеѣ, а оттудова Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни.

Божiею милостiю прiидох к Кафу за 9 дни до Филипова заговѣнiа, олло перводигер. Милостiю божiею преидох же три моря;
л. 458 об дигерь худо доно, олло перводигерь дано, аминь; милна рахмам рагим, олло акьбирь, акши худо илелло акшь ходо, иса рухоало ааликъсолом; олло акьбер аилягаиля илелло, олло перводигерь ахамду лилло шукур худо афатад; бисмилна гирахмам ррагим: хувомогулези ляиляса[а] ильлягуя алимуль гяиби вашагадити; хуярахману рагиму хубомогулязи ля иляга имину альазизу алчебару альмутаканъ биру алхалику альбариюу альмумусавирю алькафару алькалъхару[б] аньвазаху[в] альрязаку альфатагу[г] альалиму алькабизу альбасуту альхафизу алльрравию[д] алмавизу алмузилю альсемилю альбасирю альакаму альадюлю алятуфу.

СПИСОК УНДОЛЬСКОГО

XVII в.

В та же лета [а] нѣкто именем Офонасей Микитин [б] сынъ Тверитин ходил с послы от великаго князя Московского Ивана і от великого князя Михаила Борисовича Тверскаго і от владыки Тверскаго Генадия за море, і той тверитин Афонасей писал путь хожения своего сице. л. 300

Се списах грѣшное свое схожение [в] за три моря: первое море Дербенское, дория Хвалитская, второе море Индѣйское, || [а]дория Гондустанская, [б] третие море Чермное, дория Стемболская. л. 300 об.

Поидох [в] от святаго Спаса златоверхаго сь его милостью, от великаго князя Михаила Борисовича и от владыки Генадия Тверскихъ; [г] поидох на низ Волгою и приідох [д] в монастырь къ святей и [е] живоначалней Троицы и святым мучеником Борису и Глѣбу, и у игумена ся благословивъ у Макария и у братьи; и с Колязина же поидох на Углечь, с Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою, і князь великиі всея Росиі отпустил мя доброволно. И на Плесо, и в Новгородъ Нижниі къ Михаилу Киселеву к намѣстнику, и к пошлиннику Ивану Сараеву, і они пропустили доброволно.

А Василей Папин проѣхал в город; а яз ждал в Новѣгóроде двѣ недѣли посла татарскаго Ширвашина Асамбѣга, а ѣхал с кречеты от великого князя Ивана, а кречатов у него 90. И поѣхали на низ Волгою, и Казань, и Орду, и Усланъ, и Сарай, и Берекезаны проѣхали есмя доброволно.

И въѣхали есмя в Бузань реку. И дали вожем подарки, чтоб провезли мимо Асто||рохань, и тѣ вожи провожаючи и вѣсть дали л. 301
царю в Асторохань. И царь послалъ за нами [а] всю свою орду, и по-

стигли на Бугуне, и пограбя отпустили голыми головами, а вверхъ для вѣсти нас не пропустили.

І пошли есмя к Дербентиі двема суды; въ одномъ судне посол Асамбѣгъ, да тезики, да русаков насъ 10 человекъ, а в другом судне 6 москвич да 6 тверич. И востала фурстовина на море, да судно меншее розбило о берегъ, и пришли каитаки, да людей поимали всѣхъ.

И пришли есмя в Дербенть, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблены. [а]І Осанбѣгъ, ширвашинов посол, печаловался, и ѣздилъ на гору к Булатбѣгу, и Булатбѣг послалъ скоро къ ширваншебѣгу: [б] что судно руское розбило под Тархи; каитаки пришед людей поимали, а товаръ ихъ розграбили. И ширваишабѣг послалъ к шурину своему Алилбѣгу, каитаческому князю, глаголя:
л. 301 об. что судно ся мое розбило под Тархи, [в] и твои люди пришед || людей поимали, а товар ихъ пограбили; и тебѣ бы их ко мнѣ прислати мене ради, понеже тѣ люди посланы на мое имя. И Алилбѣг тотчасъ отослалъ людей всѣх въ Дербенть, а изъ Дербенту послали их къ ширванши во орду его коитуль.

И мы, приѣхав к ширванше в коитуль, били челом, чтоб дал чѣмъ до Руси доити. И онъ нам не дал ничего, потому что нас много. И мы, заплакав, разошлися коі куды: у кого что есть на Руси, і тот пошел на Русь, а кой должен, и тѣ пошли куды очи несут; а иные пошли работать къ Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а оттоле к Бакѣ, гдѣ огнь горитъ неугасимый. А из Баки пошел есми за море к Чебокару, и тут есми жил в Чебокаре 7 мѣсяцъ. Да в Сарѣ жил мѣсяцъ в Маздранской земли; а оттуду къ Амили, і тут жил мѣсяцъ; а потом к Димованту; а оттуду ко Рею, а ту убили Шаусеня Алеевых детей и внучат
л. 302 Махметевых, и он де их проклялъ, и за то де будто || 70 градов ся розвалило, якоже безвѣрниі бают в прелести своей. А из Дрѣя к Кашени, и тут есми был мѣсяцъ, а оттуду къ Наину, [а] и потом ко Ѣзде, и тут жил есми мѣсяцъ; а из Диес к Сырчану, а оттуду к Тарому, туто же фуники кормят животину, батман по 4 алтына. А из [б] Торома къ Лару, а оттуда к Бендерю. [в]

И тут есть пристанище Гурмызское, тут бо есть море Индѣйское, а парсѣйским языком и Гоньдустанская дория. Оттуду же итти

морем до Гурмыза 4 мили. А Гурмыз есть на острове, а ежедней
поимает его море по дважды на день; и тут есми взялъ един Ве-
ликъ день, а пришелъ в Гурмызъ за 4 недѣли до Велика дни.[г]
А городы не всѣ писал. Много городовъ великих. А в Гурмызе есть
варное солнце, человѣка сожжет.[д] И был яз тутъ мѣсяцъ, а оттуду
пошел в Фомину недѣлю за Индѣйское море в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дниі; а потом || до Дѣгу 4 дни; л. 302 об.
а потом Кузряту; а оттуду к Онбату, а тут ся родит краска да
лецъ,[а] и оттуду к Чивилю; и в седмую недѣлю по Велице дни от
Чивиля в таву с[б] конми, і шли 6 недѣль морем до Чивиля.

То есть страна Индѣйская, и люди ходят наги всѣ, а голова
не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят
брюхаты, детей у них много, понеже на всякой годъ родят, и черны
мужи и жены всѣ; язъ бо куды хожду, ино за мною людей много,
дивятся бѣлому человѣку.

А князь их фата на головѣ, а другая на бедрах; а бояре у нихъ
ходятъ фота на плещѣ, а другая на бедрахъ; а княгини ходятъ фата
по плечам обогнута, а другая на бедрах; а слуги княжие и боярские
фата на бедрах обогнута, да щит да меч въ руках, а иные с сули-
цами, а иные с ножи, а иные с саблями, [в]а иные с луками[г] и
с стрелами, а всѣ наги да боси; а жонки ходят голо||ва не покрыта, л. 303
а груди голы, а паробки да девочки ходят наги до 7 лѣт, срам не
покрыт.

А ис Чювиля пошли есмя сухом до Пали 8 днiі до индѣйския
горы; а оттоле до Умриі 10 днiі, то есть город индѣйскиі; оттоле же
до Чюнейря 6 днiі, и тут есть Асатхан Чюнерския Индийския,
а холоп Меликтучаров,[а] а держатъ, сказываютъ, 7 темъ от Мелик-
тучара. А Меликтучар сѣдит на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лѣтъ,
то его побьетъ, то он побьет. Ханъ же ѣздит на людех, а слонов
у него и коней добрых много, а людей у него хоразанцев много:
а привозят ихъ из Хорозанския земли, а иные из Орабанския
земли, а иные ис Тукмерския земли, а иныя ис Чеготанския земли,
а привозят все морем въ тавахъ, Индѣйския земли корабли.

Азъ же грѣшный привез жеребца в Ындѣйскую землю, дошел
есми до Чюнера, а сталъ ми жеребецъ 100 рублевъ. || Зима же л. 303 об.

у нихъ стала с Троицына дни; а зимовали есмя в Чюнейре и жили 2 мѣсяца. А вино чинят в великих оресѣхъ. Кони же у них во Индѣйской землѣ не родятся, токмо волы да буйволы, на тѣхъ ѣздят и товары возятъ.

Чюнѣр же град есть на острову на каменом,[а] не дѣлан[б] ничим, богомъ сотворен; а ходят на гору день по единому человѣку, дорога тесна, поіти нелзя. Во Индиіской земли гости ся ставять по подворьем, а ѣсти варятъ на гости господарыни, и постелю стелют, и спятъ з гостьми, любят бо бѣлых людей.

В том же граде Чюнѣре хан взялъ у меня жеребца, поневе бо свѣдал, что язъ русин, и он мнѣ говорил: «И жеребца дам да 1000 золотых к тому дам, аще станеши в нашу вѣру бесерменскую; аще ли ни, и жеребца у тебя возму да 1000 золотых на главѣ твоей
л. 304 возму». А срокъ учинил на 4 дни. И в день ‖ празника Преображения спасова господь богъ смиловался надо мною, на свой праздникъ не отстави милости своея от мене грѣшного, не дал мнѣ в Чюнѣре граде с нечестивыми погибнути. Хозяйочи Махметь хоросанец отпечаловал меня у хана, и в вѣру свою не поневолили, и жеребца отдалъ моево мнѣ. Таково па мнѣ содѣяся спасово чюдо. Господия моя и братия, рустіі християня, аще хто похочет поити в Ындѣйскую землю, і ты остави вѣру свою на Руси, да вскликни Бахмета да поиди в Густанскую землю.

Мене залгали псы бесермена, а сказывали всево много нашего тавару: ажно нѣт ничево на нашу землю, токмо перец да краска, то и[а] дешево, бесермени возят морем, и они пошлин не дают, а нам пошлины великиі, и разбойников много, кафары бо разби-
л. 304 об. вают, а вѣрою ‖ они погани, молятся каменым болваном и Христа не знают.

А ис Чюнѣря есмы вышли на Успениев день к Бедерю, к болшему ихъ граду, а шли мѣсяцъ. А оттоле до Кулонкеря 5 дниі, оттуду же до Келбергу 5 дниі. Да и промежу тѣхъ градов много и іных градовъ, на всякъ день шли по три и по четыре грады; сколко кововъ, столко и градов. От Чювиля бо и[а] до Чюнеиря 20 ковов, а оттоле до Бедеря 40 ковов, оттоле же до Колунгеря 9 ковов, паки от Бедеря до Колобергу 9 ковов.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 300 из списка Ундольского XVII в.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 300 об. из списка Ундольского XVII в.

В Бедери же торгъ на кони, и на шолкъ, да на овощь; а на Рускую землю товару никаково нѣтъ; да в нем же купити люди черныя, всѣ бо тамъ черны, а всѣ злодѣи и тати и лживци, а жонки тоже [б] все бляди, да вѣдь, да тать, и государей своих зельи морятъ.

Во Индѣйской же земли княжата и бояре всѣ || хоросанцы; л. 305
а гундостанцы все пѣши ходят, и наги и боси, токмо в рукѣ щитъ, а в другой мечь, а ходятъ борзо, а у иныхъ луки прямые и стрѣлы. А бой их все слоны, а около слонов идут пѣши напреди на конех, а кони і сами в доспѣсех; а къ слоном вяжут к рылу да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да облачат ихъ в доспѣхъ булатный, да на них учинены городки, а в городке по 12 человѣкъ в доспѣсех, да пушки і стрѣлы.

Да тамо же есть у нихъ мѣсто шихбь алудинъ пиръ атыр бозар алядинандъ, на год един бозар, съѣзжается вся страна индѣйская торговати, да торгуют 10 дниі. А отъ Бедеря 12 ковowъ, приводят коней до 20 000 и всякиі товар; в Гондустанстей земли тоі торгъ лучшиі, на память шиха Аладина, а на рускиі празникъ Покровъ святыя богородицы. В том || Алянде есть птица, именуема гукук, л. 305 об.
лѣтает ночи, а кличетъ гукукъ; и на коей хоромине поспдит, и тут человѣкъ умрет; а кто ея хощет убити, ино у нея изо рта огнь выидет. А мамоны тамо ходятъ ночи и ловятъ куры, а живут въ горѣ или в каменье. А обезьяны живут по лесу, и есть у них князь обезьянскиі; и кто ихъ заимает, и они жалуются князю своему, онъ же посылаетъ на того рать свою; и они пришедше на град, и дворы розваляют, и людей побьют; а рати ихъ, сказываютъ, велми много, и языкъ ихъ есть свой, а детей родят много: и который родится ни [а] въ отца ни в матерь, и они тѣх мечют по дорогам, и гондустанцы [б] тѣхъ емлют да учат ихъ всякому рукодѣлию, а иных продают ночью, чтобъ взадъ не знали бежати.

Весна же у них стала с Покрова святей богородицы; а по Покровѣ двѣ недѣли празнуют шиху Аладину || 8 днiі; а весну, и л. 306
лѣто, и осень, и зиму держат тоже по три мѣсяца.

В Бедери же ихъ стол Гондустану бесерменскому; а град великъ и людей много велми. А салтан великиі 20 лѣт, а то содержатъ бояре. И с салтаном рати его выходит 300 000, а з бояры его выхо-

дитъ: съ Меликтучаромъ 200 000, а с Меликханом 100 000, а с ыными со многими по 20 000 і по 10 000; и земля велми людна; а бояре силны и пышны.[а] А носят их на кроватех сребреных, а кони пред ними водят в снастех золотых. А селские люди голы добрѣ. А выездъ их добрѣ чюден на потеху: егда султан выѣзжаетъ с матерью и з женою, ино с ним конных 10 000, да пѣших 50 000 человѣкъ, а слонов водятъ нарядных 200 в доспѣсех[б] золоченых, да 100 человѣкъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да простых коней 300 въ снастех золотых, да обезьянъ 100, да блядей 100, а всѣ гаурки.||

л. 306 об. Во двор же султанов седмеры ворота, а в воротех по 100 человѣкъ сторожей, да по 100 писцев кафаров: кто взыдет и изыдет, и они записывают, а гариповъ не пускают; а двор зѣло чюден, все на рези и золотом описано.

А стрегут градъ Бедер в нощи 1000 человѣкъ кутоваловых, а ѣздят в доспѣсех на конех, а у всѣхъ по свѣтычю. И ту аз в Бедери продал жеребца своего, и наложил много, а кормил год. В Бедери же змиі ходят по улицам, длиною в две сажени. А пришел есми в Бедерь о Филипове заговейне ис Колунгеря, а жеребца продал о рожествѣ, а былъ тут до великого заговейна. И познахся тут со многими індѣяны, и познали мя, что язъ не бесерменин, но християнин, имя мнѣ Афонасей, а по-бесерменски имя мнѣ хозя Ифусъ Хоросани; і они не почали ни в чем скрыватися, ни жен

л. 307 своих не хо||ронили,[а] и я их испытал о вѣре их, і они сказывают, что вѣруют въ Адама, а Бута, сказывают, то есть Адам. А всѣх вѣръ въ Индѣи 84 вѣры, а всѣ вѣруют в Бута; а вѣра с вѣрою ни пьетъ, ни естъ, ни женятся межи себе, а ядятъ бораны, куры, яйца, а волов всѣ вѣры их не ядятъ.

І[б] от Бедери поидох к Первоти, то их Иеросалим, а по-бесерменски Мяхкат, гдѣ[в] ихъ бутханы, и шелъ мѣсяцъ. Бутхана же велми великъ, камен, с пол-Твери, и рѣзано на стенах дѣяние Бутово, какъ Бут чюдеса творил и как ся им являл многими образы человѣческими; а ино человѣкъ, а нос слонов; а ино человѣкъ, а лице обезьянино; ино же подобие человѣкъ, образ[г] лютаго звѣря, а являлся им всемъ[д] с хвостомъ; а хвостъ через него с са-

жень, рѣзаны на камени. И в той градъ съѣзжается вся страна Индѣйская на чюдо Бутово; да у бутханы бреются старые || жонки л. 307 об.
и дѣвки на себѣ волосы и бороды, да потом идут к бутхану; да со всякие головы емлютъ по двѣ шекшени пошлин на Бута, а с коней по 4 футы, а съѣзжается к бутхану всѣх людей безчисленно множество. Да туто же въ буханѣ вырезанъ Бутъ из камени, велми великъ, хвость через него, да руку правую поднял высоко, а в лѣвой рукѣ копие, гол, толко гузно ширинкою обязано, а видѣние лица его обезьянино; а иные Буты наги, нѣтъ ничево, котъ ачюкъ; а жонки Бутовы наги вырезаны и с соромом и з детми. Да перет Бутом же стоит волъ велми великъ, вырезан ис камени ис чернаго и позолочен весь, а целуют его в копыто, а сыплют на него цвѣты, а на Бута тоже цвѣты.[а]

Не ядят же индѣяня ни мяса, ни рыбы; а ядят днем дважды: брынец, да кучири [б] с маслом, да травы || розные; и ножа не дер- л. 308
жат, и лжицы не знают. А з бесермены ни пьют, ни ядят; а в дороге у всякова по горнцу, и всякъ себѣ кашу сварит, и ядят — покрываются платом, чтоб его никто не видел, а посмотрит бесерменъ на ѣству, и он не ястъ; а какъ ѣсти, и они преж омывают руки и ноги, и рот полощут.

А поклоны их на восток, руки подымают высоко, да изляжетъ ниц на землю, и протягнется весь по земли. А бутханы ихъ без дверей, ставлены на восток же, а буты стоятъ на восток же. А кто у них умрет, и они тѣх жгут да пепел сыплютъ на воду. А у жены дитя родится, ино бабит мужь, а имя сыну дает отецъ, а дочери мати; а [а]добрых трав [б] у них нѣтъ, и сорома не знаютъ. А иные кланяются по-чернечески, обе руки дотычют до земли, а не говорит [в] ничево.

К Первотѣ же ѣздят о великом заговейне, къ своему Буту,[г] по-бе||сермenски Мякка, а по-руски Иерусалимъ, а по-индѣйскиі л. 308 об.
Парватъ; а съѣзжаются всѣ наги, мужи и жонки, толико на гузне плат или фата, а на шеях у жонок жемчюгъ и яхонтов много, а на руках обручи да перстни златы. А внутрь к бутхану ѣздятъ на волѣх а у вола рога окованы медью, да на шее колоколцов 300, и копыта подкованы; а тѣ волы ачьче зовут. Индѣяне же вола зовут

отцемъ, а корову матерью; а калом их пекут хлѣбы и варят ѣству, и тѣм попелом[а] мажут по челу, и по всему лицу, і по телу. А в недѣлю и в понедѣлник ядят единожды днем.

От Первати же приѣхал язъ в Бедер, за 15[б] днiі до бесерменского улубагря. А Великого дни воскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю: Великъ день християнскиі бывает первее
л. 309 бесерменского багрима за 9 днiі или за 10, потому что || кои были книги со мною взяты с Русиі, и то и[а] пограблено, и яз позабыл вѣру християнскую и празниковъ никоторых не помню. А промежу есми поганых розных вѣръ токмо молился есмь богу вседержителю, творцу небу[б] и земли, и[в] иного никоего не призывал. А как мѣсяцъ мартъ прошел, и я заговѣл в недѣлю з бесермены, и ѣл подважды днем хлѣб да воду, а скорому не ѣл.

А отъ Гурмыза итти морем до Голатъ 10 денъ,[г] а оттуду до Дѣгу 6 денъ; а отъ Дѣгу до Мошката, до Кучзрята, до Комбата 4 дни, а отъ Комбата до Чивиля 12 дней; а оттуду до Дабыля[д] 6 днiі, Дабыль же есть пристанище в Гондустаниі[е] послѣднее бесерменству. А от Дабыля до Колекота 25 днiі, оттоле же до Силяна 15 днiі, а оттуду до Шибаита[ж] мѣсяцъ итти, оттоле же до Пѣвгу[з]
л. 309 об. 20 днiі; а оттоле до Чини да до Мачина мѣсяцъ итти морем, || а отъ Чини до Китая итти сухом 6 мѣсяцъ, а морем 4 итти, аростохода чотомъ.

Гурмыз же есть пристанище великое, всего свѣта люди в нем бывают, і всякиі товар в нем есть; что на всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все; тамга же велика, со всего десятое. А Камблят пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немь дѣлают алачи, да пестреди, да канъдаки, да чинятъ краску нил, да родится в нем локъ, да ахик, да лон. Было есть пристанище велми велико, і привозятъ из Мисюрска кони, из Рабаста, і из Хоросани, і из Туркусани, из Негостани; да ходят сухомъ мѣсяцъ до Бедери да до Колбергу.

Келекот[а] есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не да богъ никакову кестяку, кто его ни увидит, тот здорово не проидет морем; а родится в нем всякого пряного зелия много, и дешево. ||

Силян [а] же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в нем л. 310
баба Адам на горѣ высоце; а около его родится каменье драгое, да червцы, да фатисы, да бабогури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада; а продают в локоть, а девякуши продают в вѣсъ; да родятся слоны.

Шаибатское [б] пристанище Индѣйскаго моря велми велико, а хоросанцем дают алафу по тенке на день, и великому и малому; а кто в нем хоросанец женитца, и князь шаибатцкиі дает по 1000 тенекъ на жертву, на алафу, да ѣсть на всякиі мѣсяцъ по 10 тенекъ; а родится в Шанбате [в] шелкъ да сандалъ, жемчюгъ, и все дешево.

В [г] Нѣгу же есть пристанище немало, а живут в нем всѣ дербыши индѣйския; да родится в нем камение драгое маникъ, яхутъ. кирпукъ, а продают камение не дербыши. Чинское [д] же да Мачинское пристанище || велми велико, да дѣлают в нем чини; а про- л. 310 об.
дают чини в вѣсь, а дешево.

А жены их с мужьями своими спятъ в день, а к ночи их ходят к гарипом да спят с ними, и даютъ гарипомъ [а] алафу, и приносятъ с собою яству сахарную і вино, да поят их и кормятъ, чтоб еѣ любили, а любятъ людей бѣлых, понеже ихъ люди черны велми; і которое отъ гостя зачнется бело, и муж дастъ гостю алафу, пошлинъ 18 тенекъ; а родится черно, ино нетъ ничево, токмо пил да ѣл, то ему халял.

А отъ Бедеря Шанбатъ [б] итти 3 мѣсяца; а отъ Дабыля до Шаибата 2 мѣсяца морем итти; Мачим да Чим от Бедеря 4 мѣсяца морем итти. Да [в] в Шаибате же родится шелкъ, да инчи, да жемчюгъ, да сандал; слоны продают в лекоть.[г]

Въ Лекотѣ же родится перец, да мошкать, да гвоздика, да фуфал, да цвѣтъ. В Кузрятѣ же родится краска далюкъ. А в Комбате || родится ахикъ. В Рачюре же родится алмазъ [а] биркона да л. 311
новъ копа же алмаз, [б] продаютъ посыку по 5 рублевъ, а добраго по 10 рублев, новаго же почка алмазу пѣнечь чекени сияже чаршешкени, а сипит ектенка. Алмаз же родится в горѣ каменной, а продают же тую гору каменную по 2000 фунтов золотых новаго алмазу, а копа алмазу в локоть по 10 000 фунтов златых; земля

же та Меликханова, а холоп онъ салтанов; от Бедеря же 30 кововъ.

А сыто жидове [в] зовут Шаибатъ своими жидовы, и то ложь есть: шайбатане бо ни жидове, ни бесермяне, [г] ни християне. ина бо их вѣра индѣйская, ни з худы, ни з бесермены ни пьют, ни ядят. В Шаибате же родится шелкъ, сахар, и дешево; а по лесу у них мамоны да обезьяны, и по дорогам людем проѣзду нѣт ночи, дерут людей аупиков; [д] і у оленей кормленых режут пупы, а в пупе [е]
л. 311 об. у них мскусъ, а дикие олени || пупы сами изъ себя ронят по полямъ и по лесу, і та воня не столь благоуханна, не свѣжь бо есть. Отъ [а] Шайбата же до Бедеря сухом [б]итти 10 мѣсяцъ, [в] а моремъ 4 мѣсяца.

И мѣсяца маия в Бедери в бесерменскомъ боград взяли в среду, а заговѣл есми мѣсяца апрѣля въ 1-й день. О благовѣрниі християне, иже кто по многим землямъ много плавает, во многия грехи впадает, а [г] вѣры ся да лишаетъ Христовы. Аз же рабище божие Афонасие зжалихся [д] о вѣре: уже бо проидоша четыре великия посты и праздники свѣтлаго воскресения Христова 4, азъ же грѣшныі не вѣдаю что есть Великъ день, или постъ, ни иных праздников, ни среды, ни пятницы; а книгъ отбылъ еще въ первомъ грабеже, поидох же до Индѣи от многия беды, занже [е] ми на Русь поити нѣ съ чемъ, не осталося товару ничево. Первый бо Великъ день
л. 312 взял || есмь въ Клине, а вторый в Чебукару в Маздранской землѣ, а третиі Великъ день в Гурмызе, четвертый же [а]з бесермены во Индѣи [б] в Бедери; і туто много плакалъ по християнской вѣре.

Бесерменин же Мелик тот мя много нудил в вѣру бесерменскую стати, і рече ми: «Не бесерменин еси, і християнства не знаешь». Аз же во многия помышления впадох, и рекох к себе: «Горе мнѣ окаянному, яко заблудих от пути истиннаго», і помолихся и рекох: «Господи боже вседержителю, творче небу и земли, не отврати липа от рабища твоего, яко скорбь близ; господи, призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; и настави мя, господи, на путь твой правый, яко никоея добродѣтели тебѣ сотворих, господи мой, яко дни своя преплыхь все во злѣ, господи мой! Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя».

Во Индѣи же бесерменской, в великом Бедери, смотрил есми ||
на великую ночь волосыни да кола в зарю вошли, а лось головою л. 312 об.
стоит на востокъ. На баграм на бесерменской выехал султанъ
на теферич, ино съ ним 20 возыревъ великих, да 300 слонов наряженых [а] в доспѣсех в булатных [б] и з городки, а городки окованы,
да в городкехь по 6 человѣкъ в доспѣсех, с пушками да с пищалми;
а на великих слонѣх по 12 человѣкъ, да по два прапорца, да к зубомъ привязаны великия мечи по кентарю, а к рылом привязаны
великия желѣзныя гири, да промежи ушей человѣкъ в доспѣсе
сидит, да крюком желѣзнымъ правит, да коней простых 1000 в снастех золотых, да верблюдъ [в] 100 с [г] нагарами, да 300 трубников.
да плясцевъ 300, да ковре 300. На султане же кафтан весь саженъ
яхонты, да шишак, а на нем алмазъ великиі, да саадак золотъ сь
яхонты, да на немъ же 3 сабли || окованы золотом, да сѣдло золото; л. 313
да перед нимъ скачет кофар пѣшь, играет теремцом; да за ним же
пѣших много идетъ; да за ним же благой слонъ идет, наряжен весь
в камке, чѣпь у него велика желѣзная во ртѣ, да обивает кони и
люди, чтоб кто на салтана не наступил близко. А брат салтанов
тот сидит на золотой кровати, а над нимъ терем оксамитен, да маковица золота сь яхонты; да несутъ его 20 человѣкъ. А Михмут сидит на золотой кровати, а над нимъ терем шидянъ с маковицею
золотою; а везут его на четырех конех в снастех золотых, [а] да около
его людей множество, а перед нимъ певцы, да плясцев много, а
всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, [б] да с сулицами, да
с копьями, [в] да с луки с прямыми с великими; а кони всѣ в доспѣсех; а на иных саадаки, а иные наги, одно платище, || завѣшен л. 313 об.
сором.

В Бедери же мѣсяцъ стоитъ 3 [а] полон. А овощу сладкаго в Бедери нѣт. В Гондустане же силнаго вара нѣт; [б] силенъ варъ [в]
въ Гурмызе да въ Катобагряим, гдѣ ся жемчюгъ родит, да въ
Жидѣ, да въ Бакѣ, да въ Мисере, да въ Останиі, да в Ларѣ; а в
Хоросанской земли варно, но не таково; а в Чеготаниі [г] велми
варно; а в Ширязи, да в Ѣзди, в Кашини варно, да вѣтръ бывает;
а в Гиляни душно велми да парищо лихо; да пар лихь в Шамахѣи;
да в Вавилоне варно, да Хумите, да в Шамѣ варно; а в Ляпе варно,

но не такъ. Да в Севастѣи губѣ, да в Гурзынской [д] земли добро обилно всѣм; да Торская земля обилна; да в Волоской и в Подолской земли обилно всѣм.

Восхотѣх же на Русь итти, но пути не вѣм: из Гондастана [е]
л. 314 бо на Гурмызъ || поити, а от Гурмыза на Хоросанъ пути нѣтъ, також ни на Чегодай, ни на Катобагряим, ни на Ѣздъ пути нѣтъ; везде нестроенье стало, князей вездѣ выбили, Яишу мурзу убил, [а] Узуосанбекъ, а солтана Мусаитя окормили, а [б] Узуосанбѣкъ на Ширязи сѣлъ, и земля ся не обренила, а Едигер Махмет к нему не ѣдет, блюдется. А иного пути нѣтъ никуды; а на Мякку поіти, ино неволят тамо в бесерменство, затѣм туды христіяне не ходятъ. А в Гондустани [в] жити, іно вся собина исхарчить, занже у них все дорого, по полутретья алтына мнѣ одному исходить на день, а вина есми не пивал, ни сынды.

Меликтучар два города взял индѣйския, что розбивали по морю Индѣйскому; а князей поимал 7, да казну их взял, юк яхонтов, [г] да юкъ алмазов да кирпуков, да 100 юков товару дорогово, а иного
л. 314 об. товару безчисленно рать взяла. А стоял || под городом 2 года, а рати с ним было 200 000, да слонов 100, да 300 верблюдов. Меликтучар пришел ратию своею к Деберю на курбантъ багрямъ, а по-руски на Петров день. И султанъ послалъ 10 возырев встрѣтити его за 10 ковов, а въ ковѣ по 10 верстъ; а со всяким возырем по 10 000 рати своей, да по 10 слонов въ доспѣсехъ.

А у Миктучары на всякъ день садится за суфрисю по 500 человѣкъ, а с ним садятся 3 возыри за его скатертью, а с возырем по 50 человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояриновъ вшерстных. У Меликтучара же на конюшне коней 2000, да 1000 осѣдланых и день и нощь готовы стоят; а двор его стерегутъ и день и нощь всегда 100 человѣкъ в доспѣсех, да 20 трубниковъ, да 10 нагар, да по 10 бубновъ великих по два человѣка бьют.

л. 315 Мызамылкъ, да Мекханъ, да Форат||хан, и тѣ взяли три городы великих, а с нимъ рати своей 100 000 да 50 слонов, да камени всяково дорогово много множество; покупали бо на Меликтучара и заповѣдал гостем не продати.

Султан выѣзжаетъ на потѣху во фторникъ[а] да в четвергъ, а с ним выезжают 3 возыри; а брат султанов в понедѣлник, а с ним также множество конных и пѣших, урядно, и слоны, велми чюдно выездъ ихъ въ утварех золотых.

Меликтучар выехал воевати индѣян на память шиха Иладина, а по-русски[б] на Покров святыя богородицы.[в] А рати вышло с ним 50 000; а султанъ послалъ рати своей 50 000, да 3 возыри, а с ними 30 000, да 100 слонов пошло з городки в доспѣсех, а на всяком слонѣ по 4 человѣка съ пищалми. Меликтучар пошел воевати Чюнедара, великое княжение индѣйское.||

А у бинедарского князя 300 слонов да 100 000 рати, а коней л. 315 об 50 000. Султанъ выехал из города Бедеря по Велице дни, а с ним выехало 26 возырев бесерменских і индѣйских, да двора его 100 000 рати конные, а 200 000 пѣших, да 300 слонов в доспѣсехь з городки, да 100 лютых звѣрей о двою чепяхь. А з братом с султановым вышло двора его[а] тысячь конныхъ, да 100 000 пѣших людей, да 100 слонов наряженых в доспѣсехь. За Малханом вышло двора его 20 000 конных, да пѣших 60 000, да 20 слоновъ. З Бедерханомъ вышло двора его 30 000 конных, да 100 000 пѣших, да слонов 25 нарядных з городки. С султаном вышло 10 000 конных, да пѣших 20 000, да слонов 10 з городки. З Возырханом вышло 15 000 конныхь, да 30 000 пѣших да слонов 15 || наряжены з го- л. 316 родки. С Кутарханомъ вышло двора его 15 000 конныхъ, да 40 000 пѣших, да 10 слоновъ. Да со всяким возырем по 10 000 конных, а пѣших по 20 000 и болши. А с ындѣйским Авдоном вышло рати конных 40 000, а пѣшихъ 100 000, да 40 слоновъ в доспѣсехь наряженыхь, да по 4 человѣки на слонѣ с пищалми. На индѣян же салтанъ опалился, что мало с ним і с возырями вышло силы індѣйския, и он прибавил. Такова есть сила султана индѣйскаго.[а]

В пятый же Великь день взмыслился есмь на Русь. Изыдох же из Бедеря града за мѣсяць до улубагрима бесерменского маметдени россолял; а Велика дни християнского не вѣдаю, говѣйно бо говѣх з бесермены и розговѣхся с ними, Великиі день взях в Келберху, от Бедеря 20 кововъ. ||

л. 316 об. Султан же пришел с ратными людми своими да Меликтучара въ 15 день по улубагряме, а все Келбергу; і война ся имъ не удала, город един индѣйскиі взял, а людей и казны много изгибло. А индѣйской султан кадам ратию силен, зѣло много у него рати; а сидит в горѣ в Биченегире, и град его велми великъ; около же его три [а] роги, и сквозе его река течет, и съ [б] едину страну его женгѣл злыі, а з другую страну дол и мѣста чюдна и угодна велми, и пройти некуды ни на одну страну, сквозѣ град дорога, а града взять нѣоткуды, пришла гора велика да деберь зла тикен. И стояла рать под градом мѣсяцъ, и людеі з голоду и з безводия погибло много, потому что на воду смотря, а взять нелзѣ. Град же взялъ индѣй-
л. 317 скиі Меликчанъ, а взял его силою, день и нощь бился, стоял || под градомъ 20 дниі, и рать ни пила ни ѣла, и рати его изгибло 5000 люду добраго; а стоялъ с пушками и взялъ градъ, высек по головам 20 000, а другую 20 000 полону взялъ, а иной полонъ продавалъ дешево, по 10 и по 5 и по 2 тенки; а казны не было ничево; а болшаго града не взялъ.

А от Келберху поидох до Курыли: [а] тут же родится ахикъ, и ту его дѣлают на весь свѣтъ, и оттуду его розвозят. В Курыли же алмазников 300 сулях микунѣт. Бых же тутъ 5 мѣсяцъ, и поидох оттоле х Калики; [б] ту есть базар велми великъ. А оттуду поидох до Канаберга, а оттуду к шихь Аладину, і оттоле ко Аминдрие, а оттоле к Нарясу, оттуду же к Сури, а оттуду къ Дабили, пристанищу великого моря Індѣйского.

Ту былъ град великъ, и съезжается вся помория Індейская ||
л. 317 об. и Ефиопская. И ту аз окаянныі Афонасие, призвавъ бога вышняго, творца небу и земли, и устремихся умом поитти на Русь; и внидох в таву и зговорих о налоне корабленнем, от своея головы 2 золотых да Гурмыза града.

Внидохом же въ корабль в Дабыли граде до Велика дни за 3 мѣсяца, бесермѣнского говѣина; а морем идох мѣсяцъ, і увидех горы ефиопския. И ту людие вси воскричаша, глаголюще: «Боже вышниі, царю небесныі! здѣ ли нам судил еси погибнути?»

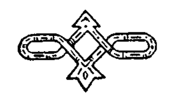
И быхом в той земле Ефиопской 5 дниі, и божиею благодатию зло ся не учинило; много роздала брынцу, да перцу, да хлѣба [а]

ефиопом, и они судна не пограбили. Оттоле же идохом 12 дниі до Мошката; и ту в Мошкате 6-й Велик день взяхь. И идохом до Гурмыза 9 дниі, а в Гурмызе || быхъ 20 дниі. И оттоле поидох к Лари, л. 318
и бых 3 дни; и поидох к Ширязи, а из Ширяза поидох в Вергу, и ту бых 10 дниі. А оттоле къ Езди, а ту идох 9 дниі, а в Ѣзди быхъ 8 дниі; и потом идох къ Испагани 5 дниі и бых тут 6 дниі; а оттоле идох до Кашани, і быхом 5 дниі; а из Кашани идох к Куму, а оттуду в Саву, а из Савы в Султанию, а оттуду в Тервизь. Оттуду же въ Орду Асанбѣ, въ Орде же бысть 10 дниі, потому что никуды пути нѣт. А на Турскавъ посла рати[а] своей 40 000; і они Севастъ, и Тохан, и Амасию взяли, и много селъ пограбили, да пошли на Караман воюючи. И яз из орды пошел къ Арцыцыну, а изъ Арцыцына пошел есми в Трапизонъ.

И ту взял Покров пресвятые богородицы, и был 5 дниі, и на корабль придохь || и зговорих о налоне дати золотой от меня до л. 318 об
Кафы. В Трапезоне же мнѣ шубашъ да паша много зла учиниша: хлам мой весь взнесли к себѣ в городъ за гору, да обыскали все; а обыскивают грамот, что есми пришел из орды Асанбѣга.

Божиею милостию придохь до 3 моря Чермнаго, а парсиіскимъ языком дория Стемболская;[а] идохом же по морю вѣтром 5 дниі, и доидох до Вонады; и ту нас встрѣтил вѣтръ великиі полунощныі, и возвратилъ нас к Трапизону;[б] и стояли есмя в Платанѣ[в] 15 дниі, вѣтру бо велику и злу бывшу. І ис Платаны пошли на море дважды, вѣтръ насъ встрѣчает и не дастъ нам по морю ходити, и туто призывали бога на помощь. И занесло нас к Балыкаее, а оттуду Ткързофу,[г] и ту стояли 5 дниі. И божиею милостию придох в Кафу, за 9 дниі до || Филипова заговейна. л. 319

Доздѣ о индиіском хожениі Афонасием Тверитином і возвратимся на преднее.

П Е Р Е В О Д

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня,[1] раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское,[2] второе море Индийское — море Индостанское,[3] третье море Черное — море Стамбульское.[4] Пошел я от святого Спаса златоверхого,[5] с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича [6] и от владыки Геннадия [7] Тверского и от Бориса Захарьича на низ, Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы [8] и святых мучеников Бориса и Глеба [9] Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (Тверского), и отпустил меня свободно.[10] Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин [11] тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека.[12] Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду,[13] Услан, Сарай,[14] Берекезан.[15]

И въехали мы в Бузань-реку.[16] Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные вести, будто в Бузани стережет купцов хан Касим [17] и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани.[18] Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани,

а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!»[19] А мы того не слыхали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне,[20] застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу,[21] они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести. И пошли мы к Дербенту [22] в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами [23] да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш. На море нас захватила буря.[24] Малое судно разбило о берег, а тут есть городок Тарки,[25] а люди вышли на берег, и пришли кайтаки [26] и людей же с него поймали всех.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены. И бил я челом Василию Папину и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они просили о людях, пойманных кайтаками под Тарки. И Хасан-бек хлопотал; он ездил на гору к Булат-беку, который послал скорохода к Ширванша-беку с известием, что русское судно разбило под Тарки и что кайтаки поймали людей с него и разграбили их товар. И Ширванша-бек тотчас отправил посла к своему шурину Халиль-беку, князю кайтакскому:[27] что судно-де мое разбило под Тарки, и твои люди, придя, людей поймали, а товар их пограбили, и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не постою, только бы ты отпустил их ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послали их к Ширван-шаху [28] в орду его койтул.[29]

Мы также поехали к Ширван-шаху в койтул и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал

ничего, так как нас было много. И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе,[30] а иные пошли работать в Баку.[31]

А я пошел в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур,[32] да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев, да в Сари,[33] в Мазандаранской земле,[34] жил месяц. А оттуда пошел к Амулю [35] и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду,[36] а из Демавенда — к Рею,[37] тут убили шаха Хусейна Алеевых детей и внучат Мухаммедовых,[38] и он их проклял так, что 70 городов развалилось. А из Рея пошел к Кашану [39] и тут был месяц; а из Кашана к Найину,[40] а из Найина к Йезду [41] и тут жил месяц. А из Йезда [42] к Сирджану,[43] а из Сирджана к Таруму,[44] где финиками кормят домашний скот, батман по 4 алтына. А из Тарума пошел к Лару,[45] а из Лара к Бендеру.[46]

И тут есть пристанище Ормузское;[47] тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море.[48] И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили.[49] А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве [50] с конями.[51]

И шли мы морем до Маската [52] 10 дней; а от Маската до Дега [53] 4 дня; а от Дега к Гуджерату;[54] а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индиго[55] и лакх;[56] а от Камбая [57] к Чаулу.[58] От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые:[59] голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужи и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку.

А князь их — фата [60] на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини хо-

дят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики же и девочки ходят голыми до 7-ми лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали [61] 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру [62] 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира [63] 6 дней. И живет здесь джунирский, индийский Асад-хан, Меликтучаров [64] холоп; говорят, что он держит от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем; [65] в течение 20 лет он бьется с кафирами, [66] — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях; [67] много у него и слонов, и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев, [68] а привозят их из Хорасанской земли, [69] или из Аравийской, [70] или из Туркменской и Чагатайской; [71] привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю; [72] дошел же до Джунира благодаря бога здоровым, — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, [73] а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох [74] и все съестное. Вино же у них приготовляют в больших орехах [75] кокосовой пальмы, [76] а брагу — в татне. [77] Коней кормят горохом и варят для них рис [78] с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. [79] В Индийской земле кони не родятся; [80] здесь родятся волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир [81] находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя. В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, [82] и кушанья для них варят господарыни; они же гостям и постель стелют, и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь — дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель; ведь

это женка, приятельница, а тесная связь даром [83] — любят белых людей. Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третьею обертывают голову. Боже, боже великий, боже истинный, боже благий, боже милосердный.[84]

И в том Джунире хан взял у меня жеребца.[85] Когда же он узнал, что я не бусурманин,[86] а русский, то сказал: «И жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммедову;[87] если же не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок, 4 дня, на Спасов день, в пост пресвятой богородицы. И господь бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа [88] Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на Спасов день. Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане;[89] молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунира вышли в день Успения пречистой к Бидару,[90] большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира [91] 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги [92] также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов,[93] столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара

40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки,[94] на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы,[95] и все бояре также. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу [96] и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками [97] и стрелами.

Есть у них одно место — гробница шейха Алаеддина [98] в Алянде,[99] где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать и торгуют там 10 дней. От Бидара 12 ковов. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, на русский праздник Покрова святой богородицы. Есть на том Алянде птица филин,[100] она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны [101] ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в каменьях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью.[102] И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая и язык у них есть свой; детей они родят много, но, которые родятся не в отца и не в мать, тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому руко-

делью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат подражать лицедеям.[103]

Весна здесь наступила с Покрова святой богородицы;[104] весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину.[105] Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана.[106] Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет,[107] а управляют князья и бояре — хорасанцы,[108] воюют также все хорасанцы.

Есть здесь хорасанец Меликтучар, боярин,[109] — так у него рати 200 тысяч. А у Мелик-хана — 100 тысяч, а у Харат-хана[110] — 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны;[111] носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков[112] 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золоченые доспехи.[113] Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, и все юные девы.[114]

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдет, другие, — кто выйдет; чужестранцев[115] же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником,[116] и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов,[117] кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи, длиною в две сажени. А в Бидар пришел в Филиппово заговенье[118] из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество.

И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин,[119] и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани.[120] Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве,[121] ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама,[122] а Буты, говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84,[123] и все веруют в Бута.[124] Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату, — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище (бутхана).[125] Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбревают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени,[126] а с коней — по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч, а бывает время, когда и 100 тысяч.[127] Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде,[128] в левой же руке у него копье; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой.[129] Едят рис [130] да кичири [131] с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, подымают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; так же на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Приходя или уходя, кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански — Мекка,[132] по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все голыми, только на заду плат; и женки все голые, только на заду фата, а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов,[133] на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу.[134] А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут «отцами».[135] Индийцы вола зовут «отцом», а корову «матерью»; на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу,[136] по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем. В Индии как малостоющее и дешевое считаются женки:[137] хочешь знакомства с женкою — два шетеля; хочешь за

ничто бросить деньги, дай шесть шетелей.[138] Таков у них обычай. Рабы [139] и рабыни [140] дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар, за 15 дней до бусурманского великого праздника.[141] А Великого дня воскресения Христова [142] не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества Христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер я [143] молю бога, чтобы он хранил меня: «Боже господи, боже истинный, боже, ты бог милосердный, бог творец, ты господь еси. Бог един, то царь славы, творец неба и земли». А возвращаюсь я на Русь [144] с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного, никакой бусурманской еды, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду, и с женкой связи не имел.[144] А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал: бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний.

А от Ормуза [145] идти морем до Галата 10 дней, а от Галата до Дега [146] — 6 дней, а от Дега до Моската [147] — 6 дней, а от Маската до Гуджарата [148] — 10 дней, а от Гуджарата до Камбая [149] — 4 дня, а от Камбая до Чаула [150] — 12 дней, а от Чаула до Дабула [151]— 6 дней. Дабул же — это пристань в Индостане, последняя из бусурманских. А от Дабула до Каликута [152] — 25 дней, а от Каликута до Цейлона [153] — 15 дней, а от Цейлона до Шабата [154] идти месяц, а от Шабата до Пегу [155] — 20 дней, а от Пегу до Чина да до Мачина [156] идти месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая [157] идти посуху 6 месяцев, а морем идти 4 дня. Да украсит бог покров мой.[158]

Ормуз [159] — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина [160] же велика, со всего берут десятину. А Кам-

бай [161] — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем, все делают алачи,[162] да пестряди,[163] да грубую шерстяную ткань,[164] да делают краску индиго; [165] в нем же родится лакх,[166] сердолик [167] и гвоздика.[168] Дабул [169] — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта,[170] Аравии,[171] Хорасана,[172] Туркестана [173] и Старого Хормуза; [174] и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.[175]

А Каликут [176] есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну;[177] кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь,[178] цвет мускат,[179] цинамон,[180] корица, гвоздика,[181] пряное коренье,[182] адряк,[183] да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.[184]

А Цейлон [185] же есть немалая пристань Индийского моря, а в нем на высокой горе [186] отец Адам. Да около него родятся драгоценные камни,[187] рубины,[188] кристаллы,[189] агаты,[190] смола,[191] хрусталь,[192] наждак.[193] Родятся также слоны, а продают их на локоть, да страусы — продают их на вес.[194]

А Шабатская пристань [195] Индийского моря весьма велика, Хорасанцам здесь дают жалованье,[196] по деньге [197] на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь дает тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье дает, да на еду каждый месяц, по 10 денег. А родится в Шабате [198] шелк, сандал,[199] жемчуг, — и все дешево.

В Пегу же [200] пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши.[201] А родятся в нем драгоценные камни, рубин,[202] яхонт,[203] рубин.[204] Продают эти камни дервиши. А Чинская же да Мачинская [205] — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор,[206] а продают его на вес и дешево.

А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью они ходят к чужеземцам [207] и спят с ними; они (жены) дают им (гостям) жалованье [208] и приносят с собой сладости и сахарное вино, кормят и поят ими гостей, чтобы их любили. Жены же любят гостей — белых людей, так как их люди очень черны. И у которой жены от гостя зачнется дитя, то ее муж дает жалованье, и если родится белое,

то тогда гостю пошлины 18 денег, а если родится черное, тогда ему ничего нет; а что пил да ел, — то ему было законом дозволенное.[209]

Шабат [210] же от Бидара [211] 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин [212] от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там жемчуг высшего качества,[213] и все дешево. А до Цейлона идти морем 2 месяца. В Шабате же родятся шелк, фарфор,[214] жемчуг, сандал, слонов продают на локоть.[215]

В Цейлоне родятся обезьяны,[216] рубины и кристаллы. В Каликуте [217] родятся перец, мускат, гвоздика, фуфал [218] и цвет. В Гуджарате родится индиго и лак,[219] а в Камбае — сердолик.[220] В Райчуре [221] же родится алмаз, старой и новой копи;[222] почку [223] алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего — по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней,[224] черноватого цвета [225] — от 4 до 6 кеней,[226] а белый алмаз — 1 деньга.[227] Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи,[228] то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана,[229] и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат евреи считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабаитяне не евреи, не бусурмане, не христиане [230] — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями,[231] ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся дикие кошки [232] и обезьяны и по дорогам нападают на людей, так что из-за обезьян и диких кошек ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти посуху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах.[233] У откормленных оленей режут пупы, так как в них находится мускус.[234] А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу, и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день [235] в бусурманском Бидаре [236] в Индостане. Бусурмане же встретили байрам [237] в среду месяца мая, а заговел я месяца апреля в 1 день. О благоверные

христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья [238] и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет,[239] когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый Великий день встретил я в Каине,[240] другой Великий день в Чепакуре в Мазандеранской земле,[241] третий день в Ормузе,[242] а четвертый Великий день в Бидаре, в Индии, вместе с бусурманами. И тут я плакал много по вере христианской.

Бусурманин же Мелик [243] много понуждал меня обратиться в веру бусурманскую. Я же ему ответил: «Господин, ты [244] совершаешь молитву, и я также совершаю; ты 5 молитв читаешь, я 3 молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний». Он же мне сказал: «Поистине, хотя ты и представляешься не бусурманином, но и христианства не знаешь». И впал я тогда во многие размышления и сказал себе: «Горе мне окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду. Господи боже, вседержитель, творец неба и земли, не отврати лица от рабища твоего, находящегося в скорби. Господи, призри и помилуй меня, потому что я твое создание; не отврати меня, господи, от пути истинного и настави меня, господи, на путь твой правый, потому что ничего добродетельного в нужде той не сотворил я тебе, господь мой, потому что дни свои прожил все во зле. Господь мой,[245] бог покровитель, бог всевышний, бог милосердный, бог милостивый. Хвала богу! Уже прошли 4 Великих дня в бусурманской земле, а христианства я не оставил; а далее бог знает, что будет. Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи, боже мой!»

В бусурманской же Индии, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица [246] головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку,[247] и с ним 20 великих везиров [248] да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи [249] с го-

родками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищалями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи, по кентарю,[250] к хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами,[251] да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь.[252] А на султане кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак [253] — огромный алмаз, да золотой сайдак [254] с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир [255] и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку,[256] с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный балдахин,[257] с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь [258] сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый,[259] с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми, только плат на заду, стыд завешен.

V Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне,[260] где родится жемчуг, да в Джидде,[261] да в Баку,[262] да в Египте,[263] да в Арабстане,[264] да в Ларе.[265] Знойно и в Хорасанской земле,[266] да не так. А в Чагатае [267] очень знойно. В Ширазе [268] же да в Йезде [269] и в Кашане [270] знойно, но бывает ветер. А в Гиляни [271] очень душно и сильно парит, да и в Шамахе [272] сильный пар. В Вавилоне (Багдаде) [273] знойно, тоже в Хумсе [274] и Дамаске.[275] В Алеппо [276] же не так знойно. А в Севастей губе [277] и в Грузинской земле [278] на все большое обилие. И Турецкая земля [279] очень обильна. В Волошской земле [280] также обильно, и дешево все съестное.

Обильна всем и Подольская земля.[281] Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (не добры). Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость. О боже, боже, боже, боже, боже.[282]

Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж.[283] Князей везде прогнали. Мирзу Джеханшаха[284] убил Узун-Хасан-бек,[285] султана Абу-Саида[286] отравили; Узун-Хасан-бек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед[287] к нему не едет, — опасается. А иного пути нет никуда. А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру; ради веры христиане и не ходят в Мекку,[288] так как там обращают в бусурманство. Жить же в Индостане — значит израсходовать все, что имеешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына. А вина и сыты я не пивал.[289]

Меликтучар[290] взял 2 индийских города, которые разбойничали по Индийскому морю. И захватил 7 князей и их казну: вьюк яхонтов, да вьюк алмазов[291] и рубинов,[292] да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа. И стоял он под городом 2 года, а рати с ним было 200 тысяч, да 100 слонов и 300 верблюдов. А пришел Меликтучар со своею ратью к Бидару на курбанбайрам, по-русски на Петров день. И навстречу ему султан[293] послал 10 везиров, за 10 ковов, а в кове по 10 верст. А с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да по 10 слонов в доспехах.

А у Меликтучара каждый день за стол[294] садится по 500 человек. И с ним, за его трапезой, садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне 2 тысячи коней; да тысяча оседланных стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов. Каждую ночь двор его стерегут 100 человек в доспехах, да 20 трубников и 10 литаврщиков,[295] да по 2 человека бьют в 10 больших бубнов.

А Низам-ал-мульк,[296] да Мелик-хан,[297] да Фархад-хан [298] взяли 3 больших города, и рати с ними было своей 100 тысяч да 50 слонов. Да взяли каменья всякого дорогого огромное количество, и все то каменье, да яхонты, да алмазы скупили для Меликтучара; он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар, в день пресвятой богородицы.[299]

Султан выезжает на потеху в четверг и во вторник, и с ним выезжают 3 везира. А брат султанов выезжает в понедельник, с матерью и с сестрой. Да 2 тысячи женок выезжают на конях и на золотых носилках. Да коней перед ними простых 100 в золотых сбруях, да пеших с ними очень много, да 2 везира и 10 везиров, да 50 слонов в суконных попонах. А на слоне сидят по 4 человека голых, только плат на заду. Да голые пешие женки, и те воду за ними носят, пить и умываться, а один у другого воды не пьет.

Меликтучар выехал завоевывать индийцев с ратью своею из города Бидара в день памяти шейха Алаеддина,[300] а по-русски на Покров святой богородицы,[301] и рати с ним вышло 50 тысяч. А султан послал своей рати 50 тысяч, да с ним 3 везира пошли, а с ними 30 тысяч; да пошли с ними 100 слонов, в доспехах и с городками, и на каждом слоне по 4 человека с пищалями. Меликтучар пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара.

А у виджаянагарского [302] князя 300 слонов, да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч. Султан [303] выехал из города Бидара [304] в восьмой месяц после Великого дня, да с ним выехали 26 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати — конных людей, да 200 тысяч пеших, да 300 слонов, в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями. А с братом султановым вышли двора его: 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в доспехи. А за Мал-ханом [305] вышли двора его: 20 тысяч конных людей, да 60 тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бедерханом [306] и его братом вышли 30 тысяч конных людей, да 100 тысяч пеших, да 25 слонов наряженных, с городками. А с Сул-ханом вышли двора его: 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов с городками. А с Везир-ханом [307] вышли 15 тысяч конных лю-

дей, да 30 тысяч пеших, да 15 слонов наряженных. А с Кутар-ханом[308] вышли двора его: 15 тысяч конных людей, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. Да с каждым везиром вышли по 10 тысяч, а с иным и по 15 тысяч конных, да пеших по 20 тысяч. А с Индийским Авдономом[309] вышли рати своей 40 тысяч конных людей, да пеших людей 100 тысяч, да 40 слонов наряженных, в доспехах, а на слоне по 4 человека, с пищалями. А с султаном вышли 26 везиров, и с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да пеших по 20 тысяч; а с иным везиром 15 тысяч конных людей, да пеших 30 тысяч. А у четырех великих индийских везиров рати своей по 40 тысяч конных людей да пеших 100 тысяч. И рассердился султан на индийцев, что мало вышло с ним; и он еще прибавил 20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных да 20 слонов. Такова сила у султана индийского, бусурманского; Мухаммедова вера еще годится.[310] А правую веру бог ведает, а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте.

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь. Из города Бидара вышел за месяц до бусурманского улу-байрама,[311] по вере Мухаммеда, пророка божия.[312] А Великого дня христианского — Христова воскресения — не знаю, а говел с бусурманами в их заговенье и разговелся с ними. Великий день встретил в Кульбарге,[313] от Бидара 20 ковов.

Султан же дошел до Меликтучара с ратью своею на 15-й день после улу-байрама, а все в Кульбарге. И война им не удалась, один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много. А индийский же наместник[314] очень силен, и рати у него много, а сидит на горе в Виджаянагаре.[315] И город у него весьма велик, около него 3 рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь,[316] по другую же сторону подошла долина, весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая, за́росли колючего кустарника.[317] Под городом стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда. Город же индийский взял

ходжа Меликтучар,[318] а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дней рать не пила, не ела, стояла под городом с пушками. А рати его погибло 5 тысяч отборных людей. И когда город взяли, то убили 20 тысяч мужского и женского поголовия, да 20 тысяч человек, взрослых и малых, взяли в плен. А продавали пленных по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги. Казны же не было ничего. А большого города не взяли.

А от Кульбарга пошел до Кулура;[319] а в Кулуре родится сердолик,[320] и здесь его отделывают, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие.[321] И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Коилконду,[322] а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Гульбарге,[323] а от Гульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина — к Камендрии, а от Камендрии — к Кынарясу, а от Кынаряса — к Сури,[324] а от Сури пошел к Дабулу [325] — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все поморье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву [326] и сговорившись о корабельной плате,[327] дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы.[328] И тут люди все воскликнули: «Боже,[329] видно нашим головам суждено здесь погибнуть», а по-русски говорили: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, — и они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската [330] и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза [331] 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Лару [332]

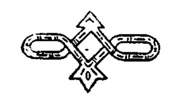
и в Ларе был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу,[333] 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух,[334] 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду,[335] 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани,[336] 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану,[337] а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел к Куму,[338] а из Кумы пошел в Саву.[339] А из Савы пошел в Султанию.[340] А из Султании пошел до Тавриза.[341] А из Тавриза пошел в орду к Хасан-беку,[342] в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого [султана] [343] послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас;[344] да и Токат [345] взяли и пожгли, Амасию [346] взяли и пограбили там много сел. И пошли воюя на Караман.[347] А я из орды пошел к Арзинджану,[348] а из Арзинджана [349] пошел в Трапезунд.

И пришел в Трапезунд [350] на Покров святой богородицы и приснодевы Марии и пробыл в Трапезунде 5 дней. И, придя на корабль, сговорился о плате [351] — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину,[352] а отдать его в Кафе.[353] В Трапезунде же субыши [354] и паша [355] причинили мне много зла:[356] унесли весь мой хлам к себе в город,[357] на гору, да и обыскали все; что мелочь была хорошая — всю выкрали, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

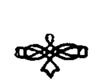
Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного,[358] а по-персидски море Стамбульское.[359] Плыл же морем по ветру 5 дней и доплыл до Вонады,[360] но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане [361] 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю;[362] боже истинный, боже покровитель! — потому что, кроме него, иного бога не знаем. И море, было, проплыл, да занесло нас к Балаклаве,[363] а оттуда к Гурзуфу,[364] и стояли здесь 5 дней.

Божиею милостью приплыл в Кафу, за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря. Остальное бог знает, бог покровитель ведает.[365] Во имя бога милосердного и милостивого.[366] Бог велик! Боже благий, господи бла-

гий, Иисус дух божий![367] Мир тебе! Бог велик; нет бога, кроме Аллаха, творца. Слава богу, хвала богу! Во имя бога, милосердного и милостивого! Он есть бог, которому другого подобного нет, ведающий все тайное и явное; он милосерден и милостив; он бог, которому нет другого подобного; он царь, свет, мир, спаситель, попечитель, славен, могущ, велик, творец, зиждитель, изобразитель. Он разрешитель грехов, он и каратель; дарующий, питающий, прекращающий всякие затруднения; знающий, принимающий наши души; распростерший небо и землю, все сохраняющий; всевышний, возвышающий, низвергающий, все слышащий, везде видящий. Он судья правый, благий.[368]

ПРИЛОЖЕНИЯ

АФАНАСИЙ НИКИТИН — ПУТЕШЕСТВЕННИК-ПИСАТЕЛЬ

Первоначальной целью поездки Афанасия Никитина и его товарищей, тверских и московских купцов, был, видимо, лишь Ширван — государство, занимавшее в XV в. северо-восточную часть современного советского Азербайджана. О том, что, отправляясь в путь, Никитин еще не думал о далекой Индии, свидетельствуют его собственные слова. Вспоминая в «Хожении», как его ограбили в пути под Астраханью, он пишет: «И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось». Однако вряд ли Никитин поехал в Индию, только послушавшись убеждений тех хорасанских купцов, которых он потом с досадой назвал «псы-бесермены» и которые соблазнили его тем, что в Индии много «товаров на Русскую землю». Вероятно, он уже на родине слышал об этой богатой стране от восточных гостей. Как показывают его путевые записки, Никитин немало поездил по чужим странам, еще больше слышал о них, интересовался и доступными русскому читателю описаниями путешествий русских паломников. Не случайно, видимо, он назвал себя индийцам, стремясь завоевать их доверие, «хозя Исуф Хоросани», т. е. выходец из Хорасана — северо-восточной части Ирана. Здесь, возможно, Никитин побывал не первый раз на пути в Индию. Говоря о климате Индостана, он вспоминает особенности зноя в разных странах — среди них он называет не только Иран и Среднюю Азию, где русские купцы бывали в XV в. неоднократно, но и Египет, Аравию, Сирию, «Турскую землю» и более близкие — Грузию, «Волошскую землю» (Румынию), Подолию. Много поездивший по странам

Востока, Никитин владел тем смешанным языком, каким говорили в Средней Азии хорезмийские купцы, торговавшие со всеми странами Передней Азии. Знакомство с этим языком он мог закрепить и во время торговых поездок в татарские города Поволжья, где было много среднеазиатских, в том числе и хорезмийских купцов.

Вероятно, широкому общению с западноевропейскими купцами (через «немецкий двор» в Новгороде тверские гости торговали с Западом) Никитин обязан был знакомством с средиземноморской «lingua franca», откуда в его языке появились отдельные слова и морские термины: авдоном (самостоятельный правитель), кырпук, или кирпук, карбункул (драгоценный камень), налон (плата за проезд на корабле), фурстовина (буря), миля (мера длины).[1]

Никитин был начитан и в литературе русских путешествий, поэтому он сравнил парватского «Бута», — вероятно, статую Шивы, — со статуей императора Юстиниана Великого в Царьграде («руку правую поднял высоко, да простер, акы Устьян царь Царяградскы»), описание которой, подчеркивающее именно этот признак ее, он мог найти у паломников, перечислявших достопримечательности Царьграда.[2] Внимательное чтение русских описаний путешествий наложило, как увидим, определенный отпечаток и на форму изложения Никитиным его путевых впечатлений. Человек глубоко религиозный, стремившийся и на чужбине соблюдать посты и отмечать праздники православной церкви, Никитин позаботился перед отъездом о том, чтобы в эти праздники хотя бы читать соответствующие церковные службы, поэтому взял с собой «книги». Именно утерей этих книг (их отняли еще под Астраханью ограбившие путешественников татары) Никитин объяснял то, что он «забыл веры крестьянския и праздников крестьянских», следовательно — среди отнятых книг были, несомненно, богослужебные.

---

[1] См.: Ю. Н. Завадовский. К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, 1954, стр. 140.

[2] Например у Стефана Новгородца или у Зосимы — см. «Комментарии», прим. 128.

Вот те немногие сведения, почерпнутые из литературного труда Никитина, которые дают некоторое представление о жизненном опыте предприимчивого тверского купца, накопленном им до отправления в торговую поездку, превратившуюся в богатое приключениями далекое путешествие. Не только свойства характера Никитина, но и этот его жизненный опыт предопределили содержательность путевого дневника тверского гостя, который и до сих пор остается одним из ценных источников сведений о жизни центральной и южной Индии второй половины XV века. Внутренний мир этого, несомненно, передового человека своего времени раскрывается перед читателем его путевых записок в рассказах о событиях его жизни на чужбине и в лирических эпизодах — размышлениях его о родине, людях и религии.

Еще И. И. Срезневский предположил, что Афанасий Никитин сам перерабатывал свои первоначальные записи,[3] в итоге чего создались два авторских варианта «Хожения». Современные исследователи допускают даже, что весь труд Никитина был выполнен им после возвращения из путешествия, где-то по дороге в Смоленск.[4] Не говоря уже о том, как трудно, а порою невозможно удержать в памяти такое обилие фактических подробностей (например, точное указание расстояний между городами в днях пути или ковах), каким отличается «Хожение», — обстановка тяжелого обратного путешествия была совсем неподходящей для литературного труда. Лишь начальная фраза свидетельствует о том, что она была приписана автором после того, как он привел в порядок свои путевые заметки. Может быть, он сделал это, передавая свои записи тому, кто должен был вручить их в Москве. Молитва и краткое изложение самой темы в начале «Хожения» как будто говорят за то, что автор, предчувствовавший близкую смерть, спешил закончить свой труд, но, не имея сил, лишь снабдил его кратким предисловием: «За молитву святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне бо-

[3] См. об этом: Археографический обзор, стр. 164—165.

[4] А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг. Афанасий Никитин и его время. Изд. 2-е испр. и дополн., М., 1956, стр. 198. (В дальнейшем: А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг).

жий, помилуй мя, раба своего грешнаго Афонасья Микитина сына. «Се написах грешьное свое хожение за три моря: прьвое море Дербеньское, дория Хвалитьскаа, второе море Индейское, дория Гондустаньскаа, третье море Черное, дория Стемъбольскаа». Итак — автор уже говорит о своем труде в прошедшем времени — «се написах». Ему вспомнились все трудности пути, вынуждавшие его иногда невольно пренебрегать требованиями религии, — и он оценивает свое путешествие как «грешное». Самые же путевые записи начинаются с сообщения о том, как он вышел из Твери.

В тексте «Хожения» есть несомненные следы того, что Никитин то записывал путевые впечатления за целый отрезок времени — например, когда он перечисляет города с расстояниями между ними, разделявшие два пункта, где он останавливался на более или менее продолжительное время; то подробно описывал свои наблюдения и раздумья над жизнью «Индейской страны», сделанные в районах, где он надолго задерживался в пути, — часть этих наблюдений, видимо, записана до отъезда из каждого района, часть — позднее, по воспоминаниям. Но есть свидетельства того, что иногда свои размышления Никитин записывал сразу. Так, перед описанием похода Меликтучара на Виджаянагар Никитин задумывается, каким путем ему возвращаться на родину, и записывает эти тревожные мысли явно сразу, еще перед путешествием, поэтому и рассказывает о них в настоящем времени: «Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж. . . А иного пути нет никуда. А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру . . . Жить же в Индостане — значит израсходовать все, что имеешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына . . .» Этот отрывок не оставляет сомнения в том, что записан он был тогда, когда Никитин еще не выбрал окончательно маршрута обратного путешествия. Перед самым отъездом в обратный путь Никитин снова записывает свои грустные размышления о том, что трудно ему соблюдать христианские празд-

ники: «А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного. . . а молился я богу вседержителю. . .» — видимо, эта запись сделана весной 1470 г., когда Пасху Никитин провел в Бидаре. Самый характер записи показывает, что она связана с определенным моментом: Никитин усомнился, вовремя ли он постился в этом году, правильно ли высчитал наступление праздника. Продолжая записи, очевидно, в пору, когда он разведывал наиболее безопасный путь через переднеазиатские государства, где в это время «происходил мятеж», Никитин подробно записывает то, что он отчасти видел, отчасти слышал о походе Меликтучара. Доехав до Гульбарги, когда путь, наконец, был выбран, Никитин здесь услышал о неудачном исходе войны для Меликтучара, а заодно записал и рассказы о городе Виджаянагаре и безуспешной осаде его Меликтучаром. Возможно, что путь от Гульбарги до «Ефиопской земли» был описан (очень кратко) уже во время морского пути — «в таве» путешественники плыли больше месяца, сбились с пути и пристали к «Ефиопской земле». Может быть, перечитывая в пути свои записки, Никитин вставил тогда и заметки о климате разных стран, подсказанные впечатлением от жары в Ормузе.[5] Дальнейший путь описан очень кратко, видимо, в Кафе, к которой относится последняя запись. Очевидно, утомленный трудным морским путешествием и уже больной, Афанасий Никитин не имел силы продолжать свой литературный труд. Только этим можно объяснить то, что он, с такой любовью вспоминавший о родине на чужбине, ни одним словом не выразил радость возвращения на родную землю. Можно предположить, что, обессилев, он приписал в конце пути лишь следующие строки: «Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря». Со слов «Остальное бог знает, бог покровитель ведает» начинается молитва на том смешанном персидско-арабско-тюркском языке, каким иногда пользовался Никитин в тексте «Хожения».

---

[5] См. также «Археографический обзор», стр. 165—166.

Приписал он, как выше указано, и краткое молитвенное предисловие, где также назвал свое путешествие «хожением за три моря».

Таким образом, нет оснований думать, что Никитин лишь на обратном пути взялся составлять записки о своем путешествии. Этому противоречит насыщенность изложения фактами, в огромном большинстве точно зафиксированными, внимательное описание чуждого быта, где все было ново для русского путешественника, впервые видевшего «Индейскую страну». Удержать в памяти все те характерные мелочи и рядом важные исторические события, цифры расстояний и подробности украшения индуистских храмов, о которых рассказал в «Хожении» Никитин, было невозможно. И если он и вносил в свои «тетрати» некоторые дополнения и поправки уже в конце обратного пути, то основное содержание «Хожения» составляют записи, сделанные то под непосредственным впечатлением увиденного или услышанного от местных жителей, то по свежим следам пережитого.

Форма изложения, принятая Афанасием Никитиным для записей, опиралась на прочную литературную традицию, с которой, очевидно, начитанный тверской купец был хорошо знаком и, исходя из которой, он назвал свое путешествие «хожением». «Хожение», или «хождение», — термин, которым в древнерусском литературном языке обозначалось и самое путешествие, и рассказ об этом путешествии, так же как наименование путешественника — «странник», «паломник» — входило и в определение повествования о путешествии: «книга странник», «книга паломник».

С начала XII в. в русской литературе названием «хождение» определялись описания религиозных достопримечательностей Палестины, Египта, Синая и Царьграда. Путешественники-писатели передавали связанные с ними книжные и устные легенды, лишь попутно отводя место краткой характеристике природы и естественных богатств, быта и нравов чужих стран. По мере того как выдвигались новые задачи и самих путешествий, и их описаний, жанр «хождений» начал терять свой по преимуществу религиозно-легендарный характер.

С XIV в. наряду с паломниками-писателями появились новые категории путешественников, которые также вели записи своих впечатлений: это были участники официальных посольств в Западную Европу или Царьград или купцы, связанные с Востоком торговыми делами. Тех и других, в отличие от паломников, интересовала по преимуществу «мирная» жизнь: они описывали торговые города и крепости, дворцы и больницы, мостовые и водопроводы, сады и фонтаны и т. п. С любопытством и без всякой вероисповедной вражды они наблюдали обряды обычно осуждавшейся «латинской» церкви; в 1439 г. участник русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор признал даже «зрелищем пречюдным и несказанным» католическую мистерию благовещения.

Сохраняя конкретность и деловитость старших русских «хождений», характеризующую уже труд первого русского паломника-писателя игумена Даниила, светские путешественники гораздо смелее используют в изложении живую речь, сокращают, а иногда и совсем устраняют цитацию религиозно-легендарной литературы. Но план описания, как и у паломников, определяется у них маршрутом путешествия; «хождение» продолжает быть своего рода путеводителем, в котором немало места занимают сведения справочного характера (расстояния между пунктами, перечень заслуживающих внимания достопримечательностей, природных богатств и товаров, состава населения и т. п.). Такие путевые записки еще не претендуют на литературную изысканность повествования; они насыщены фактами, но лишены стилистических украшений. Индивидуальность автора проявляется в них в той или иной оценке сообщаемых сведений, в степени обнаружения личных переживаний путешественника.

Афанасий Никитин — сознательно или невольно — отдал дань литературной традиции «хождений», описывая свои странствия «за три моря». Он оставил нам своеобразный дневник-путеводитель, по которому читатель может следить за всеми этапами путешествия, от выезда его из родной Твери до прибытия в Кафу, к которой относится последняя запись. Как старшие путешественники-писатели, Никитин стремится точно называть расстояния между отдельными

остановками в пути; дает краткие сведения о наиболее значительных городах. Повествовательно-описательная часть его изложения слагается из простых предложений, соединяемых союзами «а» или «да», иногда же однообразно начинающихся глаголом «есть» («а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены. . .»; «да оболочать их в доспех булатный, да на них учинены городкы, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками. . .»; «есть у них одно место. . . есть в том Алянде и птица филин. . . есть хоросанец. . .»). Такая форма изложения установилась в «хожениях» уже начиная с «Хождения» игумена Даниила начала XII в. Общее определение богатства и изобилия местности Никитин дает привычными словами старших путешественников: «добро, обильно всем», «земля обильна всем», «земля обильна велми» (ср. у Даниила: «обилен есть всем добром», «обилен есть всем»).

В соответствии с характером содержания записок Никитина в них гораздо ярче выступают формы просторечия или делового языка, чем книжной литературной, славянизированной речи, которая использована в молитвенных обращениях, размышлениях автора о христианской религии или покаянных возгласах человека, опасающегося, не нарушил ли он церковного правила.

В рамках литературной традиции избранного им жанра Никитин создал для передачи наблюдений и впечатлений свой неповторимо индивидуальный стиль изложения, в котором сказался своеобразный характер отважного и любознательного путешественника, горячего патриота и глубоко религиозного человека.

И в повествовании, и в диалоге он умеет сохранить образность и интонации живого языка («отпустили голими головами за море», «а тот пошел, куды его очи понесли», «яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку», «дале бог ведает, что будет» и т. п.). В его рассказ вкрапливаются привычные обороты деловой речи («бил есми челом ему, чтобы ся о мне печаловал»), особенно ощутимые в изложении прямой речью жалобы на захват русских купцов и их имущества и просьбы ходатайствовать за них.

Никитин расцветил свое повествование восточными словами и целыми эпизодами, выраженными на смешанном тюркско-арабско-

персидском языке (см. «Комментарий», прим. 368): то он просто называет предмет местным словом, хотя без труда мог бы привести его русское название («гарип» — иностранец, «кичирь» — морковь, «намаз» — молитва и т. п.); то сознательно, видимо, зашифровывает те части своего рассказа, содержание которых он хотел скрыть от читателя, например рассказ о «бесстыдных» черных женщинах; то прячет в иноязычной форме свои заветные думы о «нестроениях» в Русской земле.

Обилие автобиографического элемента в «Хожении» Никитина — в виде рассказов о событиях его жизни в пути и в форме лирических эпизодов — выделяет эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. Но в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV в. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врывается именно в XV в. в традиционную форму «жития» и исторического рассказа; личность самого автора, вопреки традициям прошлого, проявляется перед читателем главным образом в лирических отступлениях, нравоучительных сентенциях и оценках изображаемых фактов. Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя, и автора. Афанасий Никитин предстает перед нами писателем своего времени, когда он эпическую ткань путевых записок оживляет рассказами о своих впечатлениях, настроениях, обращениями к читателям-соотечественникам с нравоучительными предостережениями, сравнительными оценками своего, родного — и того, что он наблюдал на чужбине.

Эти автобиографические и лирические элементы «Хожения» Никитина дополняют живыми чертами образ деловитого, энергичного купца-путешественника, который ищет «товаров» «на Русскую землю» и в то же время внимательно изучает жизнь чужих стран, встретившихся ему на пути «за три моря».

Содержание «Хожения» составляют три неравные по объему раздела: описание пути до Индии, главную часть которого состав-

ляет рассказ о том, как под Астраханью караван купцов был захвачен татарами (они «разграбили» русский товар, «а нас отпустили голими головами за море, а вверх нас не пропустили»); обстоятельное повествование о более чем двухлетнем пребывании в Индии, составляющее основную и важнейшую часть «Хожения»; очень краткое описание обратного пути, в котором также подробнее всего описано, как в Трапезунде Никитина обыскали, надеясь найти у него грамоты Узун-Хасана, и при этом «что мелочь добренкая, и они выграбили все», — жалуется Никитин.

Как ни кратки, сравнительно с центральной частью, первый и третий разделы «Хожения», но и в них характерные особенности Никитина как путешественника-писателя выражены вполне отчетливо. Он точен в передаче исторических фактов (посольство Василия Папина и посла Хасан-бека, сведения о «булгаке» — войнах в Иране Узун-Хасана), внимателен к описанию своих приключений и вызванных ими настроений, но пока еще очень краток, когда речь идет о пройденных городах — их описание еще не выходит за рамки путеводителя. Возможно, эта краткость объясняется тем, что «Хоросанская земля» не была для русского купца страной неведомой, и у него не возникло желания описать подробнее ее быт.

Важнейшую часть «Хожения» составляет описание Индии, которое внесло в русскую культуру реальное представление о стране, дотоле известной в русской литературе главным образом через сказочные предания.

До того времени, когда «тетрати», содержавшие путевые записки Никитина, были привезены в Москву и через летописные сборники получили распространение, русские читатели представляли себе «Индию богатую» как страну чудес, сказочного богатства и изобилия, населенную чудовищными животными и необыкновенными людьми, живущими среди невиданной природы. Фантастикой, сказочными преувеличениями и украшениями полны рассказы об Индии в тех эпизодах широко популярной на Руси в средние века «Александрии», которые описывали поход на Восток Александра Македонского, и в «Христианской топографии» Космы Индикоплова. С XIII века к этим рассказам добавились гиперболические описания

богатств «Индийского царства» в «Сказании об Индийском царстве». Доходившие на Русь через устные рассказы путешественников легенды о несметных сокровищах «Индии богатой» отразились в русской былине о Дюке Степановиче. «Сказание об Индийском царстве» и былина настолько сблизились в читательском восприятии, что уже во второй половине XV в. в текст «Сказания» включились некоторые подробности былинного описания дворца Дюка.[6]

Западная Европа также долго жила сказочными представлениями об Индии, о чудесах которой она читала не только в древних рассказах (Ктезия, Димаха, Мегасфена и др.), но и в записках позднейших путешественников на Восток, вплоть до ближайшего предшественника Афанасия Никитина — итальянца ди Конти. Стоит вспомнить хотя бы некоторые из рассказов этих путешественников, чтобы оценить вполне здравый смысл русского гостя, не поверившего ни литературным легендам о чудесах Индии, ни местным сказкам, которых он, вероятно, слышал не меньше, чем они.

Широкое распространение сказочных представлений об Индии, вероятно, объяснялось не только ее природными богатствами, не только тем, что золото, драгоценные камни и ткани из Индии доходили и в другие страны Азии и Африки, а через них в Европу. Была реальная основа для фантастических сказаний о необыкновенных дворцах Индии, великолепных украшениях и одеждах, чудесных изделиях из драгоценных камней и слоновой кости, редкостных благовониях и пряностях. Культура Индии, как показали раскопки в долине Инда (Мохенджо-Даро и Харапп), значительно старше европейской: она существовала уже 6—7 тысячелетий тому назад. Обнаруженные раскопками ее остатки показывают, что уже в XXV—XV вв. до н. э. население здесь пользовалось металлическими орудиями — медными и бронзовыми, причем сделанными с большим мастерством, занималось скотоводством, земледелием, возможно даже поливным. Значительного уровня достигли здесь уже тогда различные ремесла, среди них — изготовление хлопчатобумажных

---

[6] А. Н. Веселовский. Южно-русские былины. Сборник ОРЯС, т. XXII, № 2, 1881, стр. 189—190.

тканей, гончарных и ювелирных изделий. Строительство городов находилось на высоком уровне: строились большие дома, храмовые здания, общественные бани, крепостные сооружения, канализация. Раскопаны остатки рынков, гири разной формы, свидетельствующие о развитии торговли, которая связывала северную Индию с разными странами Азии и даже Европы. Существовало письмо — видимо, на пальмовых листьях и тканях.[7]

В той литературе об Индии, с которой мог быть знакомым на родине до своего путешествия Афанасий Никитин, он читал главным образом о чудесах страны, где всюду золото, драгоценные камни, пышные царские палаты. Он был подготовлен этими описаниями к восприятию действительной роскоши украшений царских дворцов и храмов Индии, их резьбы, скульптуры, цветных росписей, обилия золота и серебра, всегда поражавших путешественников. Однако он совсем ничего не мог найти, ни в русских, ни в переводных сочинениях, о жизни народа Индии, а именно она и оказалась предметом наибольшего внимания русского путешественника, она уводила его от созерцания только «богатой» Индии «сильных и пышных бояр», о которой он читал и слышал уже на родине и которую описал ярко и красочно, к наблюдениям над Индией «сельских людей голых». И в этом — особая ценность краткого, но содержательного и правдивого рассказа тверского гостя о далекой стране.

Описанию своеобразной природы Индии, ее климата, резко отличного от климата Руси, естественных богатств — того, что «родится» в «Индейской стране» и чем она торгует, Никитин отвел немного места в своих записках, но он сумел подметить самое существенное. Этой характерной чертой его наблюдательности определился и способ описания — уменье кратко, но точно сообщить читателю важнейшие, с точки зрения нашего путешественника, сведения о данной местности, городе, явлении природы или занятиях жителей.

[7] Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. Перевод с англ., под ред. и с предисл. акад. В. В. Струве, Издат. иностр. лит., М., 1951.

Пляшущий Шива. Шива и Парвати. Эллора. VIII век. (W. Kruse. Denkmäler indischer Kunst. 1942).

Статуя Индрани в джайнитской пещере. Эллора. VIII век. (W. Kruse. Denkmäler indischer Kunst. 1942)

Это уменье четко сказалось уже в описании последней гавани Ирана на пути Никитина в Индию — «Гурмыза» (Ормуза). Отсюда Никитин на «таве» вместе с купцами, торговавшими «коньми», направился Индийским морем прямо к цели своего путешествия. Пробыв в Ормузе весной 1469 г. около месяца, Никитин внимательно присмотрелся к жизни этой крупнейшей морской гавани и в своем кратком описании ее отметил самое существенное. Прежде всего его поразила здесь необыкновенная жара, «палящее солнце», которое может «сжечь» человека. «В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне, где родится жемчуг», еще раз вспоминает позднее Никитин поразивший его климат Ормуза. В этом определении «палящего» ормузского солнца нет преувеличения: все путешественники более или менее подробно описывали эту невыносимую жару в Ормузе. Так, Марко Поло тоже дважды вспомнил ее: «Превеликая тут жара; солнце печет сильно; страна нездоровая». «В городах летом не живут; там очень жарко, и от жары много народу помирает; народ уходит в сады, где реки и много воды; и там бы не спастись от жары, если бы не одно средство, и вот какое: летом, нужно знать, несколько раз поднимается ветер со стороны песков, что кругом равнины; этот ветер жаркий, человека убивает; как только люди почуют, что поднимается жара, входят в воду и этим спасаются от жаркого ветра». «Жара тут сильная, и потому-то здешний народ устроил свои дома со сквозняками, чтобы ветер дул; откуда дует ветер, туда они и ставят сквозняк и пускают ветер в дом; и все потому, что жара сильная, невтерпеж».[8]

Рамузио (1569 г.), ссылаясь на Марко Поло, рассказывает, что войско керманского царя, в составе 1600 конных и 5000 пеших воинов, на пути в Ормуз «остановилось в роще неподалеку от Ормуза. Наутро, когда войско выступило в путь, поднялся тот ветер и задушил всех. . . ветер изжарил тела до того, что при одном прикосновении руки отделялись от туловища».[9]

[8] Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева, редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. Гос. изд. географ. литературы, М., 1955, стр. 68, 211. (В дальнейшем: Марко Поло).

[9] Там же, стр. 264, прим. 12 к гл. XXXVII.

Об этом жарком ветре — «симуме», «мунчине» — и палящем жаре солнца рассказал и один из лучших в прошлом русских знатоков Индии И. П. Минаев по личным впечатлениям. Жар вынуждал жителей покрывать улицы цыновками или даже коврами, чтобы не прикасаться к раскаленной почве; «на перекрестках стояли верблюды с пресной водой. В домах было еще более роскоши: дорогие ткани, которыми они были покрыты снаружи, не давали палящей жаре проникать во внутрь покоев. Кругом богатейших домов были бассейны; когда поднимался симум, жители прятались в воду и таким образом спасались от его губительного влияния».[10]

Все известия путешественников об Ормузе подтверждают впечатление Никитина о том, что Ормуз «великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть». В Ормузе «встречались люди всяких религий, купцы и странники со всего известного тогда мира. Всякого рода дорогие и редкие предметы покупались и продавались здесь. . . жители любили негу, изысканность в одеянии и музыку. . . золотые кольца с драгоценными каменьями украшали их [туземок] косы, уши, шею, руки и ноги. . . Гормуз был городом роскоши и разнообразных удовольствий. . . Даже бесплодие местной почвы не ощущалось при постоянном подвозе различных продуктов с материка: в обилии здесь находимы были самые изысканные кушанья и тонкие персидские вина».[11]

Совершенно точно указал Никитин и размер пошлины, взимаемой в Ормузе с товаров: «. . . пошлина же велика, со всего берут десятину».

Никитин заметил, что весна в Индостане «наступила с Покрова». Он обратил внимание на то, что в Индии зимой (так назвал он период дождей), которая «началась с Троицына дня», «в течение четырех месяцев и днем и ночью всюду была вода и грязь». В этот-то период дождей «у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное».

---

[10] И. Минаев. Старая Индия. ЖМНП, 1881, июнь, стр. 171. (В дальнейшем — И. Минаев, ЖМНП).

[11] Там же, стр. 170—171.

Никитин указал на приготовление вина в больших орехах кокосовой пальмы, браги — из коры пальмы, на то, что коней здесь кормят «горохом и варят для них рис с сахаром и маслом, а рано утром дают им еще рисовые лепешки». По-видимому, недостаток пастбищ определил и необычный корм лошадей и то, что хороших пород лошадей в Индии своих не было, их привозили. Отсюда Никитин сделал, очевидно с чьих-то слов, поспешный вывод, будто в Индии кони «не родятся, а ездят и товар иногда возят — на волах и буйволах».

Называя новый город или район, Никитин деловито сообщает, что в этой местности «родится», чем торгуют, особо отмечая, где «все дешево». Из товаров его внимание привлекали драгоценные камни, ткани, краски и пряности, возможно, как «товар» для русского рынка, хотя под первым впечатлением от «торга» в индийских городах он решил, что здесь «на Русскую землю товара нет», и с досадой вспомнил «псов-бусурман», иранских купцов, которые «обманули его»: они уверяли Никитина, что в Индии «множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый, только для бусурманской земли».

Отличие Никитина от многих современников его и даже позднейших путешественников в Индию, записавших свои впечатления, заключается в том, что в описания ее природных богатств он не вводит фантастических рассказов. Он сам побывал в одной из богатейших областей государства Бахманидов, где добывалось много драгоценных камней, где находились знаменитые алмазные россыпи Голконды. Он рассказал и об островах Бахрейн, где «ся жемчуг родит». Но Никитин не дополнил свое сообщение об этих местностях ни одним из тех фантастических рассказов, какие, например, с полным к ним доверием записал Марко Поло или какие сам Никитин мог прочитать в русских текстах «Сказания об Индийском царстве». Он не вспомнил сказку о том, будто алмазы добывают с помощью кусков мяса, брошенных в недоступные для людей горы, где лежат эти драгоценные камни (алмазы пристают к мясу, которое уносят белые орлы, а люди отнимают его у них или ищут камни в помете орлов). Не поверил Никитин, как Марко Поло, и в то,

будто в местах, где люди ловят жемчуг, брахманы заколдовывают хищных рыб, чтобы они не вредили ловцам.[12] В «Сказании об Индийском царстве» Никитин мог встретить подобный фантастический рассказ о добывании жемчуга, хотя и без легенды о заколдованных рыбах. В списке XV в. «Сказания» читаем о ловле жемчуга следующее: «Река под землею невелика» течет; когда расступается над ней земля и человек успеет вскочить в воду, он выхватывает оттуда «драгий камень», «а яже песок похватить, то великы жемчюг возмется». В устье той реки, в которую впадает эта подземная река, «понирають в реку ту иныя на 3 месяци, а иныя на четыре, ищут камения драгаго».[13] Вместо всех этих сказок и суеверий Никитин деловито сообщил, где жемчуг дешев, сколько платят за алмазы «старой» и «новой» «копи».

Но не природа с ее естественными богатствами, а люди были главным предметом наблюдений Никитина. В Индии, которую современные индийские историки называют «музеем культов и обычаев, вер и культур, религий и языков, расовых типов и различных укладов»,[14] Афанасий Никитин проявил широкую терпимость, с одинаковым интересом и вниманием вглядываясь в различные религиозные культы, изучая нравы и обычаи разных национальных и кастовых групп, расспрашивая о важных событиях, происходивших в его время в «Индейской стране» — государстве Бахманидов. Он общался и с «бесерменами», т. е. мусульманами, поэтому нередко обряды христианской религии он сравнивает с исламистскими, но много времени проводил и с «индеяны», т. е. индуистами, которым «объявил», что он «христианин, а не бусурманин»; после этого, пишет Никитин, — «они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали».

[12] Марко Поло, стр. 187, 183.

[13] А. Н. Веселовский, ук. соч., стр. 252.

[14] Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи. История Индии. Изд. иностр. литер., М., 1954, стр. 22.

Со слов своих собеседников Никитин сообщает, что «всех вер в Индии 84, и все веруют в Бута. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера». Ниже Никитин, присмотревшись к быту индуистов, записал: «Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, — хотя свиней у них очень много. Едят же они два раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. . . А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся, ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел».

В этом описании не знавший местных языков Никитин, очевидно, смешал обычаи, связанные с религиозными представлениями, и те запреты, какими отделялись в Индии одна от другой замкнутые сословно-профессиональные группы, у португальских завоевателей южной Индии получившие наименование «касты». В феодальной Индии, какую наблюдал Никитин, таких замкнутых профессиональных групп было много, между ними запрещались браки и совместная еда. На последний запрет обратил особое внимание Никитин, ошибочно объяснивший его различием «веры».

Внешние проявления в быту кастовой замкнутости и своеобразных обычаев индуистов Никитин подметил правильно, и его сообщения подтверждаются другими источниками. Например, рассказ о том, что индийцы едят только правой рукой и имеют каждый особую посуду, читаем у итальянца Рамузио, который посетил Индию в XVI в.: «Нужно знать, — пишет он, — что они при еде употребляют только правую руку и не прикасаются ни к какой пище левой рукой. Все чистые и красивые вещи они делают и трогают правой рукой, так как левая рука служит им только для исполнения необходимых, но неприятных и грязных действий, как очищение известных частей тела и т. п. Пьют они только из сосудов, каждый из своего,

никто не станет пить из чужого сосуда. Когда пьют, они не подносят сосуды ко рту, а высоко держат его и вливают напиток в рот. Ни за что они не прикоснутся к сосуду ртом и не дадут пить из него иностранцу; но если у иностранца нет собственного сосуда для питья, они льют ему напиток на руки, и так он пьет, употребляя руки вместо чашки».[15] Никитин еще раз вспомнил об этой кастовой замкнутости, не позволявшей людям разных групп есть и пить из одной посуды, когда он описывал выезд султана со своим двором «на потеху в четверг и вторник»: за султанским выездом идут «голые пешие женки, и те воду за ними [участниками выезда] носят, пить и умываться, а о д и н у д р у г о г о в о д ы н е п ь е т». Последнее замечание показывает, что и в окружении султана были люди разных групп, также не имевшие права общаться в быту.

Поскольку часть сведений Никитину давали мусульмане — «бесермены», он вслед за ними называет число вер — 84 и обобщает все индуистские культы в одном определении — «все веруют в Бута». Он сообщает, как индийцы хоронят мертвых: «А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду». Он не без удивления записывает, что «когда у жены родится дитя, то принимает муж». Может быть, по собственным наблюдениям Никитин отметил, что при рождении ребенка «имя сыну дает отец, а дочери — мать». Вполне возможно, что индийцы-индуисты, которые, по словам Никитина, не таились от него ни в чем, позволили ему присутствовать на этом значительном в их быту обряде. «Наречение имени — один из шестнадцати важнейших обрядов у хинду. Он совершается на 11-й или 12-й день жизни ребенка. Иногда разные касты имеют свой день для наречения имени. Согласно „Гобхила грихьясутре“, на ребенка надевается лучшее платье. Мать, сев слева от отца, кладет ребенка ему на колени. Потом встает, обходит вокруг него и становится прямо перед ним. Отец читает мантру из вед и вручает ребенка матери. По совершении торжественного жертвоприношения ребенку дается имя. Имена даются с учетом общественного положения роди-

---

[15] Delle navigationi e viaggi raccolto gia da G. B. Ramusio. In Venetia, vol. II, 1569. Цит. по книге: Марко П о л о, стр. 324, прим. 21.

телей новорожденного, обстоятельств его рождения и кастовой принадлежности».[16]

Вглядываясь в быт индийцев — «не бесермен», Никитин подметил, что они не едят «воловины» и «яловичины». «Корова с древнейших времен в Индии считается священным животным. . . Убийство коровы — величайший грех, больший чем убийство человека. Употребление мяса коровы вишнуиту запрещено».[17] Таким образом, Никитин сообщил о широком распространении этого религиозного запрета, охранявшего священное животное, которое в индийской литературе является «образцом нежности и любви».[18] Отметил Никитин и какое-то особое отношение индийцев к обезьянам, хотя и не связал прямо свой рассказ об «обезьянском князе» с легендой о Ханумане — советнике царя обезьян Сугривы. По этой легенде, Хануман — могучая обезьяна, почитающаяся сыном Ветра. Согласно «Рамаяне», Хануман оказал большие услуги Раме в его походе против демона Равана, похитившего супругу Рамы — Ситу. Якобы за эту помощь все обезьяны в Индии считаются священными, а Хануман является предметом поклонения.[19]

Распространенное у многих народов поверье, что сова — вещая птица, которая может предупреждать о несчастье, Никитин записал в виде легенды о птице «гукук»: «Она летает ночью и кричит гукук; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет». Старая Индия знала много подобных поверий. «Поверья относительно совы или зайца, перебежавшего через дорогу, встречаются уже в Ригведе. Приметы эти тщательно собирались самими индийцами, записывались ими, и в индийской литературе существует несколько систематических изложений суеверных примет относи-

---

[16] А. П. Баранников. Тулси Дас. Рамаяна. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 281, прим. 2, 3. (В дальнейшем: А. П. Баранников, Тулси Дас).

[17] Там же, стр. 127, прим. 4.

[18] Там же, стр. 271, прим. 2.

[19] Там же, стр. 151, прим. 2, 12.

тельно движений и криков различных животных, птиц, насекомых и т. д.».[20]

Описанию индуистских религиозных обрядов и верований Никитин уделил немало внимания. Он побывал вместе с индийскими паломниками в главной шиваитской [21] святыне — Парвате, значение которой он объяснил русскому читателю сравнением с Иерусалимом для христиан и Меккой для мусульман. Никитин сообщил, что в Парвату «съезжается вся страна Индийская на чудо Бутово». Этот праздник Шива-ратри у шиваитов особо отмечался именно в Парвате, в память спасения Шивой «нечестивого охотника». Легенда рассказывает об этом чуде следующее. «Нечестивый охотник» однажды заночевал в лесу на дереве, опасаясь зверей. «Холодом мучимый и голодом терзаемый, всем телом дрожа, бодрствовал он ночь, крапимый каплями росы. По воле же судьбы, под деревом тем стоял линга». Случилось все это в ночь Шива-ратри. Нечестивый охотник, сам не ведая того, почтил бога: он бодрствовал, постился, не ел ничего всю ночь, на линга падали капли росы с его тела, от тяжести же тела — падали ветви и листья. И Шива сказал: «И стал я много доволен». За это, по преданию, после смерти охотник был приведен к богу Шиве. В память этого спасения грешника («чуда Бутова») за невольный пост, бдение и приношение листьев богу Шиве шиваиты ежегодно в ночь праздника Шива-ратри бдят, постятся и молятся.[22] С этим воспоминанием связаны были

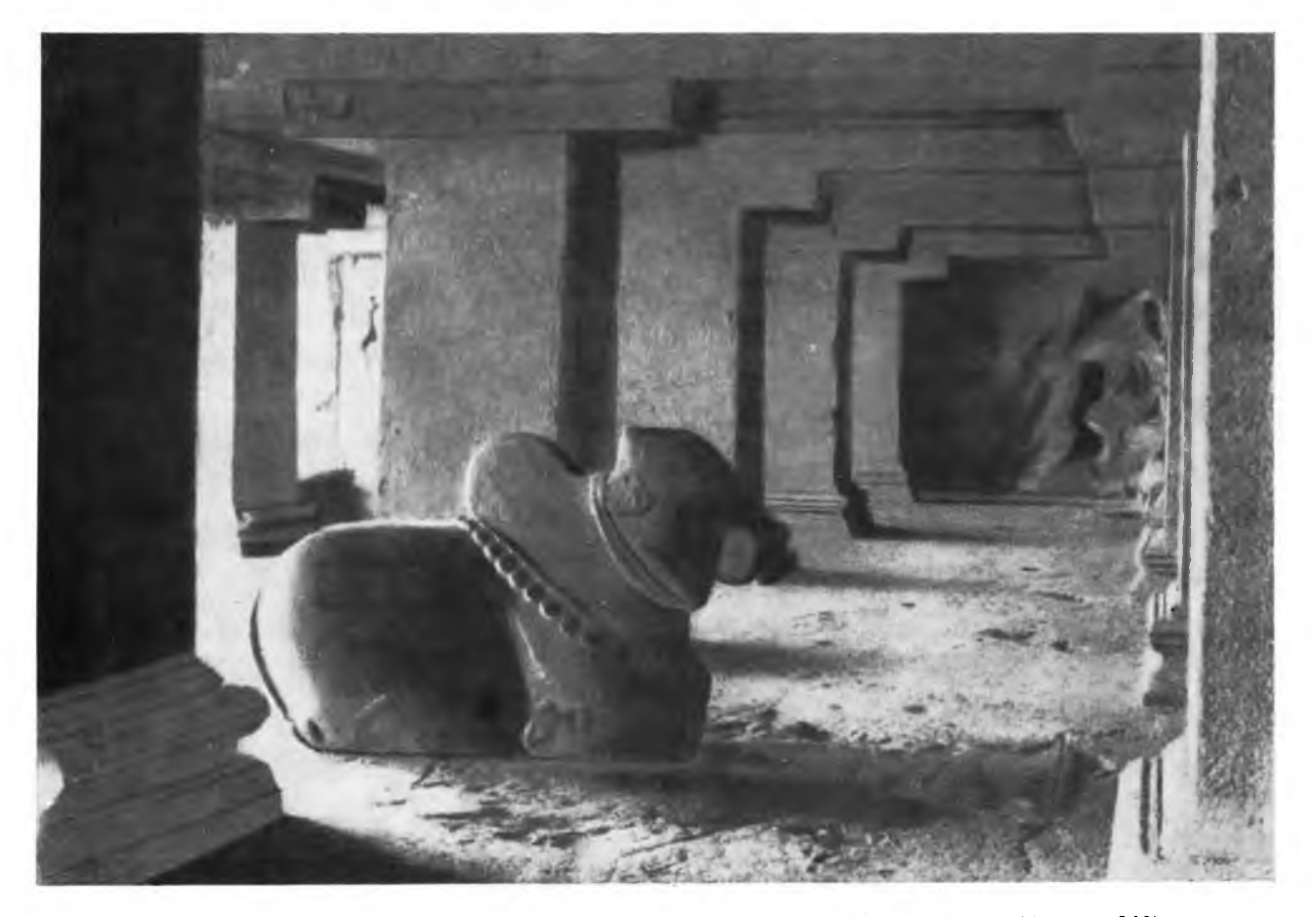
[20] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 30.

[21] Шиваиты — одна из сект индуизма, особо почитавшая Шиву—Шанкара, бога разрушителя и творца нового. Шива «считается самым щедрым среди богов, он легко подает дары всем, кто к нему обращается». «Согласно пуранам (пураны — «сказания о древности» — основные священные книги хиндуизма, чтение которых разрешается и низшим кастам; созданы между IV и XIV вв. вишнуитами и шиваитами), Шива имеет страшный облик. На голове у него река Ганга, над лбом луна, на лбу третий глаз, на шее ожерелье из змеи и гирлянда из отрубленных человеческих голов. Все тело его покрыто пеплом. Вместо одежды он носит тигровую шкуру. Главное оружие Шивы — трезубец. Ездит он на быке Символ творческой силы Шивы, линга—фаллос, высоко чтится шиваитами». (См.: А. П. Баранников. Тулси Дас, стр. 115, прим 7, стр. 116, прим 1, стр. 139, прим. 12, стр. 118, прим. 4, стр. 123, прим. 3.

[22] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 32—33.

Ганеша. Кедири. Блитар. XIII век. (W. Cohn. Indische Plastik. 1922).

Священный бык Нанди. Эллора. VIII век. (W. Kruse. Denkmäler indischer Kunst. 1942).

и ежегодные паломничества в Парвату, в одном из которых принял участие Никитин.

Описав подробно статуи-идолы в Парвате, которые вслед за мусульманами Никитин называет персидским словом «бут», он сообщил, что «около» бутханы (персидское слово, обозначающее храм идолопоклонников, капище, всякий языческий храм) на «12 венцах» вырезаны «Бутовы деяния» — «как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах». Здесь Никитин выразился вполне точно: «12 венцов» были вырезаны не в самом храме — бутхане, а на каменной ограде, которой были окружены все храмовые здания Парваты вместе с садом и прудом (см. «Комментарий», прим. 125). Никитин называет четыре таких «образа», из описания которых видны черты Ханумана, советника царя обезьян, и слона Ганеши.

В Парвате Никитин видел и статую огромного вола, «а высечен из черного камня и весь позолочен». Этому изображению Нанди — священного быка Шивы — индуисты поклоняются: «целуют его в копыто и сыплют на него цветы». Ниже Никитин еще раз вспомнил о почитании индуистами вола: «Индийцы вола зовут „отцом“, а корову „матерью“, на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу, по челу и по всему телу. Это их знаменье». Выше Никитин указывал, что почитание вола и коровы привело к запрещению употреблять в пищу их мясо. На этот раз он сообщил об обычае, который отражает поверье, распространенное среди индуистов, будто коровья моча и коровий навоз — лучшие лекарства от разнообразных болезней.[23]

Находясь в Парвате, Никитин поинтересовался не только своеобразными обычаями, связанными с паломничеством на шиваитский праздник: «Около бутханы бреются старые женки и девки и обревают на себе все волосы; бреют также бороды и головы»; «Внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы». Он приметил и то, что с паломников берут обязательный налог —

[23] А. П. Баранников. Тулси Дас, стр. 127, прим. 4.

очевидно, брахманы, хозяева бутхан: «С каждой головы берут пошлину на бута — по 2 шекшени, а с коней по 4 футы». О значительности собиравшейся на содержание бутханы и ее служителей суммы свидетельствует также упомянутое Никитиным число посетителей бутханы в праздник: «А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч лек,[24] а бывает время, когда и 100 тысяч лек». Цифру эту, конечно, не следует принимать за точную, она передает лишь представление Никитина об огромном наплыве паломников, а поставленная рядом с сообщением о собираемом налоге — подчеркивает значительность средств, которые индуисты отдавали на содержание своих бутхан. Известно, что сельское население Индии, кроме основного налога за землю и урожай, платы на содержание властей, платило на ремонт сельского храма и его поддержание, на религиозные празднества, на милостыню нищим, на угощение пришлых брахманов и факиров.[25] Никитин напомнил, что, кроме этих постоянных платежей, с народа брали еще отдельно за посещение индуистских святынь.

В Парвате Никитина поразили размеры храмового ансамбля: «А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная» (см. «Комментарий», прим. 125). То внимание, какое Никитин уделил описанию скульптуры в Парвате, объясняется необычностью этого вида изобразительного искусства для русского человека, тем более — в храме. Никитин обстоятельно описал всех парватских «бутов», их «женок» и священного быка Нанди. Деловитое описание, в котором путешественник не забыл упомянуть и о материале (черный камень), и о размерах (вельми велик) статуи, и о позе «бута», о всем его внешнем виде, об украшающем скульптуру золоте, — явно предназначено для русского читателя. Зная, что в православных храмах скульптурные изображения были запрещены, Никитин ни одним словом не выразил осуждения широкому распространению их в храмах индуистов, обнаружив широту взглядов и терпимость много видавшего путешественника.

---

[24] Лек — лак или лакх, — сто тысяч (см.: А. П. Баранников. Тулси Дас, стр. 130, прим. 3.

[25] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 25.

Подвергают сомнению сообщение Никитина, что индийские бутханы «без дверей». Однако не исключена возможность, что в этом сообщении Никитин лишь неправомерно обобщил свои впечатления от своеобразного добуддийского типа храмовой постройки — сту́пы, которая «представляла собой поставленное на платформу полушарие, сплошь сложенное из кирпича или камня. Поверхность, по-видимому, покрывалась слоем цемента и орнаментировалась. Ступа окружалась концентрической оградой с четырьмя воротами, обычно богато украшенными скульптурой и резьбой».[26]

Характерно, что мусульманские религиозные обряды Никитин не счел нужным описывать. Видимо, он рассчитывал, что русские читатели были достаточно знакомы с ними. Вероятно, поэтому он и прибегал иногда к сравнениям обрядов православной церкви с исламистскими, приравнивал свои посты к мусульманским, высчитывал свои праздники, исходя из мусульманского календаря. Он рассказал только о пышном выезде султана в праздник «улу-байрам». Из мусульманских поверий он, по рассказам, сообщает, что на острове Цейлон на горе сохранялся след ноги Адама, а проезжая через Рей, один из крупнейших городов средневекового Ирана, он вспомнил кратко предание об убийстве имама шиитов Хусейна. Может быть, это воспоминание было навеяно тем, что Никитин видел в Рее персидскую мистерию на тему этого события.

Внимательный наблюдатель чужих верований и религиозных обрядов, Никитин на чужбине особо ревностно стремится не нарушить правил своей религии, понятие о которой было для него неотделимо от представления о родине. Он часто возвращается в своих записях к тревожной мысли о необходимости в «Индийской земле» защищать свое право сохранять православие. Основной мотив молитвенных обращений и размышлений Никитина на тему о том, как сохранить на чужбине свою веру, выражен в словах молитвы: «Не отврати, господи, от пути истиннаго, настави мя, господи, на путь правый». Такая настороженность путешественника во всем,

---

[26] С. И. Тюляев. Архитектура Индии. М., 1939, стр. 5.

что касалось соблюдения им правил своей религии, имела некоторые основания.

В государстве Бахманидов, по территории которого он путешествовал, высадившись в Чауле — «Чювиле», мусульманские правители вели непрерывную, то усиливавшуюся, то ослабевавшую борьбу с «идолопоклонниками», т. е. индуистами, вынуждая их переходить в ислам. Они сжигали их книги, уничтожали жертвенные сосуды, разрушали идолов и храмы, строя на их месте мечети, а вместе с тем давали привилегии принявшим мусульманство.[27] Эта борьба, внешне всегда носившая характер гонения на религию, была также одним из проявлений классовой борьбы феодалов-мусульман против угнетенного ими крестьянства, в большинстве исповедывавшего индуизм, и внутриклассовой борьбы за власть между феодалами — мусульманами и индуистами.[28] В годы пребывания Никитина в Индии нетерпимость к индуизму несколько ослабела, однако борьба продолжалась. К тому же в государстве Бахманидов индуисты-феодалы нередко занимали видные должности. Терпимее, но также не до конца, был здесь мусульманский закон по отношению к христианам: они сохраняли свободу вероисповедания только в том случае, если были подданными мусульманского государства и платили особую подать; приезжие же христиане через год должны были, если они не уезжали, принять ислам или мусульманское подданство и платить связанную с ним подать, иначе им угрожало рабство, хотя на практике обращение иноверцев в рабство не было обязательным. Именно поэтому венецианец ди Конти, который провел в Индии около 20 лет в первой половине XV в., принял ислам. Никитину, для которого перемена веры была равнозначна измене родине, пришлось на себе испытывать нажим мусульман.

В «Чюнере» (Джунейре) Асад-хан, узнав, что Никитин «не бесерменин, русин», отнял у него дорогого жеребца, привезенного на

---

[27] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июнь, стр. 195.

[28] См.: Н. М. Гольдберг, А. Н. Мальцев, А. М. Осипов, Советская книга, 1949, № 3, стр. 64—73.

продажу, и потребовал: через четыре дня либо отдай мне совсем этого жеребца и тысячу золотых, либо — «стань в веру нашу в Махмет дени» и тогда получишь обратно и жеребца, и в придачу еще тысячу золотых. Случай выручил Никитина: знакомый хорасанец уговорил хана, рассказывает Никитин, «чтобы меня в веру не обращали, он же и жеребца моего у него взял». Напуганный купец счел такой благополучный исход «господаревым чудом». И все же он с горечью обращается к своим соотечественникам с предупреждением: «Ино братья, русьстии християне, кто хочеть поити в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да въскликнув Махмета, да поиди в Гундустаньскую землю». Впрочем это первое впечатление в дальнейшем сгладилось; очевидно, больше никто не пытался угрозами принудить русского путешественника переменить веру, и лишь еще один раз тот же Асад-хан — «холоп меликтучаров», как называет его Никитин, затеял с ним спор о вере, упрекая, будто он и христианства не знает. Никитин воспринял этот укор в свете своих постоянных сомнений в том, правильно ли он, лишившись книг, соблюдает православные посты, во время ли отмечает молитвой праздники. И он записывает «многие размышления» свои на эту тему: «Горе мне окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду». В молитве он просит помощи свыше, чтобы до конца сохранить свою веру.

Для Афанасия Никитина вера — символ родины. Он твердо держится ее на чужбине, но не осуждает и иноверцев. Внимательно присматривался он, как мы видели, к совсем неведомым ему индуистским обрядам, улавливал иногда сходство их в отдельных чертах с христианскими. У индуистов «молитва на восток, по-русски, подымают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. . . Приходя или уходя кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят»; «в воскресенье же да в понедельник едят один раз днем», — записал он, может быть вспомнив русский пост в среду и пятницу. Часто с грустью думает Никитин о том, правильно ли он «держит» свою веру; он признается, прожив четыре года на чужбине: «Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере. . .

плакал много по вере христианской». И все же, заканчивая путешествие, Никитин записывает итог своих размышлений о религии, основанный на опыте наблюдений над иноверцами: «А правую веру бог ведает, а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте». Это была смелая и необычная для русского человека XV в. мысль. Однако не только среди «вольнодумцев» — еретиков, но и среди торговых людей, ездивших по чужим странам, привыкших к общению с народами разных вер, в это время уже начали вырабатываться более свободные взгляды на вероисповедные различия. Современник Никитина, гость Василий, побывавший в 1466 г. по торговым делам в малоазийских городах, а оттуда проехавший в Палестину, также признал за людьми всех «языков и вер» равное право на исцеление от чудесных деревьев.

Не все в быту индийцев пришлось по нраву Никитину, однако он редко произносит открытое осуждение чуждого ему в их бытовых навыках. Скорее с удивлением, чем с открытым неодобрением записал он, что индийские «женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями», а дети до семи лет — совсем «голыми»; что «хан ездит на людях» (осуждение этого обычая звучит, может быть, в том, что сразу после этой записи Никитин сообщает: «Много у него слонов и коней добрых»; за этим сообщением как бы скрывается вопрос — зачем же ему ездить на людях?). Не зная местных языков, не все понял, видимо, в быту Никитин и потому решил, что индийцы разрешают своим «госпдарыням» на подворье вступать в связь с гостями, особенно белыми, — об этом он рассказал с явным осуждением. Не одобрил Никитин и того, что индийцы питаются главным образом рисом и овощами — «еда у них плохая», заключил он. Не вполне ясно, кого имеет в виду Никитин, когда он, описав некоторые обряды индийцев (погребальные, при рождении ребенка), решительно заявляет: «Добрых нравов у них нет, и стыда не знают». Может быть, это суровое заявление следует сопоставить с тем, что́ Никитин написал под первым впечатлением от Бидара: «Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей». Осуждение «бесстыдных женок» может объясняться тем, что́ затем расскажет

Никитин, вероятно с чужих слов, о своеобразном гостеприимстве «черных мужей», якобы предоставляющих своих жен гостям и даже уплачивающих гостю нечто вроде обязательной пошлины, если «родится белое дитя». Но рассказ о средствах, которыми «морят господарей», по-видимому, относится к тому, чтó Никитин узнал о внутриклассовой борьбе между феодалами за власть, о дворцовых распрях.[29]

Никитин путешествовал по Индии, когда знаменитые памятники архитектуры, скульптуры и живописи, созданные еще в «золотой век» Индии (IV—VI вв. н. э.) и по их образцу — в последующие века, сохранялись в полной мере. Он был недалеко от Аджанты и Эллоры с их замечательными памятниками строительного и изобразительного искусства, фресками, статуями, удивительной резьбой в огромных пещерах и культовых зданиях, передававшими богатство индийской мифологии, своеобразную символику индийского искусства.

Немало ценных сведений сообщил Никитин об этих памятниках, хотя и не похожих на чудесные дворцы «Сказания об Индийском царстве», но все же поражавших европейца восточной роскошью, обилием золота и всевозможных украшений. Он застал еще весь комплекс храмов Парваты, видел роскошно украшенные семеро ворот во дворец султана в Бидаре — тогдашней столице государства Бахманидов; в самом дворце отметил обилие украшений — «всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом». Сравнивая это описание с сохранившимися развалинами дворцов, мечетей и других зданий Бидара, в которых еще видны следы роскоши отделки, И. Минаев отмечает точность Никитина: «Внешние ворота [в кремль] покрыты куполом; изнутри он был живописно раскрашен яркими красками. . . вторые ворота были покрыты пестрыми изразцами. . . как и один из

---

[29] Ср.: Н. М. Гольдберг, А. Н. Мальцев, А. М. Осипов, Советская книга, 1949, № 3, стр. 67; А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг, стр. 199.

дворцов. . . Бидар до сих пор славится особого рода работами из металлической композиции весьма красивого узора».[30]

Никитин обратил внимание не только на роскошь культовых сооружений и дворцов, но и на богатство одежды султана и его придворных, упряжи их лошадей и слонов, домашней утвари. Он отметил золотые и серебряные носилки, в которых носят султана, его жен и «сильных бояр», «шелковый балдахин с золотой верхушкой» над носилками султана и «бархатный балдахин с золотой верхушкой с яхонтами» у носилок брата султана; «золотые сбруи» коней, «золоченые доспехи» людей, которые ведут слонов в султанском выезде. Особо внимательно описал Никитин парадный наряд султана, выехавшего на «бусурманский байрам»: «на султане кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак — огромный алмаз, да золотой сайдак с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое».

Те эпизоды «Хожения», в которых описаны обычные и праздничные выезды султана с многочисленной свитой, по точности содержащихся в них сведений, высоко оценил И. П. Минаев, который так охарактеризовал их: «В этой картине величественного царственного шествия перед читателем выступает старая Индия, Индия богатая, страна алмазов и чарующих жен, во всей своей оригинальной, сказочной красе; в этом очерке нет ни одного неверного штриха; зритель подметил и передал множество характерных мелочных подробностей». Лишь цифры в перечне участников шествия султана И. П. Минаев признал несколько преувеличенными, более соответствующими роскоши Дехлийских, а не Бахманидских султанов.[31]

Эти обстоятельные описания давали русскому читателю представление не только о пышности дворцовой жизни, о несметных богатствах, какими владели султаны и их знать, но и о том, что́ создавал веками трудовой народ Индии.

Сравнивая роскошь жизни дворца и знати с нуждой повседневного быта трудового народа Индии, Никитин резко противопоста-

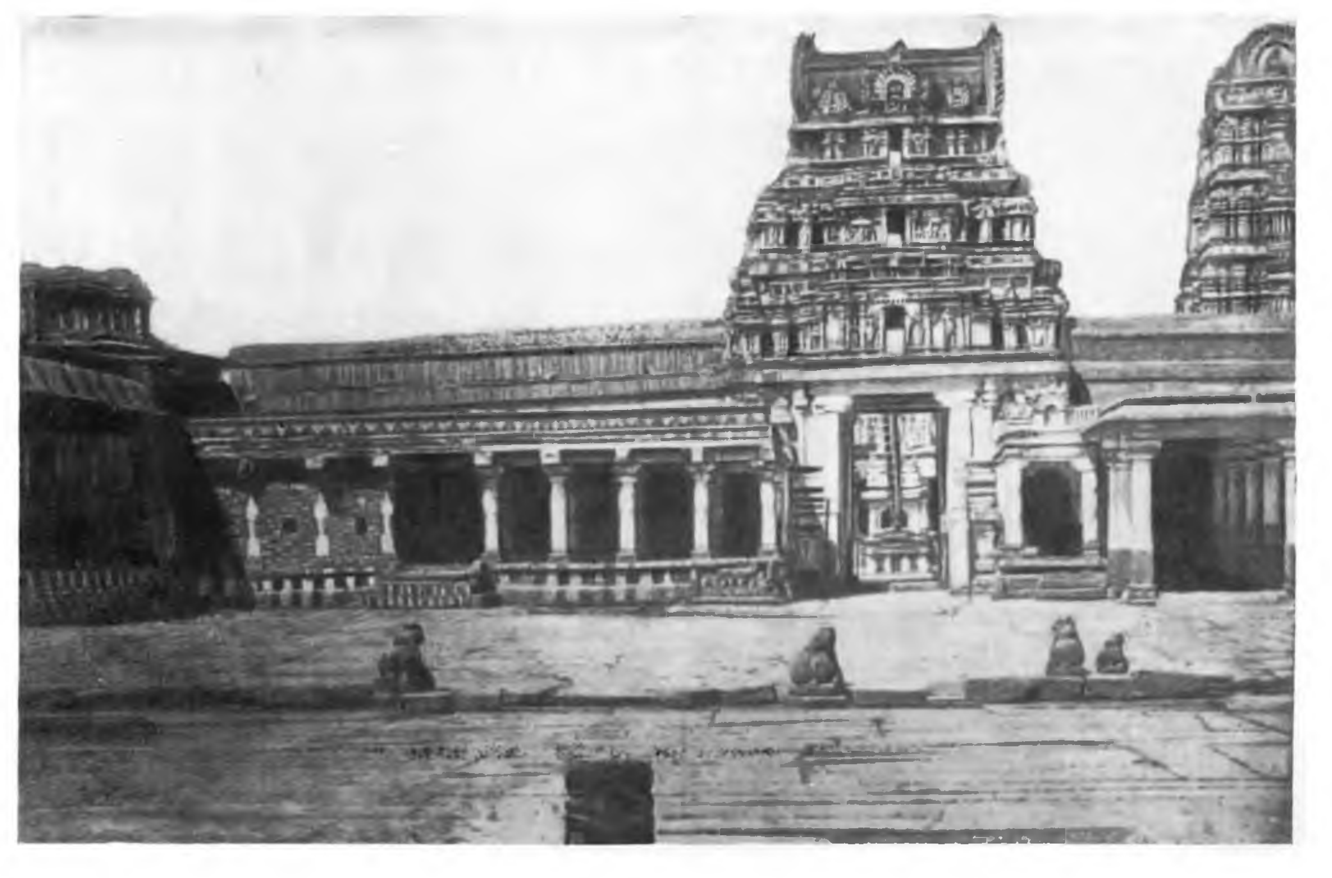
[30] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июнь, стр. 212.
[31] Там же, стр. 219.

Рама убивает обезьяньего царя Валина. Храм Шивы. Прамбанан. XI век. (W. Cohn. Indische Plastik. 1922).

Голконда. Развалины древней крепости. (G. Le Bon. Les monuments de l'Inde. Paris, 1893).

Пагода Шивы. Второй внутренний двор. Виджаянагар. Около 1430 г. (G. Le Bon. Les monuments de l'Inde. Paris, 1893).

вил их: «Земля весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны». Никитин заметил и дешевизну рабов в мусульманском государстве Бахманидов. Эти рабы были пленниками, которых мусульманские войска набирали во время походов на индуистские государства Индии. Огромное большинство их составляли крестьяне — земледельцы и ремесленники, которых в плену вынуждали отдавать свой труд и уменье на сооружение пышных дворцов и храмов, на изготовление всех тех предметов искусства, которыми славилась Индия. К вопросу о цене рабов Никитин обращается дважды. Заметив, что в Индии «как малостоющее и дешевое считаются женки», за близость с которыми платят от двух до шести «шетелей» — мелких серебряных монет, он называет цену рабов: «Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна». Однако, по-видимому, это была цена не покупки, а временного права на них. После взятия одного из городов в государстве Виджаянагар, когда было взято в плен «20 тысяч человек взрослых и малых», их продавали «по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги».

Всматриваясь в общественный строй государства Бахманидов, Никитин подметил преобладание среди правящих верхов «хорасанцев» и излишне обобщил свои наблюдения, записав: «Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также» (хотя сам в описании войска султана упомянул шесть индийских везиров). Может быть, эта ошибка Никитина объясняется тем, что языком двора и знати в государстве Бахманидов был в то время персидский? В действительности же среди знати этого государства было немало и индийцев-индуистов, были также не только персы, но и турки, абиссинцы.[32]

Одному из этих иноземцев, персу Махмуду Гавану, который при Мухаммед-шахе III фактически ведал всеми государственными делами, Никитин уделил много внимания в своем рассказе. Он называет его «хоросанец Меликтучар боярин», принимая за имя его титул «мелик-ат-туджжар», что значит на арабском языке

[32] Там же, стр. 209.

«князь (или «старшина») купцов». Впервые, видимо, Никитин услышал о Меликтучаре как об инициаторе и руководителе войн с «кафирами», т. е. с немусульманскими государствами Индии, и кратко охарактеризовал эту сторону его деятельности: «А Меликтучар имеет 20 тем (ниже — «у него рати 200 тысяч»); в течение 20 лет он бьется с кафирами, — то его побьют, то он их часто побивает». Две таких войны — первую с княжествами Телингана и независимыми княжествами Малабарского побережья и вторую с индийским царством Виджаянагар — Никитин описывает довольно подробно, причем эти описания по исторической точности сообщаемых сведений до сих пор представляют большую ценность. В изображении Никитина Меликтучар — богатый вельможа, у которого «каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним за его трапезой садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр». На конюшне у него «2 тысячи коней; да тысяча оседланных стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов». Первый поход, свидетелем которого был Никитин, Меликтучар начал в 1469 г. под предлогом расправы с «кафирами», которые «разбойничали по Индийскому морю». Меликтучар пошел против Санкара-раджи, который «занимался пиратством, и содержал на этот конец до трехсот судов. Бидарскому царю, а также вообще мусульманам, в руках которых в то время главным образом находилась морская торговля, понятно, подвиги Санкара-раджи не могли быть по душе; они мешали правильному ходу торговли и причиняли неисчислимые убытки частным лицам».[33] Никитин упомянул об этой опасности плавания вдоль Малабарского берега тогда, когда он рассказывал о пути в Каликуту. В этот первый поход, длившийся два года, были взяты «два индийских города . . . И захватил семь князей и их казну; вьюк яхонтов, да вьюк алмазов и рубинов, да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа». Когда военачальники султана из похода привезли богатую добычу, в том числе «каменья всякого дорогого огромное количество, и все то каменье, да яхонты, да алмазы скупили для Меликтучара; он

[33] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 2.

запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар». Итак — всю выгоду от этой богатой добычи Меликтучар присвоил себе.

В 1471 г. Меликтучар «пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара». Войны Бахманидов с Виджаянагаром, которым обычно придавался религиозный характер, на самом деле истинной причиной имели стремление завладеть несметными богатствами этого царства и его морскими гаванями. В поход 1471 г., как рассказывает Никитин, с султаном и его «везирами» — «бусурманскими и индийскими», вышла огромная рать (хотя называемые Никитиным цифры явно преувеличены). Старая индийская военная наука требовала, чтобы войско состояло из четырех видов вооруженных сил: 1) слоны, 2) конница, 3) колесницы, 4) пехота.[34] Никитин называет в войске бахманидского султана 500 слонов «в доспехах и с городками», 100 тысяч «конных людей», 200 тысяч «пеших». Все эти виды вооруженных сил были и у его везирей, но у султана, сверх того, были еще «100 злых зверей, каждый с двумя цепями», — это были, видимо, львы, тигры, леопарды. Не называет Никитин лишь колесниц, которых, вероятно, в XV в. в войске уже и не было. Зато были пушки, которые, по словам Никитина, помещают в городках, поставленных на слонах. Выше, рассказывая об устройстве индийского войска, Никитин сообщает, что пешие «индостанцы» «все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами». В бою «пеших пускают вперед», «хоросанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами».

С таким-то войском султан и Меликтучар выехали «завоевывать индийцев». Никитин заметил даже, что «рассердился султан на индийцев [т. е. на индийских везиров], что мало вышло с ним». Пришлось добавить в индийские отряды «20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных, да 20 слонов».

Но «война им не удалась», пишет Никитин: «один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много».

[34] А. П. Баранников. Тулси Дас, стр. 251, прим. 6.

Так трезво оценил результат этого похода русский купец, отметивший, что свою казну султан истощил, а в завоеванной части города взяли пленных, «казны же не было ничего. А большого города [т. е. внутренней крепости Виджаянагара] не взяли». Никитин правдиво описал тяготы осады Виджаянагара, истощившие войско Меликтучара: «Под городом и стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда».

Вряд ли Никитин сам побывал в Виджаянагаре. Он описал его лишь со стороны осаждавшего город войска: «И город у него [виджаянагарского султана] весьма велик, около него три рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь, по другую же сторону подошла долина весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая тикень». Трудно думать, чтобы Никитин, заметивший «весьма чудную местами и пригодную на все» долину под городом, не рассказал бы хоть кратко о красоте и богатстве Виджаянагара, если бы побывал в нем. Этот город современник Никитина персидский посол Абдар-раззак Самарканди назвал в 1442—1448 гг. «городом невиданной и неслыханной красоты, с которой ничто на земле сравниться не может», а в 1522 г. португалец Паэс приравнял «по размерам Риму» и отметил, что он «очень красив на вид», что это «наиболее обеспеченный город в мире», что «он изобилует всем». Не удивительно, что к этому великолепному городу так жадно тянулись руки властного «Меликтучара», ожидавшего отсюда несметной добычи.

По мнению И. П. Минаева, описание голода и «безводия» в бидарском войске и неудачи похода в целом у Никитина правильны: «Он передает, очевидно, только то, что сам видел, находясь не в далеком расстоянии от места военных действий (в Кульбарге?). Часть его пути к Дабулю совпадала с дорогой, по которой следовало войско бидарского царя, и, быть может, русский странник в Гулбарге пребывал одновременно с бидарскими полчищами; о цели похода он, конечно, знал, еще не выезжая из Бидара; о результате же похода он мог весьма легко услышать, находясь в дороге. Таким

образом, Аф. Никитин был очевидцем одного из важнейших моментов в истории Бахманидской династии и занес правдивые известия об этом событии в свои записки». [35]

В рассказе Никитина Меликтучар предстает перед читателем властным, могущественным, богатым и жадным к добыче первым вельможей Бахманидского государства, пользующимся неограниченным влиянием у молодого султана. Оба похода, предпринятые по его инициативе, стоившие государству больших жертв — и людьми и казной, — изображены русским путешественником с беспощадной правдивостью. Заслуга Никитина заключается в том, что он, современник военной деятельности Махмуда Гавана — «Меликтучара», сумел верно оценить ее тяжелые последствия для страны.

Внимательно наблюдая общественную, политическую и военную жизнь чужого для него народа, Никитин, видимо, про себя не раз сравнивал ее с жизнью «Русской земли». Никитин-тверитин, ехавший в путь с грамотами своего тверского князя, думая на чужбине о родине, мыслил ее только как всю «Русскую землю». Он нигде и ничем не выразил своего пристрастия к узко ограниченным местным интересам родной Твери, даже товаров он искал на всю «Русскую землю». В молитве за Русскую землю Никитин выразил не только свою тоску по родине, тревогу за ее судьбу, но и горячую любовь патриота, которому даже и явные «нестроения» общественной и государственной жизни не мешали ощущать родную страну как лучшую «на этом свете». В своей заботе об интересах всей «Русской земли» Афанасий Никитин первым нашел прямой морской путь в страну несметных богатств — Индию, первый внимательно описал в ней не только все виды «товара на нашу землю», но и своеобразную жизнь ее неведомых русским народов. Для русского читателя XV в. «Хожение за три моря» явилось в полном смысле слова «открытием Индии» в ее действительном, а не традиционно-сказочном облике.

В. П. Адрианова-Перетц.

---

[35] И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 18—19.

АФАНАСИЙ НИКИТИН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XV в.

Тверской купец Афанасий Никитин, оставивший нам записки о своем путешествии в Индию, не был заметным лицом в русской общественно-политической жизни второй половины XV в. В путь он отправился с двумя грамотами тверского князя,[1] и в Москве вряд ли даже знали о его путешествии, пока «тетрати» с его путевыми записями не были доставлены после смерти их автора дьяку Василию Мамыреву. Правда, Никитин предполагал для безопасности плыть Волгой вместе с послом московского великого князя Василием Папиным, направлявшимся в Шемаху; следовательно, он был в какой-то мере осведомлен о московских делах. Однако сведения эти были не вполне точны, и поэтому он разминулся с караваном посольства и встретил Папина лишь в Дербенте. Когда «тетрати» Никитина попали в руки московского летописца, близкого к митрополиту Геронтию,[2] этот летописец не смог найти в Москве людей, которые знали бы о том, «в кое лето пошел или в кое лето пришел из Ындея» тверской купец. Мы не знаем точно, были ли доставлены записки Никитина в Москву сразу после его смерти, т. е. в 1472 г., или в 1475 г., под которым летописец сообщил единственные сохранившиеся сведения о тверском путешественнике. «Того же году, — пишет летописец, — обретох написание Офонаса тверитина купца, что был в Ындее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василием Папиным.

---

[1] См. Эттеров список, стр. 33.

[2] См. «Археографический обзор», стр. 172—173.

Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великаго князя, и сказаша ми, за год до Казанского похода пришел из Орды; коли князь Юрьи под Казанию был, тогды его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лето пошел, или в кое лето пришел из Ындея, умер, а сказывают, что деи Смоленьска не дошед умер. А писание то своею рукою написал, иже его рукы те тетрати привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку великаго князя на Москву». Очевидно, летописец пытался уточнить время путешествия Никитина, расспрашивая о несомненно известном в Москве Василии Папине, который видел Никитина в Дербенте. Но он узнал только, что Папин по возвращении из Ширвана погиб под Казанью, «коли князь Юрий под Казанию был», т. е. во время походов на Казань 1469—1470 гг. брата Ивана III — князя Юрия Васильевича. Таким образом, единственного свидетеля, который мог что-либо рассказать о Никитине, уже не было в живых.

Дату отправления Никитина в путь, сроки его пребывания в Передней Азии и Индии и время возвращения на Русь пришлось определять уже исторической науке XIX в. Указание Никитина на третий «Велик день» (Пасху), отпразднованный им в Ормузе («Гурмызе») в начале апреля, позволяет отнести пребывание его там к 1469 году (именно в этом году Пасха пришлась на 2 апреля). Таким образом, путешествие Никитина началось в 1466 г., а другие ссылки его на празднование «Велика дня» указывают, что все путешествие длилось шесть лет и закончилось в 1472 г.[3]

Путешествуя по странам Передней Азии и по Индии, Никитин не раз вспоминал с горячей любовью родину — «Русскую землю», сравнивал с ней чужие земли и пришел к выводу, что «на этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы». Неразрывно связывая понятия родина и религия, озабоченный тем, чтобы и на чужбине «блюсти веры христианские», Никитин в то же время задумывается над вопросом о том, какая же из многочисленных «вер» может быть названа «правой». Смысл и значе-

[3] И. И. Срезневский. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Ученые записки II Отделения АН, т. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 260—262.

ние этих высказываний тверского купца о «Русской земле» и «вере» определяется исторической обстановкой, сложившейся на Руси ко времени его путешествия.

В первой половине XV в. северо-восточная Русь представляла собой ряд независимых друг от друга земель и княжеств, и перспектива объединения этих земель в единое государство казалась еще не вполне определенной. Московское княжество, достигшее значительного могущества еще в XIV в., переживало в середине XV в. тяжелый политический кризис: феодальная война, длившаяся с 20-х до начала 50-х годов XV в., вызвала серьезное ослабление Москвы, отлив населения, в частности горожан, в соседние княжества и привела к появлению других претендентов на роль объединителей русских земель.

Среди этих претендентов Тверь — родина Никитина — занимала особенно видное место. «Тверь старая, Тверь богатая» уже в начале XIV в. заявляла свои права на роль политического центра Руси. Как и Москва, Тверь была расположена на важных торговых путях, соединявших русский северо-запад (Новгород и Псков) с нижним течением Волги. Дорога из Новгорода на Волгу шла не только через Москву, но также (что еще удобнее) через Тверь: Тверь стояла на р. Тверце, соединявшейся сложной системой волоков с новгородскими реками, и одновременно на самой Волге. Менее, чем Москва, связанная с северными и восточными русскими княжествами — Ростовом, Ярославлем, Суздалем, Рязанью, — Тверь зато была теснее связана с теми западнорусскими землями, которые входили в состав Литовского государства. Первостепенное значение Твери как торгового центра продолжало сказываться даже в конце XV в., когда Тверь уже стала частью Русского централизованного государства. Тверские купцы продолжали играть самую видную роль и в торговле с Литвой и в южной торговле Руси.[4] Тверь вела торговлю не только

[4] В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 42—45.

с Золотой Ордой и Крымом. Уже в 40-х годах XV в. в Тверь приезжали послы (с «камками драгыми» и «атласами чюдными») из «Шавруковой орды», т. е., вероятнее всего, из Афганистана.[5]

Политическая обстановка складывалась в первой половине XV в. благоприятно для тверских князей. Феодальную войну переживало в этот период не только Московское княжество, но и другой сильный сосед Твери — Польско-Литовское государство. В 1440 г. произошло восстание в Смоленске, своим князем восставшие признали вассала Твери — удельного князя Дорогобужского. В 1447 г. московский князь Василий Васильевич был свергнут и ослеплен своим соперником Димитрием Шемякой; тверской князь Борис Александрович вмешался в московскую политическую смуту, рассчитывая сделать из «нищевидного» слепца Василия своего политического ставленника. Отправив на помощь Василию «сильных своих и крепчайших воевод Бориса Захариинича да брата его Семена Захариинича»,[6] тверской князь добился быстрой победы над Шемякой. Союз Твери с Москвой был скреплен также передачей Борису Ржевы — ключевого пункта на литовской границе, и династическим браком — обручением сына Василия, малолетнего Ивана (будущего Ивана III), с дочерью Бориса. Тверской князь мог торжествовать: на московском престоле сидел слепой князь — его ставленник; его семилетнего сына Борис Александрович, выражаясь языком «Слова о полку Игореве», предусмотрительно «опутал красною девицею» пяти лет от роду. Политические претензии тверского князя заходили чрезвычайно далеко: придворные летописцы именовали его «царем»; над тверским князем, по их словам, был даже совершен обряд царского венчания — он «царским венцом увязеся».

Но торжество тверского князя было преждевременным. Посаженный на московский престол князь не только не оказался игрушкой в руках Бориса, но настойчиво и последовательно стал освобождаться из-под опеки своего «благодетеля». Временное ослабление

---

[5] Н. П. Лихачев. Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. 37—38.

[6] Там же, стр. 46, 51.

Московского и Литовского княжеств — двух сильных соседей Твери — кончилось; на объединение западнорусских земель вокруг Твери теперь рассчитывать не приходилось. Укрепление Литвы на время оказалось полезным для московских князей: в 1449 г. Василий II заключил договор с литовским князем Казимиром, договор, который А. Е. Пресняков метко назвал «разграничением сфер влияния» между Москвой и Литвой.[7] Василий признавал Тверь «в стороне», т. е. в сфере влияния Литвы; Казимир за это считал Новгород (в ту пору еще вполне независимый от Василия) «в стороне» Москвы и «уступал» московскому князю Ржеву, находившуюся в тверских руках.

Последние годы княжения Василия Темного (соправителем которого был его сын Иван) и первые годы княжения Ивана III — время стремительного наступления московского князя на его соперников и соседей. За несколько лет были ликвидированы почти все уделы великого княжества Московского. В 1456 г. московский великий князь нанес удар одному из самых сильных соседей Москвы — Великому Новгороду. Результатом похода московских войск был Яжелбицкий договор, сильно урезавший права «вольного города». 1456 год был ознаменован еще одним политическим успехом Москвы: умерший в этом году рязанский князь завещал опеку над своим княжеством и малолетним сыном московскому князю.

В 1461 г. властную московскую руку ощутила и Тверь. В этом году умер Борис Александрович, оставив на престоле малолетнего сына Михаила. Однако, в отличие от своего рязанского собрата, тверской князь отнюдь не собирался отдавать свое княжество под московскую опеку. Фактическим правителем Твери, как это обычно бывало в таких случаях, должен был стать глава местной церкви — «владыка» Моисей. Епископ Моисей был, видимо, близким сподвижником своего князя и довольно настойчиво противодействовал московскому влиянию. Он не очень считался с авторитетом московского митрополита «всея Руси» Ионы, первого митрополита, назначенного московским князем без благословения константинополь-

[7] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II. М., 1939, стр. 152.

ского патриарха. У московского митрополита появился в эти годы опасный соперник — второй митрополит «всея Руси», сидевший в Литве, и позиция независимых княжеств северо-восточной Руси представляла в связи с этим особый интерес для Москвы. Несмотря на двукратное приглашение московского митрополита, тверской епископ Моисей отказывался явиться к нему для благословения. Можно предполагать, что именно при Моисее в Твери был задуман смелый план — противопоставить двум соперничающим митрополитам третьего, тверского, испросив для него благословение у жившего под турецкой властью константинопольского патриарха.[8] Моисей, таким образом, был в глазах московских политиков одиозной фигурой — его нужно было убрать. В 1461 г., сразу же после смерти Бориса, в Твери происходит, в сущности, настоящий государственный переворот, организованный из Москвы. Епископ Моисей был сведен с «владычества» и заточен в Отрочь монастырь, а на его место был поставлен новый «владыка» — Геннадий Кожа, по происхождению московский боярин. Новый епископ, вопреки прежнему обычаю, был поставлен в Москве, и ставил его московский митрополит Иона.[9] При малолетстве великого князя это означало, в сущности, московскую опеку над Тверью.

Трудно сказать, сохраняла ли свою силу эта опека в момент отправления в путешествие Никитина. Рядом с тринадцатилетним Михаилом Борисовичем Никитин называет двух лиц, отправивших его в дорогу. Одно из них — воевода Борис Захарьич (Бороздин), «сильный и крепчайший воевода» времени княжения Бориса Александровича, зато другой — уже названный владыка Геннадий.[10] Во всяком случае, наступление на феодальные княжества продолжалось и в годы, непосредственно предшествовавшие отъезду Никитина, и в годы его странствий по заморским землям. В 1463 г. были «отписаны на великого князя» земли ярославских князей. В 1471 г.

[8] Подробнее об этом см.: Я. С. Лурье. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских». Известия АН СССР, Отдел. литературы и языка, М., 1956, т. XV, вып. 2, стр. 175.

[9] ПСРЛ, т. XV, стлб. 496.

[10] См. текст «Хожения» по Эттерову списку, стр. 33. Ср. ниже, стр. 169.

произошло одно из важнейших событий в истории образования Русского централизованного государства: великий князь московский нанес решающий удар Новгородской феодальной республике, разбив новгородские войска на реке Шелони и победоносно вступив в Новгород.

Годы жизни Афанасия Никитина были временем не только больших политических событий на Руси. Середина и вторая половина XV в. были ознаменованы также важными событиями в истории русской культуры, в истории русской общественной мысли.

В политической литературе середины XV в. все большее место начинает занимать новая тема — тема Русского государства, возглавляемого единым монархом. В разработке этой темы определенную роль сыграли тверские публицисты. В «Слове похвальном» Борису Александровичу Тверскому его придворный писатель, инок Фома, прославляя военные успехи своего «царя», указывал на его роль во время Флорентийского церковного собора 1439 г. (на котором тверской посол — единственный светский представитель Руси — отверг унию с «латинами») и торжественно вопрошал: «Не видете ли, како царскому и праотеческому престолу достоин есть великий князь Борис Александрович?» Вероятно, именно в этот период в Твери была создана легенда о происхождении владимирских, а следовательно, и тверских князей от Августа кесаря и о получении их предком Владимиром Мономахом регалий («шапки» и «барм» Мономаха) из Византии.[11]

Национально-объединительная тема разрабатывалась и московской литературой — в особенности с середины XV в., когда феодальная война окончилась и Москва вновь вернула себе прежнее значение среди русских княжеств. Как и «Слово» инока Фомы, памятники московской публицистики 50—70-х годов XV в. соединяли эту тему с вопросом о Флорентийской унии, вопросом, который приобрел в этот период особую остроту в связи с борьбой против католических

---

[11] Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 30. Ср.: Я. С. Лурье. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских», стр. 174—176.

литовских государей из-за православного населения Западной Руси. Флорентийской унии и одновременно восхвалению носителя «истинныя веры православныя» московского князя было посвящено «Слово избрано от святых писаний еже на латыню» (включающее «похвалу великому князю Василию Васильевичу всея Руси»), написанное в 1460—1461 гг. и использованное затем официальным московским летописанием.[12] В противовес тверскому панегиристу «царя Бориса», московский автор подчеркивал скромность своего героя, влагая в уста византийскому императору такой комплимент Василию II: «Велиции князи с землями служать ему, но смирениа ради благочестиа и величеством разума благоверия не зовется царем, но князем великим». Это не мешало, однако, автору московского «Слова», подобно автору тверского «Слова», настойчиво именовать своего князя «царем».

Другой призыв к «великому руськых стран хрестьянскому царю» осуществить свои наследственные права и «царствовать истины ради» был вызван русско-татарским столкновением 1480 г., знаменовавшим собой конец татарского ига на Руси. Этот призыв содержится в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло.

В памятниках, связанных с Флорентийской унией и «стоянием на Угре» 1480 г., достаточно ясно уже звучат идеи единства Русского

---

[12] «Слово на латыню» издано А. Н. Поповым в книге: Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. Текст, совпадающий со «Словом на латыню», появляется только в великокняжеском летописном своде 1479 г.; в своде 1472 г. его нет (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 176 и сл. — параллельно оба рассказа; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 253 и сл.). Рассказ свода 1479 г. и есть та «Летописная повесть» о Флорентийском соборе (по терминологии исследователей), которая затем попала в Воскресенскую, Софийскую II, Никоновскую и другие летописи. Появление этого произведения в великокняжеской летописи только п о с л е 1472 г. представляется нам существенным фактом для датировки «Летописной повести»; этот факт подтверждает предположение А. С. Павлова (Критические опыты по истории древнейшей полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 99, прим. 2), что источником для «Летописной повести» было «Слово на латыню», а не наоборот (как полагал, например, В. Малинин в книге: Старец Филофей и его послания. Киев, 1901, прим. 1663, стр. 56 и сл.).

государства и его мирового значения. Гораздо более широкое выражение получили эти идеи в публицистических памятниках конца XV в., связанных с московско-новгородской ересью. Эта ересь была по своему характеру антифеодальным движением; именно поэтому великокняжеская власть на конечном этапе выступила против нее, жестоко расправившись с еретиками. Но враждебность великокняжеской власти еретикам обнаружилась не сразу. В течение значительного времени новгородские еретики поддерживали дружественные отношения с Иваном III. Еретики-священники Алексей и Денис были приглашены Иваном III в Москву и стали там служить в главных московских храмах; связан с великим князем был и наиболее радикальный представитель новгородских еретиков чернец Захар. Еще теснее был связан с великим князем московский еретический кружок, состоявший в значительной степени из служилых людей. В этом кружке участвовали ближайшие сподвижники Ивана III дьяки Курицыны; из этого кружка выходят в конце XV в. важнейшие памятники идеологии Русского централизованного государства.

В 1492 г. близкий к еретикам митрополит Зосима опубликовал «Извещение о пасхалии», сочинение, в котором «новым царем Константином» был провозглашен Иван III, а «новым градом Констянтина» — «Москва и вся Русская земля и иные многые земли». В 1498 г., после победы сторонников ереси над их политическими противниками, внук Ивана III — сын княгини-еретички Елены Стефановны, Димитрий, был коронован по новому обряду венцом и бармами Мономаха.[13] Можно предполагать, что уже

---

[13] См. «Чин венчания» Димитрия в летописях: ПСРЛ, т. VI, стр. 241—243; ПСРЛ, т. XX, стр. 366—368; ПСРЛ, т. VIII, стр. 234—236; ПСРЛ, т. XII, стр. 246—248; ср. «Чин венчания» в рукописи Государственного Исторического музея, Чудовского собрания № 264. Иная редакция (где нет упоминания о «шапке Мономаха») читается в тексте, вписанном в пергаменную рукопись Государственного Исторического музея, Синодального собрания № 675 (см. о ней — Чтения общества истории и древностей российских, 1883, кн. I) и в рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийского собрания № 1454; отсутствие упоминания о «шапке Мономаха» в этой редакции

к этому времени относится перенесение на московскую почву тверской легенды о князьях владимирских и их византийских регалиях.[14]

Афанасий Никитин не дожил до появления большей части перечисленных памятников общественной мысли. Он мог знать только «Слово» инока Фомы и «Слово на латыню»; «Послание на Угру» Вассиана и публицистические памятники, связанные с ересью, были созданы уже после его смерти. Еще позднее появились произведения, содержащие развернутое изложение идеологии Русского централизованного государства, — «Послание о Мономаховом венце» тверитина Спиридона (бывшего митрополита всея Руси, попавшего в заточение) и послания о «Москве — третьем Риме» псковича Филофея. Но идеи, заключавшиеся в этих памятниках, зарождались, углублялись и выражались уже в 60-х годах, и Никитин мог уже иметь о них некоторое представление.

Как же относился ко всем этим важным событиям в политической и умственной жизни Руси XV в. тверской купец Афанасий Никитин?

«Хожение за три моря» содержит немного материала по собственно русской истории; главная задача этого произведения — описать чужие страны, увиденные любознательным путешественником. О Руси Никитин говорит в начале повествования, описывая свое отправление в путь, и в нескольких отступлениях в дальней-

представляется нам вторичным моментом, так как о венчании Димитрия шапкой Мономаха сообщает наиболее ранний из летописных рассказов об этом событии (ПСРЛ, т. VI, стр. 279; ПСРЛ, т. XII, стр. 263).

[14] Ср.: А. А. Зимин. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955». Исторический архив, 1956, № 3, стр. 235 и сл. В отличие от А. А. Зимина, мы предполагаем, что в 1498 г. не был создан первоначальный вариант рассказа о Мономаховом венце; первоначальный вариант этой легенды, отразившийся в «Послании» Спиридона Саввы, был создан в Твери; к 1498 г. можно относить лишь первую московскую обработку этого рассказа.

шем рассказе. Но, несмотря на краткость и отрывочность этих замечаний, значение их как источника по истории идеологии XV в. едва ли можно переоценить. Значение их определяется в первую очередь одной характерной особенностью «Хожения» — полным отсутствием в нем какой-либо официозности. Уже Б. А. Романов справедливо отметил, что запись Никитиным его путевых впечатлений, «по тогдашним временам, была с его стороны актом совершенно бескорыстным, к личному прибытку никакого отношения не имевшим».[15] Но дело здесь не только в отсутствии всякой утилитарности или корыстного расчета. Одной из своеобразных черт древнерусской литературы является ее деловой характер: «неполезные повести» официальная идеология древней Руси решительно отвергала вплоть до XVII в. Летописи были, как правило, ответственным политическим документом; жития святых — памятниками, связанными с культом; «слова» и «похвалы» — прославлением государственных деятелей; «статейные списки» представляли собой отчеты послов об их миссии. Будущие идеологи Русского централизованного государства — Спиридон и Филофей — прославляли в своих сочинениях московских великих князей и сознательно придавали этим сочинениям официозный характер. Ни одной из подобных задач не ставил перед собой Никитин. Он не был чьим-либо официальным представителем и не должен был отчитываться перед кем бы то ни было; рассказ его, пересыпанный восточными фразами, едва ли понятными для огромного большинства русских читателей, был поистине его личным делом и стал достоянием этих читателей лишь после его смерти. В этом — особое значение «Хожения за три моря»: перед нами подлинное отражение мнений, мыслей и чаяний русского горожанина XV в., не приспособленное ни к какой официальной точке зрения.

Что же мы узнаем о мировоззрении Афанасия Никитина из его «Хожения»? В этом памятнике прежде всего обращает на себя вни-

---

[15] Б. А. Романов. Родина Афанасия Никитина—Тверь XIII—XV вв. В книге: Хожение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 106.

мание его светский характер. Конечно, Никитин, человек религиозный, не раз обращается мыслями к богу, отражая эти мысли в своем изложении. Его тревожит опасение, как бы не нарушить установления христианской веры. Но в то же время он обнаруживает такую широту взглядов в вопросе о вероисповедных различиях, которая совсем не соответствовала точке зрения на этот вопрос православной церкви. Говоря об этой стороне мировоззрения Никитина, исследователи обычно ограничиваются характеристикой ее как религиозной веротерпимости, связанной с принадлежностью Никитина к торговому классу и его привычкой к общению с представителями разных религий. Веротерпимость как признание права за другим человеком на исповедание иной веры несомненно была свойственна Никитину. Однако веротерпимость не означает еще какого-либо сомнения в превосходстве своей веры над иными. Многие государственные деятели древней Руси считали, что «вера дружбе не помеха», и вели переговоры с различными «нехристями», разрешая им проживать на территории Русского государства; но они были глубоко убеждены в превосходстве своей православной веры над верованиями всех этих чужестранцев. У Никитина мы обнаруживаем иной взгляд на этот вопрос. Православный человек, попавший на чужбину, «тверитин Афанасий» не раз подвергался воздействию мусульманских властей, требовавших от него, чтобы он «стал» в их веру, «в Махмет дени». Никитин мужественно отражал эти требования, но какое-то воздействие общение с представителями ислама на него оказало. Никитин не только постоянно смешивал в своем рассказе русские обращения к богу с мусульманскими молитвами к аллаху, но однажды даже прямо высказал свой взгляд на отношения между разными верами. Рассказав о необычайном могуществе индийского мусульманского султана, он заметил: «Такова сила султана индейского бесерменьскаго, а магометова вера еще годится». Хотя вторая половина этой фразы записана по-тюркски и Никитин мог не опасаться чужого взгляда, он, написав эти слова, все-таки, видимо, задумался, следует ли православному человеку так прославлять «магометову веру», и сам дал ответ на свои сомнения: «А правую веру бог ведаеть, а праваа вера

бога единаго знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту».[16] Из этого ответа следует, что сам Никитин не берется решить вопрос, которая вера может быть признана «правой»; для него признаками «правой веры» являются единобожие и моральная чистота. Такое определение «правой веры» не укладывается в рамки русского православия XV в., как и христианской ортодоксии вообще.

В этом отношении взгляды Никитина могут быть сопоставлены с мнениями еретиков конца XV в. Конечно, Никитин не только не был сам еретиком, но едва ли даже слышал о зарождавшемся еретическом движении в Новгороде: новгородско-московская ересь оформилась уже после его отъезда в Индию. В отличие от еретиков, тверской купец придавал важное значение выполнению религиозных предписаний относительно постов и праздников; поэтому он так скорбел об утере книг, которые помогли бы ему «блюсти веры христианские». Но, идя своим, совершенно самостоятельным путем, тверской путешественник в одном весьма важном вопросе приходил к взглядам, которые впоследствии защищали новгородские вольнодумцы: они тоже утверждали (ссылаясь на апостольские заповеди), что «приятным богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду».[17]

Другая сторона мировоззрения Никитина — его национальное самосознание, которое получило выражение в известной, часто цитируемой фразе Никитина о «Русской земле». Напоминая это место из «Хожения», считаем необходимым отметить, что оно было по существу зашифровано автором восточной языковой оболочкой и, следовательно, имело характер сугубо интимного высказывания. «Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли не-

[16] «Бог ведаеть» у Никитина — выражение, означающее неуверенность; ср. аналогичный смысл этого выражения в другой его фразе: «христианства не оставих, далее бог ведаеть, что будеть» (*Т*, л. 384 об.; *Э*, л. 452 об.).

[17] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 368—369; ср. стр. 125—126.

справедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость».

В далекой Индии, тоскуя по родине, тверитин Никитин вспоминает не Тверь, а Русь вообще, «Русскую землю». Чтобы оценить вполне это лирическое восклицание Никитина, стоит вспомнить, как резко отражалась междукняжеская вражда на Руси даже в московских летописных сводах XIV—XV вв., претендовавших на роль общерусского летописания. «Рязанцы, — читаем мы в этих летописях, — суровые человеци и свирепы людие, высокоумни суще, палаумные смерди, възнесошася мыслию и възгордешася величанием, и помыслиша высокоумием своим».[18] Не лучше, по мнению москвича, и новгородцы: «Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни. . . Кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?»[19]

Еще яснее сепаратистские тенденции в памятниках местной литературы. Новгородская «Повесть о белом клобуке», созданная уже после присоединения Новгорода к Москве и прославлявшая «царя русского», настаивала все-таки на том, что «белый клобук», который «честнее царского венца», должен храниться в Новгороде.[20]

Афанасию Никитину все подобные настроения совершенно чужды. Отправившийся в путь от тверского «Спаса златоверхаго» «с его милостью, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго», ехавший в обществе «6 москвичь да 6 тверичь», Никитин ощущал себя уже не тверитином только, а жителем «Русской земли». Приведенные выше слова Никитина о Русской земле могут по справедливости считаться одним из наиболее ярких свидетельств того, что во второй половине XV в. идея единой «Русской земли» широко вошла в народное сознание, что «увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали,

---

[18] ПСРЛ, т. VI, стр. 231—232, прим. а; ср.: ПСРЛ, т. IV, стр. 67.

[19] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 439.

[20] Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова, выпуск первый, СПб., 1860, стр. 287—303.

чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов. . . чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья».[21]

Идея единой «Русской земли» особенно характерна для Никитина — горожанина, купца, представителя класса, наиболее заинтересованного в усилении обмена между отдельными областями Руси, в устранении всех препятствий на пути к экономическому единству Руси.

Но «благоустроение» Русской земли, о котором мечтал Никитин. на практике выразилось не только в ликвидации феодальной раздробленности. Уничтожение феодальной раздробленности привело к образованию Русского централизованного государства. Можно ли считать Никитина сторонником и провозвестником этого государства?

«Союз королевской власти и буржуазии» [22] — явление характерное для истории позднего средневековья. Это явление в известной степени свойственно и русской истории XV—начала XVI в. Но, говоря о поддержке, оказываемой городским населением власти московских государей, никак не следует упускать из виду, что московское самодержавие отражало интересы феодального класса, а не горожан, что оно отнюдь не было общенародной властью. «Вельможи Русской земли», которые, по словам Никитина, были «несправедливы» в феодально-раздробленной Руси, ничуть не стали «справедливее» в Русском централизованном государстве, и самодержавная власть вовсе и не требовала от них «справедливости» (как понимал ее Никитин).

Пытаясь представить себе мировоззрение русского горожанина XV в., мы неизбежно приходим к выводу, что на поддержку московского государя «всея Руси» толкало тверского, псковского или новгородского горожанина не твердое убеждение в справедливости этого

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 443.
[22] Там же, стр. 445.

государя, а выстраданное горьким опытом сознание несправедливости того строя, в условиях которого жили феодальные княжества и земли до середины XV в. Это обстоятельство ярко обнаруживается в последних летописных сводах Новгородской и Псковской феодальных республик. В новгородских летописях XV в. мы читаем непрерывные жалобы на непорядки в родном городе — на «ябеды», вымогательство признаний под страхом смерти у арестованных, на неправый суд и т. д.[23] С особенной ясностью обнаружилось внутреннее разложение в городе во время Шелонской битвы 1471 г. Новгородские «меньшие люди» «вопили» на «больших людей» и отказывались идти в бой; недовольство «большими людьми», «зачинающими рать и обидящими нас», получило свое выражение даже в самой летописи.[24] В Пскове острая классовая борьба, вспыхнувшая в 1484—1486 гг., несколько раз вынуждала «черных людей» обращаться к великому князю московскому, несмотря на то, что князь вовсе не сочувствовал им.[25] И даже в 1510 г., когда присоединение Пскова к Москве стало совершившимся фактом и наместники великого князя начали, к великому разочарованию «черных людей», «над псковичами велику силу чинити», — псковский летописец, не допускавший никакой возможности «на государя руки подняти», ограничился горькими жалобами: «Не мочно в Пскове жити. . . ано земля не раступитца, а уверх не взлететь».[26]

Теми же предпосылками определялось и мировоззрение идеологов городского населения — русских еретиков конца XV в. Еретическое движение зародилось вне Москвы — в Новгороде. Острая политическая и идейная борьба, развивавшаяся в «вольном городе» с его вечевым строем, несомненно способствовала развитию свободомыслия. Но, несмотря на это, новгородские еретики отнюдь не были феодальными сепаратистами; напротив, они были резко враждебны тем порядкам, при которых даже в церкви заправляют

[23] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 124—126.

[24] ПСРЛ, т. IV, стр. 127—128.

[25] Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 79—80; вып. II, стр. 65—67.

[26] Там же, вып. I, стр. 96—97.

«бояре», ставящие иерархов «на мзде» (так прямо и говорил новгородский еретик Захар).

Теми же предпосылками определялось и общественное мировоззрение Афанасия Никитина. У нас нет оснований для того, чтобы считать этого тверитина провозвестником и сторонником централизованного государства; он вряд ли даже представлял себе характер московской самодержавной власти в ее конкретных формах. Но он был хорошо знаком с «несправедливостью» русских вельмож (об этой несправедливости он помнил и в Индии, где ему также встречались «пышные» бояре и «голые» сельские люди) и надеялся на будущее «благоустройство» своей родины. В какой-то степени эти надежды на будущую «справедливость», которая воцарится в Русской земле, были утопичны, как утопична была вера русских крестьян XVII в. в «хорошего царя». Но основа мировоззрения тверского гостя была достаточно твердой и определенной: этой основой было решительное отрицание того «неблагоустройства», которое существовало на Руси в период феодальной раздробленности.

Я. С. Лурье.

ИНДИЯ В XV ВЕКЕ

Средневековая Индия распадалась на множество феодальных государств и полуплеменных — полугосударственных объединений, обычно враждовавших между собой и ведших нескончаемые войны. Случалось, что в результате этой междоусобной борьбы удачливые завоеватели объединяли под своей властью обширные территории, и тогда возникали крупные государства с многоплеменным и разноязычным населением. Такие империи существовали в течение десятилетий, а иные более столетия, но неизменно распадались, и страна вновь возвращалась в состояние раздробленности и феодальной анархии.

Политическая и социальная обстановка в Индии еще более усложнилась с началом так называемых мусульманских завоеваний, т. е. массовых вторжений народов из Афганистана, Ирана и Средней Азии, особенно интенсивных в конце XII в. и продолжавшихся в последующие столетия. Завоевателей привлекали сказочные богатства Индии, слава о которых давно и широко разнеслась по миру. Но поводом для вторжений была борьба с идолопоклонством, т. е. с индуизмом, и обращение «неверных» индийцев в ислам.

Уже в начале XIII в. завоеватели основали в самом центре Индии новое государство — Делийский султанат. С помощью громадных армий, постоянно пополнявшихся массами новых переселенцев из стран Ближнего и Среднего Востока, делийские султаны стали энергично расширять свои владения.

Наибольшего могущества Делийский султанат достиг при султане Ала-ад-дине Хильджи (1296—1316). Еще в 1297 г. Ала-ад-дин

захватил Гуджарат, затем в течение нескольких лет подчинил большинство раджпутских княжеств, а в 1305 г. присоединил к своим владениям обширную и богатую область Мальву. Таким образом, в начале XIV в. владения Делийского султаната распространялись почти на всю Северную Индию.

Территория султаната делилась на провинции, которыми управляли наместники султанов, носившие титулы ханов, эмиров, маликов. В некоторых из покоренных индийских княжеств были оставлены прежние правители в качестве данников и вассалов султана. По всей стране были разбросаны многочисленные гарнизоны, состоявшие из афганцев, тюрок, таджиков и других выходцев из Ирана и Средней Азии. Разноплеменные группы пришельцев, говорившие прежде на разных языках, в составе армий Делийского султаната постепенно утрачивали свои этнические особенности, переходили на персидский язык, бывший государственным и командным языком в армии, и, по единственному общему признаку, который объединял их и выделял из массы местного населения, называли себя мусульманами. Индийцы также не делали различий между разными группами завоевателей, воспринимали их как нечто единое и враждебное и обозначали тем же общим названием — мусульмане.

Мусульмане — арабы, персы и выходцы из народов восточной Африки — появились в Индии задолго до массовых вторжений XII—XIII вв. Потомки этих переселенцев к XII в. уже значительно ассимилировались с местным населением, говорили на индийских языках, усвоили многие индийские обычаи и различались в составе местных народов преимущественно вероисповеданием. Однако с установлением в стране политического господства мусульманских завоевателей и подчинением их власти большей части Индии мусульмане заняли привилегированное положение в индийском обществе, а ислам стал господствующей религией.

Упрочив свое положение в Северной Индии, султан Ала-ад-дин снарядил громадную армию и начал завоевание Южной Индии, т. е. территорий, лежащих южнее гор Виндхья и реки Нарбады.

В Южной Индии ко времени завоевания ее Ала-ад-дином было четыре крупных государства: Ядава, занимавшее весь западный

Декан, Какатия (Телингана), включавшее большую часть восточного Декана, Хойсала, расположенное южнее реки Кришны и простиравшееся от моря до моря, и государство Пандия на крайнем юге полуострова. Кроме того, на западном побережье, особенно в районе Конкан, где расположены лучшие морские порты, и на восточном южнее реки Кришны, было много мелких, независимых или полузависимых феодальных владений.

С 1306 по 1313 г., в результате четырех походов делийской армии под командованием Малик Кафура, Ала-ад-дину удалось подчинить своей власти всю Южную Индию. На крайнем юге Малик Кафур взял и разграбил город Мадуру, дошел со своей армией до мыса Рамешварам против Цейлона, разрушил там индуистский храм и поставил на его месте мечеть.

Завоеванные на юге территории были настолько обширны, что делийские султаны не могли оккупировать их своими войсками. Поэтому в покоренных государствах они оставляли прежних правителей, обязав их вносить регулярную дань в казну султана. Однако в некоторых пунктах, например в столице Ядавов — Деогири, и даже в Мадуре на крайнем юге, были оставлены мусульманские гарнизоны.

Южноиндийские государства время от времени отказывались выплачивать ежегодную дань и выходили из подчинения султанам. Тогда из Дели отправлялись карательные экспедиции, превращавшиеся иногда в новое завоевание. Так, при ближайших преемниках Ала-ад-дина, в результате подавления восстания в Деогири и в городах Телинганы, государства Ядава и Какатия были присоединены к Делийскому султанату. Управлять ими стали назначенные султаном наместники. Во многих городах Декана обосновались гарнизоны делийской армии. В результате этого в Южной Индии заметно увеличилась численность пришлого мусульманского населения.

Деканские владения и происходившие там события приобрели такой удельный вес в Делийском государстве, что султан Мухаммед Туглак (1325—1351), побуждаемый частыми мятежами своих наместников в северных провинциях и набегами моголов с территории Афганистана, решил перенести столицу султаната из Дели в Дэо-

гири, переименованный по этому случаю в Даулатабад. Положение на юге казалось ему более стабильным и спокойным.

По приказу султана значительная часть жителей Дели в течение 1326—1327 гг. переселилась более чем за тысячу километров в новую столицу Даулатабад. Спустя несколько лет, по воле того же султана, столица вновь была возвращена в Дели, но большинство переселенных в Даулатабад делийцев так и осталось на новом месте жительства. Временное пребывание резиденции делийских султанов в Даулатабаде и расквартирование их войск в городах Декана усилило пришлые элементы в составе мусульманского населения Южной Индии.

Делийский султанат, при Ала-ад-дине простиравшийся почти на всю Индию от Кашмира до мыса Коморин и от устья Инда до дельты Ганга, уже в первой половине XIV в. обнаружил признаки упадка, длившегося затем около двух столетий. Начались сепаратистские движения за независимость отдельных провинций. Наместники султанов поднимали восстания против центральной власти и становились независимыми правителями. Вассальные индийские княжества также стремились сбросить иго завоевателей.

Еще при Мухаммеде Туглаке от султаната отложились южноиндийские владения. В Даулатабаде и Мадуре независимыми правителями стали бывшие наместники султана, а на месте бывшей Хойсалы и в Телингане возникли новые государства во главе с местными индусскими династиями.

На делийском троне в XIV—XV вв. чередовались тюркские и афганские династии. При дворе шла непрерывная борьба между соперничавшими группировками знати и придворных. Немногие султаны умирали естественной смертью. Чаще они становились жертвой заговоров или просто погибали от руки нетерпеливого наследника.

На фоне общего упадка султаната наступали и периоды относительной стабилизации. Так, Фируз Туглак (1351—1388) развил широкую строительную деятельность и провел ряд важных реформ. При нем было построено несколько новых городов, улучшены старые и построены новые дороги, сооружено несколько крупных оро-

сительных каналов. Он упорядочил систему налогообложения, улучшил судопроизводство и провел ряд других реформ.

Но и Фирузу не удалось предотвратить упадок государства. Уже при нем от султаната отделился и стал независимым Бенгал. При ближайших преемниках Фируза из состава Делийского государства вышел Синд, затем Гуджарат, Мальва и даже расположенный недалеко от Дели округ Джаунпур, где утвердилась независимая династия.

Сокрушительный удар по Делийскому султанату был нанесен Тимуром, вторгшимся в Индию в 1398—1399 гг. Тимур разорил всю лежавшую на его пути страну, взял Дели, разрушил его и истребил почти все население.

В XV век Делийский султанат вступил одним из многочисленных, но едва ли не самым слабым из индийских государств. Фактически султанам подчинялся район, непосредственно прилегающий к Дели, и небольшая часть Двуречья (Ганга-Джамны).

Только во второй половине XV в., при династии Лоди, правителям Дели удалось вновь присоединить к своим владениям значительную часть Панджаба, область Джаунпур, Бихар и подчинить своей власти раджей Гвалиора и Дхолпура. И это всё, что осталось от былого могущества Делийского султаната. Гуджарат, Мальва, Бенгал и ряд раджпутских княжеств, не говоря уже о государствах Южной Индии, в течение всего XV в. оставались независимыми. Поэтому нас не удивляет, что Афанасий Никитин, проживший более двух лет в Индии, упоминая о многих, в том числе и заморских странах, ничего не сообщает нам о североиндийских государствах, и в частности о Делийском султанате.

Афанасий Никитин посетил и описал в своем «Хожении» не Индию вообще, а Южную Индию и преимущественно Бахманидское государство. Это государство не было, конечно, центром мусульманских владений в Индии, как думал автор «Хожения» («В Бедери же их стол Гундустану бесерменьскому»), но в Индии XV в. оно было самым могущественным и находилось в зените своего развития.

10*

Соперничать с ним мог только Виджаянагар — другое крупное государство на юге.

История независимого Бахманидского государства начинается с 40-х годов XIV в., когда делийский султан Мухаммед Туглак, занятый подавлением восстаний в Северной Индии, утратил контроль над своими южноиндийскими владениями. Один за другим его наместники, военачальники и коменданты крепостей в Южной Индии становились фактически независимыми правителями. Так, наместник Мадуры, самой южной провинции султаната, объявил себя независимым еще в 1335 г. и присвоил себе титул султана.

В результате восстания 1343—1344 гг. в Хойсале большая часть ее стала независимой под властью бывших хойсальских военачальников — Харихары I, а затем его брата Букки I. В историю это государство вошло под названием Виджаянагар, как называлась новая столица его, расположенная на правом берегу реки Тунгабхадры.

Почти одновременно с восстанием в Хайсале мусульманские завоеватели были изгнаны из Телинганы, и в столице ее Варангале утвердилась независимая индусская династия.

Решающим событием для судеб южноиндийских владений Делийского султаната было восстание населения Даулатабада и других районов Декана, вызванное непомерным налогообложением. Репрессии Мухаммеда против им же назначенных эмиров, чиновников и военачальников, неспособных взыскать с населения налоги и недоимки, восстановили эту новую деканскую знать против султана и вынудили ее присоединиться к восставшим. На сторону восставших переходили и делийские войска вместе со своими командирами.

Один из бывших военачальников султана Хасан, по прозвищу Зафар Хан, поддержанный мятежной знатью и армией, в августе 1347 г. был провозглашен независимым правителем Декана. Хасан претендовал на происхождение от Бахмана — сына полумифического персидского царя Исфандиара, и присвоил себе титул: Абул Музаффар Ала-ад-дин Бахман Шах.[1] Так было положено начало

[1] По другой версии слово «бахман» в сложном титуле Хасана означает «брахман» и является с его стороны выражением благодарности по отношению к брахману, некогда предсказавшему ему блестящую карьеру.

новому независимому государству и новой династии Бахманидов.

Бахманидское государство занимало всю центральную и западную часть Декана — обширного плоскогорья в центре Индостанского полуострова. На севере оно граничило с отделившимися от Делийского султаната государствами Гуджарат, Хандеш и Мальва, в которых правили мусульманские династии, на юге — с индусским царством Виджаянагар, на востоке — с Телинганой, находившейся под властью индусских раджей.

Население Бахманидской державы, как и всей Южной Индии, состояло из многочисленных народов, говоривших на разных языках, исповедывавших разные религии и стоявших на разных ступенях общественного развития.

Физический облик населения представлял собой различные варианты смешения южноиндийского темнокожего антропологического типа со светлокожим североиндийским. Жители Виджаянагара и южных районов Бахманидского государства отличались темным цветом кожи и некоторыми характерными признаками негро-австралоидной расы. На западе полуострова, особенно в приморских городах, встречались и типичные негры. В большинстве случаев это были потомки переселенцев из Африки. Чем дальше на север, тем более светлокожим было население и тем слабее были выражены в нем негро-австралоидные черты. Так, жители северных районов Декана принадлежали скорее к североиндийскому антропологическому типу.

Большинство населения в северных и западных районах Бахманидского государства составляли маратхи. Язык маратхи принадлежит к индийской группе индоевропейских языков, на которых говорит большинство народов Северной Индии. Жители восточных районов Бахманидского государства и большая часть населения Телинганы говорили на языке телугу — одном из южноиндийских языков, составляющих особую дравидийскую семью языков.

Население Виджаянагара также было многоязычным и состояло из многих народов. В районах, непосредственно соседящих с владениями Бахманидов, жили каннара (каннада), южную часть Мала-

барского побережья населяли малайяли, а весь юг полуострова был населен тамилами. Языки каннада, малайялам и тамили относятся также к дравидийской семье. На них уже тогда, в XIV—XV вв., а на тамили значительно раньше, появилась своя литература. Кроме этих народов, в Южной Индии, особенно в Виджаянагаре и Телингане, было много мелких племен, говоривших на своих языках.

Если местное население говорило на своих языках, то значительная часть пришлого мусульманского населения в XV в. говорила еще на персидском. Персидский же был и официальным языком в Бахманидском государстве.

Независимо от государственной, расовой и этнической принадлежности большинство индийцев делилось на касты. Касты представляли собой общественные, в большинстве случаев созданные по признаку общности занятий, профессиональные группировки разной численности (от нескольких тысяч до сотен тысяч человек) и занимавшие различное социальное положение в феодальном обществе. По происхождению большинство каст восходит к четырем варнам — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, — социальным группам, на которые делилось в древности индийское общество. Ниже других стояли касты, добывавшие себе средства существования нечистым, с точки зрения высших каст, трудом. К этой категории относились чернорабочие, прачки, кожевники, сапожники и др. Их считали неприкасаемыми. Прикосновение их к представителю высших каст считалось осквернительным для него и влекло за собой унизительные, а подчас и жестокие наказания для неприкасаемого.

Кроме особых случаев, предусмотренных обычаем, человек не волен был изменить свое кастовое положение. Каста была эндогамной группой. Браки между членами разных каст были запрещены. Члены высших каст не могли есть не только за общим столом, но даже в присутствии лиц, принадлежащих к низшим кастам. Особенно тяжело было положение неприкасаемых, которым запрещалось, например, мыться в общих водоемах и даже брать воду из общественных колодцев. За соблюдением обычаев и кастового режима наблюдали особые кастовые советы (панчаяты), существовавшие в каждом местном подразделении касты.

Как и во всей Индии, в Бахманидском государстве большинство населения исповедывало индуизм. Чисто богословские, догматические основы индуизма могут быть сведены к нескольким положениям: учение о социальном неравенстве людей по рождению и невозможности преодолеть это неравенство в настоящем земном существовании; учение о том, что существование человека не кончается с физической смертью, а представляет собой бесконечный ряд последовательных перерождений из одной смертной формы в другую; учение о поведении и воздаянии, т. е. строгом соблюдении предписанных норм поведения в настоящем существовании как единственное условие повышения общественного положения в процессе посмертных перевоплощений. Но на практике индуизм представлял собой сложный комплекс верований и самых противоречивых религиозных представлений. В нем высшие формы религиозного мистицизма сочетались с грубым идолопоклонством; строгое единобожие уживалось с анимизмом, с поклонением различным духам, стихиям, растениям и животным; наряду с запретом причинять какой-либо вред живым существам, практиковались кровавые жертвоприношения.

Уже в XIV—XV вв. существовало множество индуистских толков и сект, но большинство их принадлежало к двум основным направлениям индуизма: вишнуизму и шиваизму. Между ними не было существенной разницы в догматике. Одни верховным божеством индуистского пантеона считали Вишну — хранителя и покровителя всего живого, а другие — Шиву — разрушителя и творца нового, олицетворяющего круговорот жизни.

Индуисты поклонялись и приносили жертвы не только этим верховным божествам, но и многочисленным антропоморфным и зооморфным воплощениям их. Скульптурные изваяния богов ставились в храмах, на специальных платформах в деревнях и па домашних алтарях. Делались и колоссальные статуи из камня, и миниатюрные фигурки божеств из металла и слоновой кости.

Кроме основных божеств индуистского пантеона и многочисленных воплощений их, индийцы поклонялись некоторым животным, сооружали алтари с их изображением и даже посвящали им

отдельные храмы. К таким священным животным относились: корова, змея, обезьяна и некоторые другие. Убивать, а тем более употреблять в пищу мясо священных животных, особенно коровы, считалось величайшим святотатством.

Священными считались в Индии некоторые реки. В Южной Индии самой священной была река Годавери. На ее берегах построено было много храмов и целых храмовых городов. Тысячи паломников со всех сторон стекались к священным рекам и прославленным храмам. На доходы от паломников содержалось многочисленное индуистское жречество.

Из индуистских сект в Декане самой крупной была шиваитская секта лингаятов. Лингаяты поклонялись скульптурному изображению фаллоса (лингам) как символу созидательной, производящей силы Шивы. Более или менее стилизованные фаллические изображения ставили на домашних алтарях, помещали в храмах, а иногда и самим храмам придавали фаллическую форму.

В северо-западных районах Бахманидского государства часть населения исповедывала джайнизм — религию, близкую буддизму и возникшую в Индии одновременно с буддизмом. В приморских городах на западе жили небольшие общины христиан, евреев и парсов. Христиане и евреи были потомками выходцев из Сирии и Палестины, поселившихся в Индии в первые века нашей эры. Парсы, исповедывавшие особую форму зороастризма, вышли из Ирана и поселились в Индии в VIII—IX вв. Почти все христиане, евреи и парсы в XV в. жили на западном побережье и не проникали во внутренние районы страны.

Мусульмане едва ли составляли десятую часть населения Бахманидского царства, а в других государствах Южной Индии их было еще меньше. Бо́льшая часть мусульман жила в городах и принадлежала к господствующей прослойке общества. Ими была представлена почти вся феодальная и чиновно-бюрократическая верхушка, крупное купечество, а главным образом армия.

В XIV—XV вв. среди мусульман Южной Индии различались две категории: местные мусульмане — дакхини, т. е. деканцы или «южане», и пришлые мусульмане, большинство которых осело

в Южной Индии в связи с завоевательными походами делийских султанов. В отличие от деканцев, эти мусульмане считались иноземцами в Южной Индии.

Местные мусульмане были потомками арабских, персидских и различных африканских переселенцев, обосновавшихся в Индии за несколько столетий до образования Бахманидского государства. В их состав входили и так называемые муваллады — потомки африканцев и индийских женщин. Все они значительно перемешались с местным населением, говорили на его языках и считали себя коренными индийцами. В их среде существовали и кастовые группировки. Почти все деканские мусульмане были суннитами.

«Иноземцы» были представлены персами, таджиками, афганцами и разными тюркскими элементами. Большинство их говорило на персидском или таджикском языках. Среди иноземной знати много было шиитов. «Иноземцы» только себя считали истинными мусульманами. Они не признавали кастовых различий, неизменно враждебно относились к индуизму и даже по отношению к местным своим единоверцам держались изолированно.

Основатель Бахманидского государства Ала-ад-дин I Бахман Шах (1347—1358) подчинил себе бо́льшую часть Декана, включая морское побережье с портами Гоа и Дабул. Свои владения он разделил на четыре административных области (тарафы): Гульбарга, Даулатабад, Бидар и Берар. Управлял тарафом назначенный шахом чиновник — тарафдар. Столица из Даулатабада была перенесена в Гульбаргу. В качестве правителя независимого мусульманского государства Ала-ад-дин был признан египетским халифом.

Уже при первых преемниках Ала-ад-дина начались войны с соседними индийскими государствами — Виджаянагаром на юге и Телинганой на востоке. Походы против Виджаянагара предпринимались почти каждым правителем Бахманидской династии. Основной причиной военных столкновений между двумя государствами было соперничество за обладание плодородной и богатой алмазными месторождениями долиной Райчур, лежащей между

реками Кришной и Тунгабхадрой, и за морское побережье с портом Гоа. Армии той и другой стороны насчитывали сотни тысяч пеших и конных воинов. Войны сопровождались разрушением городов, истреблением населения и уводом в рабство мирных жителей. После каждого победоносного похода в Виджаянагар на базарах Бидара, Гульбарги и других городов продавались тысячи рабов.

Одним из крупнейших походов против Виджаянагара был поход Фируза Шаха Бахмани в 1406 г. Разбитый его войсками, раджа Деварайя вынужден был уплатить большую дань, уступить город и крепость Банкапур и отдать одну из дочерей в гарем Фируза, что было особенно унизительно для высокородного индуса.

Благодаря превосходству в коннице Бахманиды часто выходили победителями в сражениях с армиями Виджаянагара, но им так и не удалось захватить и присоединить его к своим владениям. Иначе сложилась судьба Телинганы. В 1425 г. при бахманидском шахе Ахмаде I (1422—1435) был взят Варангал и положен конец независимому существованию Телинганы. Она была включена в Бахманидское государство.

Проделав удачную военную экспедицию против Мальвы и обезопасив себя таким образом со стороны северных соседей, Ахмад в 1429 г. перенес столицу из Гульбарги в Бидар и на месте старого построил новый город. Уже к концу его царствования Бидар стал одним из крупнейших административных и торговых центров.

За время царствования Бахманидов возникло много новых городов. В несколько раз выросло население старых городов, особенно таких, как Гульбарга, Даулатабад, Биджапур. Изменился и социальный состав городского населения. Основную массу его составляли мелкие торговцы, ремесленники и другой трудовой люд. Но в городах была сосредоточена почти вся феодальная знать, многочисленные чиновники, индуистское и мусульманское духовенство, купцы и ростовщики, т. е. вся социальная верхушка феодального общества. Кроме того, в городах были расквартированы крупные военные гарнизоны. Вся эта масса населения ничего не производила, и потому города превратились в крупные центры потребления.

Потребности городского хозяйства уже не могли быть удовлетворены за счет ближайшей сельской округи и местного ремесленного производства, а это стимулировало развитие торговли. Роль торговли и торговцев настолько возросла, что Ахмад I высшему сановнику государства, своему главному министру, присвоил титул «малик-ут-туджар», т. е. «старшина купцов».

На городских базарах велся широкий торг самыми разнообразными, в том числе и заморскими товарами. В крупных городах периодически устраивались ярмарки, куда съезжались купцы из разных областей государства и даже из отдаленных стран. На этих ярмарках продавались ткани, посуда, оружие, украшения и другие изделия местных ремесленников, жемчуг и драгоценные камни с Цейлона, пряности с островов Малайского архипелага, лошади, привозимые морем из Ирана и Аравии, а также многочисленные рабы иноземного и местного происхождения.

Границы государства не были закрыты для купцов любой национальности, и торговые караваны пересекали страну во всех направлениях.

Для удобства передвижения торговых караванов улучшались старые и строились новые дороги. Безопасность на дорогах поддерживали расположенные поблизости военные гарнизоны. На дорогах строились караван-сараи или дхармсала, т. е. постоялые дворы с необходимым оборудованием и персоналом для обслуживания проезжающих. За состоянием дорог и обслуживанием постоялых дворов следили старшины ближайших сельских общин, находившиеся, в свою очередь, под контролем особого государственного ведомства.

В XV в. все большее значение для государства приобретала внешняя заморская торговля. Почти вся она велась через Гоа, Дабул, Чаул и другие порты западного побережья. Персидские, арабские, цейлонские и малайские купцы прибывали сюда на своих судах и часто здесь же обменивали свои товары на индийские. Большая часть оптовой торговли внутри страны и почти вся заморская торговля находились в руках «иноземных» мусульман, а на долю деканцев оставалась мелкая, розничная торговля. Однако большинство судовладельцев и экипажей судов на западном побе-

режье составляли деканцы. Деканские купцы противились попыткам «иноземцев» установить монополию в торговле с заморскими странами, а крупное бахманидское купечество бойкотировало местных судовладельцев и предпочитало пользоваться иностранными судами.

Для развития заморской торговли Бахманидскому государству необходим был выход к морю и собственные порты. Однако значительная часть морского побережья и лучшие порты находились в руках конканских раджей и Виджаянагара.

Попытка Ала-ад-дина II (1436—1458) захватить Конкан и присоединить к своим владениям морское побережье окончилась неудачей. Этот поход вызвал энергичное противодействие со стороны деканцев. Ала-ад-дин, вообще покровительствовавший «иноземцам» и опиравшийся на них в гражданском управлении и в армии, предпринял этот поход также в их интересах. В период войны с конканскими раджами в 1446—1447 гг. конфликт между двумя группами мусульманского населения привел к тому, что часть деканцев перешла на сторону раджей, а затем последовали крупные вооруженные столкновения и кровавые распри между деканцами и «иноземцами».

Столкновения Ала-ад-дина с другими соседями кончились успешно для него. Так, он отразил нашествие правителя Хандеша, выиграл войну с Виджаянагаром, подавил восстание в Телингане и принудил отступить вторгшиеся в его владения войска правителя Мальвы. Этими успехами Ала-ад-дин был в значительной степени обязан своему советнику и военачальнику, выходцу из Гиляна, ходже Махмуду Гавану. Преемник Ала-ад-дина Хумаюн присвоил Махмуду Гавану титул «малик-ут-туджар».

Трехлетний период царствования Хумаюна (1458—1461) был заполнен непрерывными восстаниями, заговорами, карательными экспедициями и казнями. В историю Хумаюн вошел как жестокий тиран. Он истребил почти все прямое потомство Бахмана Шаха и множество придворных, поколениями служивших Бахманидам. Однако маньякальная подозрительность Хумаюна не коснулась Махмуда Гавана. Он остался на своем посту и после смерти Хума-

юна, когда шахом стал малолетний сын Хумаюна — Низам, а регентом при нем была мать Махдума — Джахан. Вскоре умершему Низаму наследовал тоже малолетний брат его Мухаммед III (1463—1482).

Махмуд Гаван пользовался особым доверием правительницы. Она убрала с его пути возможных соперников и поручила ему воспитание малолетнего шаха. Будучи наместником шаха в Биджапуре, т. е. номинально числясь одним из тарафдаров, Махмуд Гаван был фактическим регентом и правителем государства. Незаурядные личные способности, сильный характер и многолетний опыт сделали Махмуда Гавана одним из выдающихся государственных деятелей средневековой Индии.

Еще в начале XV в. бахманидские правители поняли, насколько необходим государству постоянный выход к морю, свои порты на нем, свой торговый и военный флот. Но тогда Ала-ад-дину II не удалось прочно закрепиться на морском побережье. Порты Чаул, Дабул, Гоа и другие находились в руках независимых конканских раджей или состояли под контролем Виджаянагара. Через эти порты шла почти вся внешняя торговля Бахманидского государства. Некоторые предметы этой торговли имели для него жизненно важное значение, например регулярный ввоз лошадей.

В Южной Индии лошадьми пользовались не как тягловой силой в хозяйстве, а только для верховой езды и главным образом в армии. Многие победы бахманидских войск над армиями Виджаянагара и других противников были одержаны только благодаря превосходству бахманидской конницы. Держали верховых лошадей и представители мусульманской знати, и крупные купцы. Но нигде в Южной Индии не было собственного коневодства. Ее природные условия оказались неблагоприятными для размножения лошадей. Поэтому бахманидские правители всячески поощряли и контролировали ввоз коней из Ирана, Аравии и других стран. Тысячи коней ежегодно ввозились морем на небольших судах, преимущественно иностранными купцами.

Забота о распространении заморской торговли (недаром же титул его означал «старшина купцов») и важные стратегические соображения побудили Махмуда Гавана предпринять новое завоевание

Конканского побережья. Под предлогом ликвидации пиратских баз на этом побережье, бахманидские войска под командованием Махмуда Гавана в 1469 г. вторглись в Конкан. В результате более чем двухлетней упорной борьбы с местными раджами бахманидским войскам удалось взять две крепости — Кхелну и Сангамешвар, крупный порт и пиратскую базу Гоа и присоединить к бахманидским владениям большую часть Конканского побережья.

Одновременно другой представитель бахманидской знати, деканец из обращенных в ислам брахманов, Малик Хасан под предлогом помощи одному из южноорисских раджей захватил ряд независимых феодальных владений на восточном побережье Декана и присоединил их к Телингане. Телингана стала самым крупным тарафом Бахманидского государства. Наместником объединенной Телинганы был назначен Малик Хасан.

Афанасий Никитин посетил Индию как раз в тот период, когда Бахманидская держава достигла наибольшего могущества. Ее владения простирались от моря до моря. Махмуду Гавану удалось добиться максимальной централизации государственной власти и относительного равновесия соперничавших группировок мусульманской знати. Всеми четырьмя тарафами управляли крупные вельможи, причем тарафдар Даулатабада Юсуф Адил Хан Саваи и сам Махмуд Гаван, управлявший Биджапуром и Голкондой, принадлежали к «иноземной» группе, а тарафдары Берара и Телинганы, т. е. Фатхулла Имад-ул-Мульк и Малик Хасан, были деканцами.

Однако именно вторая половина XV в. в жизни Бахманидского государства была временем, когда последствия жестокого правления мусульманской династии, разорительных для населения походов на индусские княжества, тяжело отразились на экономике[1] страны. Сельское население, обремененное многочисленными налогами, угнетаемое мусульманскими и местными властями, закрепощаемое и бесправное перед законом, поставлявшее главную массу воинов для грабительских походов султана, жило в постоянной нужде. Бедность населения в годы пребывания в Индии Никитина возросла еще потому, что на подготовку большого похода на Виджаянагар было израсходовано много средств — «казны истратили много»,.

в то время как при взятии «индийского города» взяли пленных, «казны же не было ничего».

В результате засухи в течение двух лет подряд в 1473 г. в Декане разразился страшный голод и эпидемия холеры. Стихийное бедствие охватило все Бахманидское царство, а некоторые районы его совершенно обезлюдели и были разорены.

Воспользовавшись бедствиями, постигшими бахманидские владения, вассалы Бахманидов пытались кое-где поднять восстание. Крупнейшим было восстание в восточной Телингане, поддержанное одним орисским раджой. Тарафдар Телинганы Малик Хасан был осажден восставшими в Раджамундри.

Мухаммед III в 1478 г. лично выступил против восставших. Ему удалось освободить осажденного Малик Хасана и разбить повстанцев. Теперь Телингана полностью была подчинена Бахманидам и разделена на две провинции (тарафа): восточную с центром в Раджамундри, которой управлял Малик Хасан, и западную с центром в Варангале, отданную в управление Азам Хану. Малик Хасан был недоволен разделом тарафа и умалением его власти.

После смерти матери в 1473 г. молодой шах стал более самостоятельным и принимал более деятельное участие в государственных делах, особенно в военных походах. При дворе и в наместничествах среди высшей знати сложились группировки, пытавшиеся восстановить шаха против Махмуда Гавана и его политики, направленной на централизацию государственной власти.

Махмуд Гаван составил и осуществил план нового административного устройства. Вместо четырех было создано восемь тарафов, т. е. каждый из прежних тарафов был разделен на два. Вместе с тем была ограничена власть тарафдаров. Часть земель в тарафах была причислена к коронным землям. Назначение на главные военные должности в тарафе объявлено прерогативой центральной власти. Суммы, взимавшиеся с тарафдаров на содержание войск, были повышены. Вводился регулярный контроль центральных властей над деятельностью тарафдаров. Из восьми тарафдаров пять были деканцами. Несмотря на такое соотношение представителей двух групп мусульманской знати на высших должностях, заговор против Мах-

муда Гавана возглавил представитель деканцев — Малик Хасан. Завистливый ренегат из брахманов не мог примириться с удачами и всей карьерой приезжего из Персии торговца. При помощи подкупа было составлено подложное письмо, обвиняющее Махмуда Гавана в измене. Пьяный Мухаммед поверил доносу и приказал казнить Махмуда Гавана. Самый способный и самый преданный государственный деятель Бахманидского государства без всякого суда и следствия был казнен в 1481 г. на 79-м году жизни. Произведенное после казни расследование без труда установило невиновность Махмуда Гавана. Тело его с почестями было отправлено для похорон в Бидар. От Мухаммеда отвернулись многие представители знати, в том числе и деканцы.

Смерть Махмуда Гавана и обострение междоусобной борьбы бахманидской знати, а затем смерть самого Мухаммеда III, по существу, знаменовали начало распада Бахманидского царства. Преемники Мухаммеда III были просто марионетками в руках игравшей ими знати. В течение некоторого времени Малик Хасану, получившему титул «малик наиба» («главного министра»), удается играть первую роль при дворе, но тарафдары становились все более независимыми и оппозиционными центральной власти. Малик Хасан вскоре был убит с разрешения преемника Мухаммеда III — Махмуда.

В 1490 г. три тарафдара объявили себя независимыми, положив начало новым династиям: Низам-шахов Ахмедабада, Адил-шахов Биджапура, Имад-шахов Берара. Позднее основались династии Кутб-шахов Голконды и Барид-шахов Бидара. Так единое Бахманидское царство в начале XVI в. распалось на 5 отдельных феодальных государств. Русский путешественник Афанасий Никитин зорко подметил признаки экономического кризиса, подготовившего почву для этого распада еще в годы правления властного и могущественного Махмуда Гавана.

М. К. Кудрявцев.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина известно нам в настоящее время в следующих списках:

1) БЛ, Муз. № 3271; 4°; конец XV в. Сборник. Древнейший из известных нам списков; содержит небольшие фрагменты из «Хожения» (л. 35 об.). Фрагменты «Хожения» по этому списку были впервые опубликованы А. А. Зиминым.[1]

2) БЛ, М. 8665; 4°. Сборная рукопись. Первая часть рукописи — Ермолинская летопись (ПСРЛ, т. XXIII); вторая часть — отдельные записи (в том числе — 1530 г.), перечень русских князей, «Творение храма Соломанова», «Обед Соломанов»; третья часть — сочинения церковного характера (житие богородицы Епифания, слово Иоанна Златоуста, слово патриарха Геннадия, и др.) и «Пчела»; четвертая часть (лл. 369—392) — «Хожение за три моря». На последнем листе рукописи (крышке переплета, отклеенной при последней реставрации) ряд отдельных записей, например: «Господи, помози рабу своему».[2] А. А. Шахматов датировал четвертую часть рукописи (список «Хожения») концом XV в.,[3] издатели т. XXIII ПСРЛ отно-

---

[1] А. А. Зимин. Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина. Труды ОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 437—438.

[2] Эта запись (ошибочно транскрибированная — «гир помози рабу своему») была неправильно включена в текст «Хожения» в первом издании настоящей книги (Хожение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 32).

[3] А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (оттиск из «Известий ОРЯС» за 1903—1904 гг.),, стр. 3.

сили ее к началу XVI в.[4] Водяные знаки четвертой части рукописи (тиара и бычья голова) совпадают с водяными знаками остальных частей и относятся к концу XV—началу XVI в. На полях рукописи имеются пометы почерком конца XVIII—XIX в., воспроизведенные нами в текстологических примечаниях. Рукопись принадлежала Троицкому монастырю (хранилась в казне монастыря под № 17) и обычно именуется в литературе Троицкой. Троицкая рукопись «Хожения» была широко использована уже Н. М. Карамзиным в цитатах в «Истории государства Российского», т. VI (прим. 629). В 1853 г. «Хожение» было издано по Троицкой рукописи в приложениях к Софийской II летописи (ПСРЛ, т. VI, приложение Г, *ab*), хотя в самой Софийской II летописи содержится иной текст «Хожения» (летописный текст «Хожения» был использован только в аппарате к изданию троицкого текста). В 1948 г. «Хожение» было издано по Троицкой рукописи в 1-м издании «Хожения» в серии «Литературные памятники».

3) ГПБ, F. IV. 144; 1°; середина XVI в. Эттеров список Львовской летописи. «Хожение» — лл. 442—458 об. По этому списку «Хожение» вместе со всей Львовской летописью было издано в ПСРЛ, т. XX, ч. 1 (стр. 303—313).

4) ЦГАДА, ф. 181, № 371/821; 4°; середина XVI в. Архивский список Софийской II летописи. «Хожение» — лл. 193—220 об. По этому списку «Хожение» вместе со всей Софийской II летописью было издано в «Софийском временнике» (ч. II, М., 1821, стр. 145—164).

5) ГИМ, Воскр., бум., № 154б; 1°; вторая половина XVI в. Воскресенский список Софийской II летописи. Текст «Хожения» здесь почти полностью вырван; сохранились только (на лл. 1192 об.—1193) вступительные замечания летописца и несколько последних слов текста.

6) БЛ, собр. Ундольского, № 754; 1°. Сборная рукопись. Часть, содержащая «Хожение» (хронограф) — XVII в. «Хожение» — лл. 300—319 (новой пагинации, сверху). На полях имеются пометы почерком XVIII в., воспроизведенные нами в текстологических приме-

---

[4] ПСРЛ, т. XXIII, стр. I—II.

чаниях. По этому списку наряду с Троицким списком «Хожение» было издано в приложении к Софийской II летописи (ПСРЛ, т. VI, приложение Г, *cd*) и в первом издании в серии «Литературные памятники».

7) ГПБ, F. XVII. 17 (из собр. Толстого, 1, № 198); 1°; XVII в. Сборник. «Хожение» (в составе хронографа) — лл. 402—412. Как отметил А. С. Орлов, сборник этот принадлежал Арсению Суханову, известному церковному деятелю середины XVII в.[5] На необходимость привлечения этого списка к изданию «Хожения» указал А. А. Зимин.[6]

Кроме дошедших до нас рукописей, содержащих (полностью или частично) «Хожение» Никитина, существовала еще одна рукопись, до нас не дошедшая. Рукопись эта принадлежала известному археографу XIX в. И. П. Сахарову и была им использована для издания «Путешествия Афанасия Никитина в Индию» в его «Сказаниях русского народа». Неясно, однако, был ли в распоряжении Сахарова сплошной текст «Хожения» (хотя бы с пропусками) или только отрывки из него. Во всяком случае, как указывает Сахаров, начало «Путешествия» было им напечатано по тексту Н. М. Карамзина (Троицкому списку), основная часть — по Софийскому временнику (Архивскому списку) и лишь небольшой отрывок текста, описывающий обратное путешествие Никитина, — по собственной рукописи Сахарова.[7]

Рассматривая отдельные списки «Хожения за три моря», исследователи уже давно (начиная с И. И. Срезневского) [8] обнаружили, что эти списки довольно определенно распадаются на три извода, или редакции. К первой редакции можно отнести те списки, в кото-

---

[5] А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906, стр. 36—38.

[6] А. А. Зимин, ук. соч., стр. 438—439.

[7] Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, том второй, СПб., 1849, стр. 170—182.

[8] И. И. Срезневский. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Ученые записки II Отделения Академии наук, т. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 244—265.

рых «Хожение» непосредственно включено внутрь летописного рассказа под 1475 годом: Эттеров список Львовской летописи, Архивский список Софийской II летописи, а также Воскресенский список Софийской II летописи, где сохранились только начало и конец «Хожения». К этой же редакции принадлежал, по-видимому, и тот список, который был использован И. П. Сахаровым для дополнения Софийского и Троицкого списков в его издании «Хожения». Ко второй редакции относится Троицкий список (и, может быть, отрывок, читающийся в сборнике Муз. 3271). К третьей редакции относится список Ундольского и не привлекавшийся до сих пор список ГПБ, F. XVII. 17. По вопросу о качестве текста в различных редакциях мнения исследователей не совпадают: И. И. Срезневский считал лучшим (наиболее полным) текстом «Хожения» тот текст, который читается в Софийской II (и Львовской) летописи;[9] К. Н. Сербина, напротив, усматривает «наибольшую полноту и исправность текста» в Троицком списке (именно поэтому, очевидно, К. Н. Сербина и сочла возможным вслед за издателями т. VI ПСРЛ рассматривать первую и вторую редакции «Хожения» как единую редакцию, публикуя Троицкий список в основном тексте, а Эттеров, Архивский и Воскресенский — в разночтениях).[10] Бесспорной является только характеристика третьей редакции (списка Ундольского) как явно более поздней и относящейся к XVII в.

История текста «Хожения за три моря» также представляется исследователями по-разному. И. И. Срезневский полагал, что две основных редакции «Хожения» — летописная и троицкая — имели своим источником различные авторские варианты текста; Афанасий Никитин, по его мнению, не только вел записки во время пути, «но и переписывал, а переписывая, исправлял или изменял — один из этих списков достался Мамыреву и перешел в Софийский временник, другим списком воспользовался составитель Русского временника» (И. И. Срезневский имеет в виду, очевидно, Троицкий

[9] Там же, стр. 244.

[10] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 133—134.

сборник, содержащий Ермолинскую летопись).[11] К. Н. Сербина совсем не поставила в своем «археографическом комментарии» к «Хожению» вопроса об истории текста памятника. Точка зрения И. И. Срезневского встретила, однако, серьезные возражения со стороны двух советских исследователей — Р. Терегуловой и особенно Г. П. Уханова. Г. П. Уханов соглашается с тем, что, «пройдя три моря», Никитин, возможно, придал литературную форму своим кратким заметкам, начатым еще в Индии (в Бидаре), но окончательно обработать, по-видимому, не имел возможности и оставил. таким образом, «только один вариант своего произведения».[12]

Этот последний вывод представляется нам несомненным: он прямо подтверждается и сообщением Софийской II — Львовской летописи о судьбе Никитина (единственным историческим свидетельством о нем, данным от третьего лица), и самим текстом «Хожения». Конечно, «Хожение» нельзя назвать дневником в полном смысле этого слова — изложение здесь ведется не по дням; но основная часть памятника бесспорно написана еще в Индии и обработке не подверглась, как это доказывает самая форма рассказа. «И тут есть Индейская страна. . .», — пишет Никитин (*Т*, л. 372; *Э*, л. 444),[13] «Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана . . . пути нету, везде булгак стал. . .» (*Т*, л. 386 об.; *Э*, л. 454); «Уже проидоша 4 Великыя дни в бесерменьской земли, а христианства не оставих; дале бог ведает, что будеть», — замечает он в одном месте (*Т*, л. 384 об.; *Э*, л. 452 об.), а в другом сообщает уже: «В пятый же Великый день възмыслил ся на Русь» (*Т*, л. 389 об.; *Э*, л. 456), и далее излагает историю этого путешествия. Из последней, заключительной части «Хожения», написанной уже после того, как Никитин высадился в Крыму (в Кафе), мы узнаем, что он нашел все-таки путь «из Гун-

[11] И. И. Срезневский, ук. соч., стр. 264—265.

[12] Р. Терегулова. Хожение Афанасия Никитина как памятник русского литературного языка XV в. Ученые записки Тамбовского гос. пединститута, вып. I, 1941, стр. 142; Г. П. Уханов. Синтаксис «Хожения за три моря» (автореферат диссертации). 1952, стр. 6—8.

[13] В дальнейшем все ссылки делаем на листы Троицкого (*Т*) и Эттерова (*Э*) списков.

дустана» на Русь, что ему так и не пришлось «оставить христианства»; указанные места свидетельствуют, следовательно, о том, что Никитин не подверг обработке записи, сделанные в Индии.[14] Это вполне объясняется его судьбой, описанной в летописи: не доходя Смоленска (не вступив даже, следовательно, еще на территорию Русского государства) Никитин умер. Переписывание Никитиным своего труда и тем более, создание им нескольких авторских вариантов представляется поэтому совсем невероятным.

Создателями редакций «Хожения» следует считать, таким образом, различных переписчиков памятника. Какую же из дошедших до нас редакций мы можем считать соответствующей первоначальному тексту Никитина, и какую — вторичной? Сопоставляя между собой летописную редакцию и редакцию, представленную Троицким списком, мы приходим к выводу, что ни одну из них нельзя вывести из другой, что, иными словами, обе они независимо друг от друга восходят к единому протографу (авторскому тексту или его копии); лучшие чтения, отражающие этот протограф, по временам обнаруживаются то в той, то в другой редакции.

Так, например, в летописной редакции мы читаем ряд подробностей нападения татар на русских купцов (с которого, собственно, и началось путешествие Никитина «куды его очи понесли»), отсутствующих в Троицком списке: «А мы того (т. е. оклика со стороны татар, — *Я. Л.*) не слыхали ничего. А бежали есмя парусом. . . А в другом судне. . . коровы, да корм нашь. . . А тут есть городок

---

[14] Ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель. В книге: Хожение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 109. Неубедительно, на наш взгляд, объясняют эти места А. М. Осипов, В. А. Александров и Н. М. Гольдберг, считающие «Хожение за три моря» «плодом единого замысла, осуществленного после возвращения из путешествия за три моря». По их мнению, цитированные слова Никитина представляют собой искусно вплетенные в текст «лирические отступления, нередко являющиеся воспоминанием об угрожавших автору, но окончившихся благополучно событиях» (Афанасий Никитин и его время. М., 1956, стр. 197—198). Но мы видим, что Никитин вовсе не говорит об этих событиях, как об «окончившихся благополучно», а напротив выражает неуверенность в их исходе: «бог ведает, что будет».

Тархи, а люди вышли на берег. . .» и т. д. (*Э*, л. 443; ср. *Т*, лл. 369 об.—370). Приводятся в летописной редакции подробности приготовления индийских блюд: «А варят с маслом, да с молоком» (*Э*, л. 448 об.; ср. *Т*, л. 378 об.). При описании индийских маршрутов указывается, что «от Дега до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 дни, а от Кучьзрята до Камбата 4 дни» (*Э*, лл. 449 об.—450), в то время как в Троицком читается явно бессмысленное: «от Дега до Мошката до Кучьзрята до Комбата 4 дни» (*Т*, л. 380 об.); далее приводится расстояние «от Чювиля до Дабыля 6 дни», также пропущенное в Троицком. При перечислении богатств «Силяна» (Цейлона) в летописной редакции упоминается «хрусталь да бабугури» (*Э*, л. 451; ср. *Т*, л. 382 об.). Сохранилось в летописной редакции очень характерное и эмоциональное замечание Никитина по поводу ограбления его трапезундским пашой на обратном пути: «что мелочь добренкая — ини выграбили все» (*Э*, л. 458; ср. *Т*, л. 392). Ясно, что все эти фактические подробности не могли быть привнесены переписчиком и восходят к первоначальному тексту «Хожения». В ряде случаев летописная редакция дает более правильные чтения, чем троицкая; она нигде не отражает ошибок Троицкого списка (усвоенных и редакцией XVII в. — списком Ундольского и Сухановским списком). Так, в Троицком (и в списке Ундольского) «море Индейское» именуется иначе — «гори Гондустаньскаа» (*Т*, л. 369; ср. *У*, л. 300 об.); в летописной редакции правильно — «*дорея* (перс. — море) Гундустанскаа» (*Э*, л. 442). В Троицком списке про индийского султана говорится: «А салтан велик — 20 лет» (*Т*, л. 376), в летописной редакции явно правильнее: «а салтан *невелик* — 20 лет» (*Э*, л. 447). В Троицком списке после описания огромного войска, едущего с султаном (100 тыс. конных, 200 тыс. пеших и т. д.) и с крупнейшими ханами, вновь перечисляются силы, идущие «с султаном», и притом довольно скромные («10 тысяч конных, а пеших дватцать тысяч» — *Т*, л. 389); в летописной редакции здесь правильно читается: «с Сулханом» (*Э*, л. 455 об.).

С другой стороны, Троицкий список также содержит ряд мест, отсутствующих в летописной редакции и явно восходящих к протографу. К авторскому тексту может быть с достаточным вероятием

отнесена уже первая фраза «Хожения» в Троицком списке: «За молитву святых отець наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй мя раба своего грешнаго Афонасья Микитина сына» (*Т*, л. 369; ср. *Э*, л. 442). Рассказывая о поведении «князя обезьянского», Троицкий список сообщает, что по жалобе своих подданных-обезьян на кого-либо из людей «он посылает на того свою рать» (*Т*, л. 375 об.), в летописной редакции этого указания нет (*Э*, л. 446 об.). В описании быта Индии Троицкий список сохранил упоминание, что «сельские люди голы велми, а бояре силны добре» (*Т*, л. 375 об.; ср. *Э*, л. 446), явно выпавшее в летописной редакции. Описывая религиозные обычаи Индии, Троицкий список, в отличие от летописной редакции, указывает, что индийцы сыплют цветы не только на священного «вола», но «и на Бута сыплют цветы» (*Т*, л. 378 об.; ср. *Э*, л. 448). Сохранилось здесь и горькое замечание Никитина, что на чужбине он забыл даже христианский календарь: «ни среды, ни пятницы не знаю» (*Т*, л. 380; ср. *Э*, л. 449 об.). Ряд географических сведений, пропущенных летописной редакцией, в Троицком списке читается (*Т*, л. 381; ср. *Э*, л. 450; *Т*, л. 386; ср. *Э*, л. 453 об.; *Т*, л. 391 об.; ср. Э, л. 457 об.); более полно читаются здесь и арабские тексты, приведенные в летописной редакции в некоторых случаях с пробелами (*Т*, л. 384; ср. *Э*, л. 452 об. и др.). Иногда Троицкий список дает более правильные чтения отдельных мест, искаженных в летописной редакции. При перечислении морей, которые прошел Никитин, здесь правильно названа «дориа Хвалитьскаа» (Хвалынское, Каспийское море); в летописной редакции вместо этого: «дория *хвалится*» (там же). В Троицком списке (при описании Парвата) указывается, что «у бутханы (храма) бреются старые женки и девки» (*Т*, л. 377 об.), в то время как в летописной редакции — явно бессмысленное «*не* бреются» (*Э*, л. 447 об.); «на руках. . . перстьни златы» (*Т*, л. 379 об.); в летописной редакции — «перси» (*Э*, л. 449); «съговорих о налоне корабленем (плате)» (*Т*, л. 391); в летописной редакции — «от *колена* корабленем» (*Э*, л. 457); и т. д.[15] Имеются

[15] Вероятно, ошибкой летописной редакции следует считать и несколько раз повторяющееся упоминание о конях «в санех золотых» (*Э*, лл. 447, 453, 453 об.);

в летописной редакции также значительные пропуски в тексте (на одном из них мы остановимся ниже), которых нет в Троицком списке.

Значительная часть отклонений от протографа в обеих редакциях объясняется, очевидно, обычными погрешностями при переписке — пропусками или описками. Но различия между летописной редакцией и Троицким списком произошли не только от чисто механических причин. Уже Г. П. Уханов обратил внимание на черты сознательной обработки текста, бросающиеся в глаза при сравнении Троицкого списка с летописной редакцией: на то, что в редакции Троицкого списка «удалены явно тверские детали, а сама манера изложения сделана более книжной».[16] Это наблюдение представляется нам вполне справедливым. Действительно, в летописной редакции мы читаем, что Афанасий Никитин отправился в путешествие «от государя своего от великого князя Михаила Борисовича Тверскаго» (*Э*, л. 442); в Троицком списке определение Михаила Борисовича как «государя» Никитина опущено и сказано просто: «от великого князя Михаила Борисовича» (*Т*, л. 369); в летописной редакции в числе лиц, снарядивших Никитина, называется воевода, выдающийся политический деятель Твери времени великого князя Бориса Александровича, боярин Борис Захарьич (Бороздин); в Троицком списке упоминания о нем нет (там же). Такого же происхождения, очевидно, и еще одно отличие Троицкого списка от летописной редакции. В летописной редакции мы читаем такое описание дальнейшего пути Никитина: «. . . поидох с Углеча и приехал есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустили мя добровольно» (*Э*, л. 442 об.). Поскольку никакой «великий князь», кроме великого князя Тверского Михаила Борисовича, в предыдущем тексте не упоминается (Иван III упоминается ниже и именуется «великим князем Иваном»), не может быть сомнения, что «ыная грамота великого князя» — это вторая грамота Михаила Борисовича (первая была, очевидно, дана Афанасию при отправле-

---

в Троицком списке мы читаем вместо этого «в снастех» (*Т*, лл. 376, 385, 385 об.). Но не исключено, однако, что «санями» Никитин именует какую-либо форму индийских колесниц. Мы не исправляем поэтому слово «сани» в Эттеровом списке.

[16] Г. П. Уханов, ук. соч., стр. 7.

нии из Твери). В Троицком списке мы читаем вместо этого: «с Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою. И князь велики отпустил мя всея Руси добровольно» (*Т*, л. 369). Здесь совершенно непонятно, откуда взялся на Костроме «князь великий» и что значит «отпустил мя всея Руси». Если видеть здесь (как делали обычно исследователи) [17] указание на «великого князя всея Руси», т. е. Ивана III, то опять-таки непонятно, когда и каким образом у Никитина оказалась на Костроме «ыная грамота» этого князя. Очевидно, московский книжник, обрабатывавший протограф Троицкого списка, не хотел допустить, что Никитин мог путешествовать только на основании грамот тверского князя, и вписал пояснение к словам «князь великий» — «всея Руси». Приписка эта, сделанная, как обычно в таких случаях, над строкой, была внесена писцом Троицкого списка не на место, откуда и получился бессмысленный оборот «отпустил мя всея Руси добровольно».

Стилистическая правка в редакции, представленной Троицким списком, сводилась прежде всего к замене простых, бытовых выражений более книжными. Человек грамотный и любознательный, Афанасий Никитин не был профессиональным писателем-книжником и не умел (или не хотел) заниматься тонким «плетением словес». Рассказ о своем путешествии он начал в почти устной, немного монотонной манере: «Поидох от Спаса святого златоверхаго. . . и поидох вниз Волгою и приидох в манастырь Калязин. . . И с Колязина поидох на Углеч, с Углеча отпустили мя добровольно. И оттуду поидох с Углеча и приехал есми на Кострому. . . И отпустили мя добровольно. И на Плесо приехал есми добровольно. И приехал есми в Новгород Нижней. . . И они мя отпустили добровольно. . .» (*Э*, л. 442—442 об.). В Троицком списке этому безыскусственному рассказу придана более книжная форма; вместо четырехкратного повторения, «добровольно» встречается только два раза (*Т*, л. 369). Видоизменены в Троицком списке названия христианских праздников, вместо бытовых наименований даны официальные: языческая

[17] Так объясняет, например, это место И. П. Петрушевский и в комментариях к настоящему изданию (см. стр. 189).

«Радуница» заменена «Фоминой неделей» (*Э*, л. 444; *Т*, л. 371 об.), «Оспожин день» назван «Успеньем богородицы» (*Э*, л. 445 об.; *Т*, л. 374 об.; ср. 373 об.). Вместо устного «однова» (*Э*, л. 449) мы читаем в Троицком списке «единожды» (*Т*, л. 379 об.). В летописной редакции упоминаются индийские «мужики и жонкы» (*Э*, л. 444); в Троицком списке им соответствуют «мужи и жены» (*Т*, л. 372); в летописной редакции упоминаются «сосци голы» (*Э*, л. 444 об.); в Троицком — «груди голы» (*Т*, л. 372). Но особенно выразительна одна поправка. При описании индийской одежды Никитин многократно отмечает, что индийцы — от «слуг» до «бояр» и «князей» включительно — носят «фату», обогнутую «на гузне» (*Э*, л. 444—444 об.; ср. лл. 448 и 449). Редакция, представленная Троицким списком, постаралась устранить это грубое выражение — здесь мы читаем (несколько раз подряд), что фата у индиан обогнута «на бедрах» (*Т*, л. 372). Однако здесь же мы обнаруживаем и ясное свидетельство того, что редакция, отличающаяся более книжным изложением, является вторичной и что первоначальному тексту было свойственно просторечие. Как это часто бывает с редактором, исправляющим чужой текст, создатель троицкой редакции проявил непоследовательность, — удалив «гузно» в одном месте, он оставил его в других местах: как и в летописной редакции, здесь говорится, что у «Бута» «гузно» обвязано «ширинкою» и что богомольцы, съезжающиеся в Парват, носят «на гузне плат» (*Т*, л. 378 и 378 об.).

Восходящая, как и летописная редакция, к протографу, редакция, представленная Троицким списком, в ряде случаев, как мы видим, дальше отстоит от него в тех местах, где первоначальный текст Никитина был подвергнут в ней значительной стилистической и политической правке.

Как же можно представить себе историю дошедших до нас редакций «Хожения за три моря»? Летописная редакция «Хожения», как мы уже знаем, непосредственно связана с двумя летописями — Софийской II и Львовской. Как попало «Хожение» в состав этих летописей?

Из вступительной заметки летописца, читающейся во всех списках этой редакции, мы узнаем, что он «обрел» это послание в 1475 г.

(почему и поместил его под этим годом) и что тетради умершего Никитина, написанные «его рукою», были привезены в Москву «гостями» и переданы дьяку великого князя Василию Мамыреву (*Э*, л. 442). Опираясь, очевидно, на это свидетельство, Г. П. Уханов предположил, что «Хожение» было в конце XV в. включено в московскую великокняжескую летопись, а уже из нее попало в Софийскую II и Львовскую летописи XVI века.[18] Это предположение, однако, не подтверждается известными нам фактами истории летописания. Московский великокняжеский свод конца XV века дошел до нас — текст этого свода в редакции 90-х годов XV в. (Уваровский список) издан М. Н. Тихомировым в т. XXV «Полного собрания летописей»; косвенными отражениями этого же свода являются Симеоновская, Воскресенская и некоторые другие летописи. [19] Ни в одной из этих летописей нет ни «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, ни каких-либо упоминаний о нем. Что касается Софийской II и Львовской летописей, то в своей основной части обе эти летописи представляют свод 1518 г., весьма сложный и пестрый по своему составу. Официальная великокняжеская летопись отразилась главным образом в самой последней части этого свода — начиная с 1489 г. Основным источником известий XV века в своде 1518 г. была, как показал А. Н. Насонов, летопись совсем иного направления — летописный свод 1489 г., тесно связанный с враждебным Ивану III митрополитом Геронтием.[20] «Хожение за три моря» могло быть включено в состав летописи и сводчиком 1518 г., и его предшественником-летописцем, составлявшим свод 1489 г. Вступительная заметка к «Хожению» позволяет, на наш взгляд, склониться в пользу летописца 1489 г. «Хожение», как мы знаем, включено в летопись не под годом путе-

---

[18] Г. П. Уханов, ук. соч., стр. 7.

[19] А. А. Шахматов. Обозрение летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 256 сл.; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 176—186.

[20] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Известия АН СССР, Отдел гуманит. наук, 1930, № 10, стр. 715—716. Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. Труды ОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 163—166 и 185

шествия Никитина, и даже не под годом его возвращения, а под годом нахождения его летописцем. В 1475 г., указывает составитель летописи, «обретох написание Офонасия Никитина купца». Так сказать о себе мог только человек, занимавшийся летописной работой в 80-х годах XV в. Едва ли этим человеком мог быть составитель свода 1518 г., работавший через 40 с лишним лет после 1475 г. и бравший материал XV в. уже из чужих рук. Наоборот, сводчику 1489 г., давшему ряд острых и оригинальных известий за 60—80-е годы XV в., вполне естественно было упомянуть сравнительно недавнюю дату «обретения» записок Никитина.

Тенденции летописного свода 1489 г. объясняют и уже отмеченную особенность летописной редакции «Хожения»: сохранение этой редакцией в неприкосновенности специфически тверских черт текста Никитина. Злейший враг Ивана III, митрополит Геронтий не сочувствовал централизаторской деятельности великого князя — в своде 1489 г. мы встречаем, между прочим, прямые выражения сочувствия новгородским и тверским боярам; яркое описание «обид», понесенных тверскими боярами «от великого князя и от бояр» (московских) и «от его детей боярских о землях», содержится в этом своде под 6993 (1485) г.[21] При таких тенденциях летописец не имел никаких оснований исправлять упоминание Никитина о его «государе» Михаиле Борисовиче и о тверском воеводе Борисе Захарьиче.

Летописная редакция «Хожения» дошла до нас в трех списках — Эттеровом (Львовская летопись), Архивском и Воскресенском (Софийская II летопись). Установление взаимоотношений между этими списками затрудняется тем обстоятельством, что, как уже указано выше, в Воскресенском списке сохранилось только самое начало (вступительная заметка летописца) и конец «Хожения». Речь фактически может идти только о сравнении Эттерова списка с Архивским. Сравнение это позволяет сделать одно любопытное наблюдение. В начальной части «Хожения» текст Эттерова списка содержит значительный пропуск: здесь отсутствует все описание пути Никитина от Дербента до Гурмыза (Ормуза) — важный раздел

[21] ПСРЛ, VI, стр. 237.

рассказа, занимающий в Троицком списке почти лист текста. В Эттеровом списке пропуск этот обнаруживается в тексте, помещенном в середине листа 443 об.: от фразы «И Алильбег (дагестанский князь, — *Я. Л.*) того часа люди отслал» переписчик сразу и непосредственно переходит к фразе: «Поимаеть его море по двожды в день» (речь идет об острове Гурмызе; ср. *Т*, л. 371—371 об.). Обратившись к Архивскому списку, мы обнаруживаем точно такой же пробел в тексте, однако пробел этот занимает несколько иное место на листах рукописи. По почерку и бумаге [22] Архивский список Софийской II летописи может быть четко разделен на две части: первая часть охватывает лл. 1—195, вторая — от л. 196 до конца. Интересующий нас пропуск в тексте «Хожения» приходится как раз на грань между л. 195 об. и л. 196: последние слова на л. 195 об.: «И Алильбег того часа люди отслал»; первые слова на л. 196: «А поимает его море по двожды на день». Естественно возникает предположение, что пропуск текста связан в данном случае с утерей листа (видимо, последнего листа первой части рукописи) [23] при сплетении двух тетрадей

[22] В первой части рукописи преобладает бумага с водяным знаком «бычья голова» (Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, № 3732), относящаяся к 30-м годам XVI в. Во второй части — водяной знак «четырехконечный крест с раздвоенными концами», точно по Лихачеву не определяемый (ср.: С. М. Briquet. Le filigranes. Paris, 1907, №№ 5457 и 5443). Подобный знак встречается и на некоторых листах первой половины рукописи (например, лл. 123—170).

[23] Вторая часть Архивского списка имеет особый счет листов по тетрадям, сделанный (славянской цифирью) тем же почерком, что и основной текст этой части. Лист 196 имеет цифру а҃ (1), и, очевидно, вторая половина рукописи начиналась именно с этого листа. Между лл. 209 об. и 210 в Архивском списке имеется пропуск в тексте (не отразившийся в Эттеровом списке) — соответственно между тетрадной пометой в҃ (2), находящейся на л. 204, и пометой г҃ (3) на л. 210 — не 8 листов, как обычно, а 6 листов. Архивисты XVIII—начала XIX в., делавшие пометы в рукописи, предположили еще один дефект в Архивском списке, сделав между лл. 202 об. и 203 помету: «не хватает листа» (см. текстологическое примечание к *Э*, л. 447 об., прим. в). Однако это, по-видимому, неверно. Соответствующий пробел в тексте Архивского (как и Эттерова) списка находится, судя по сопоставлению с Троицким списком, не на том месте, где проходит грань между л. 202 об. и л. 203 Архивского списка — не между словами «змеи ходят

Архивского списка. Но если это так, и источником утраты этой части текста является Архивский список, то отсюда вытекает, что список этот был протографом (прямым или опосредствованным) Эттерова списка, где пропуск в тексте имеет уже вторичный характер.

Предположение это, однако, наталкивается на ряд серьезных возражений. Сопоставление текста Эттерова (*Э*) и Архивского (*А*) списка вовсе не обнаруживает такой тесной зависимости *Э* от *А*, которую можно было бы предполагать, если бы *А* был протографом *Э*. Напротив, текст «Хожения» передан в *Э* в общем лучше, чем в *А*, причем в некоторых случаях лучшие чтения *Э* таковы, что они не могли возникнуть в результате простого исправления текста догадливым переписчиком. Так, в *А* при перечислении лиц, снарядивших Никитина в путешествие, нет упоминания «владыки Генадья Тверьскаго»; в *Э* (как и в Троицком списке) это имя читается (*Э*, л. 442; ср. *Т*, л. 369); в *А* не упомянуто, что посол Асанбег, с которым ехал Никитин, просил татар-проводников провести его «мимо Хазтарахан»; в *Э* это указание имеется (*Э*, л. 442 об.; ср. *Т*, л. 369 об.), и т. д. Таким образом, если мы будем считать, что список *Э* (прямо или косвенно) восходит к *А*, то нам придется предположить, что у *Э* был, кроме этого, еще один, корректирующий источник, по которому *Э* (или вернее его непосредственный протограф) был выправлен, причем это корректирование ограничивалось только поправками текста или небольшими вставками над строкой без вклеивания текста при более существенных пропусках.[24] Верно такое предположение

по улицам» и «а длина ее две сажени», а между словами «длина ее две сажени» (относящимися к змее) и словами «в четвертые человек» (речь идет о четвертом образе Бута, ср. *Т*, л. 377 об.). Между лл. 202 об. и 203 Архивского списка нет никаких следов вырывания листа; тетрадный счет также не говорит о лакуне: л. 196 имеет помету а҃ (1), л. 204 — помету в҃ (2); между ними полные 8 листов. Очевидно, пропуск в тексте наличествовал уже в общем протографе всей летописной редакции; архивисты, видя непоследовательность в тексте, неправильно объяснили ее нехваткой листов.

[24] Примером такого корректирования, может быть, можно считать текст *Э* на л. 447. В *Т* здесь говорится (об Индии): «А земля людна велми, а сельскыя люди голы велмы, а бояре силны добре и пышны вельми» (*Т*, л. 376). В *А* слова «а сельские люди голы велми, а бояре силны добре» пропущены, и текст читается:

или нет, решить пока трудно: учтем, что *А* и *Э* представляют собой не просто тексты «Хожения», а списки двух летописей — Софийской II и Львовской; вопрос о их взаимоотношениях может быть решен только путем сопоставления обоих летописных текстов в целом.[25]

Редакция «Хожения за три моря», представленная Троицким списком, также связана с летописанием, но более косвенно, чем летописная редакция. «Хожение» помещено здесь в одном сборнике с летописным сводом конца XV в. — Ермолинской летописью, но не входит внутрь этой летописи, а представляет собой самостоятельную (последнюю, четвертую по счету) тетрадь сборной рукописи. Наличие в этом сборнике еще одной тетради, написанной после 1530 г., свидетельствует о том, что объединение его под единым переплетом произошло не ранее этого года. Список «Хожения» в составе Троицкого сборника относится к несколько более раннему времени — он написан в конце XV—начале XVI в. Какого происхождения этот список? Находился ли он (или его непосредственный протограф) в обращении до объединения его в едином сборнике с Ермолинской летописью, — этого мы не знаем. Некоторый свет на историю троицкой редакции может, как будто, пролить сборник БЛ, Муз. № 3271, — древнейший список, содержащий фрагменты из «Хожения». Текст, сохранившийся в этом списке, имеет, как заметил А. А. Зимин, одно характерное сходство с текстом Троицкого

«А земля людна велми и *пышна* велми». В *Э* — тот же пропуск, но последние слова читаются «*пышны* велми», т. е. текст совпадает (приведен в соответствие?) с *Т*, но множественное число не имеет смысла из-за пропуска предшествующих слов о боярах.

[25] Беглое сопоставление текста Архивского списка Софийской II летописи с Эттеровым списком Львовской обнаруживает ряд черт особой близости между ними. Так, в первоначальном тексте Архивского списка под 6914 г. не было завещания Киприана (лл. 10 об. и 15; затем это завещание на лл. 11—14 об. было вклеено; в Воскресенском списке оно в тексте — ГИМ, Воскр., № 154, лл. 1082 об.—1084); нет его и в Эттеровом списке (ГПБ, F.IV.144, л. 316 об.); в первоначальном тексте Архивского списка не было известий конца 6928—начала 6931 г. (вклеены лл. 37—39; в Воскр. в тексте — л. 1098—1098 об.); нет их и в Эттеровом списке (л. 332).

196

Здесь нехватает листов двух.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Листы 195 об.—196 из Архивского списка (Софийская II летопись) XVI в.

списка — здесь, как и в Троицком (см. текстологические примечания к Троицкому списку, л. 374, прим. а—д), вместо «Гундустаньскую землю» (*Э*, л. 445 об.) читается «Густаньскую землю». Сборник Муз. № 3271 имеет довольно определенное лицо — в его состав входит ряд статей, связанных с «обличением» новгородской ереси конца XV в. (рассказ 1490 г. об испанской инквизиции, соборный приговор новгородским еретикам и т. д.). А. Д. Седельников связывал этот сборник с окружением новгородского архиепископа Геннадия — одного из главных «обличителей» ереси.[26] Использование в этом сборнике троицкой редакции «Хожения» говорило бы об обращении этой редакции в кругах, так или иначе связанных с «обличителями» ереси. Однако на основании единственного совпадения уверенно относить фрагмент из сборника Муз. № 3271 к троицкой редакции было бы преждевременно — ошибочное написание «Густаньскую» могло быть и в авторском протографе. Состав Троицкого сборника М.8665 дает основание для другой догадки — как и Ермолинская летопись, как и ряд памятников церковной литературы, сохранившихся в сб. М.8665 (Иоанн Златоуст, Епифаний и др.), «Хожение» могло сохраниться в архиве В. Д. Ермолина, большого любителя книжности, поставлявшего рукописные книги даже за литовский рубеж.[27] Восходя, как и летописная редакция, к «тетрадям» Никитина, доставленным Мамыреву, текст троицкой редакции представлял собой уже, как мы отметили, московскую литературную обработку «Хожения за три моря».[28]

---

[26] См.: А. Д. Седельников. Рассказ 1490 г. об инквизиции. Труды Комиссии по древнерусской литературе, I, Л., 1932, стр. 48—49.

[27] А. Д. Седельников. Послание от друга к другу. Известия АН СССР, Отдел. гуманит. наук, 1930, № 4, стр. 223—238.

[28] Существуют некоторые основания предполагать связь между В. Мамыревым и архиепископом Геннадием: в Новгородской летописи по Хронографическому списку, представляющей, по нашему мнению, свод Геннадия (ср. нашу указ. статью «Из истории русского летописания конца XV в.», стр. 175—178), содержатся подробные и отсутствующие в официальной великокняжеской летописи известия о Мамыреве в связи с известием о его смерти (ПСРЛ, IV, СПб., 1848, стр. 157).

Редакция, содержащаяся в списках Ундольского и F.XVII.17, представляет собой уже иной, новый этап в истории текста «Хожения». Характерной особенностью этой редакции является тщательное удаление всех черт религиозного свободомыслия и терпимого отношения к нехристианским религиям, которые были свойственны Афанасию Никитину.[29] Так, в этой редакции из текста исключено рассуждение автора (по поводу могущества «султана индейского бесерменского») о том, что «правую веру бог ведает, а праваа вера бога единаго знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту» (*Т*, л. 389 об.) — в списке Ундольского мы читаем просто: «такова есть сила султана индейскаго» (*У*, л. 316; список F.XVII.17 прибавляет «бесерменскаго»). Вместо отожествления индийского «намаза» с русской молитвой — «А намаз же их на восток по-руськы» (*Т*, л. 369 об.), эта редакция лаконично указывает: «А поклоны их на восток» (*У*, л. 308). К мусульманской легенде о наказании города Рея за убийство шаха Хусейна эта редакция осторожно добавляет: «. . . яко же безвернии бают в прелести своей» (*У*, л. 302). Заодно опущены (или частично переведены) почти все обращения к богу на восточном языке, встречающиеся в тексте Никитина.

Такая обработка первоначального текста, произведенная, очевидно, уже в XVII в. (к которому относятся оба списка этой редакции), находит близкую аналогию в истории другого памятника древнерусской литературы — сочинений Ивана Пересветова. В «Сказании о Петре, воеводе Волосском» — переработке большой челобитной Пересветова, сделанной в XVII в., — точно так же, как и в редакции XVII в. «Хожения за три моря», из оригинала удалены все черты свободомыслия и религиозной терпимости и тексту придан антимусульманский характер.[30]

Каково происхождение редакции XVII в. «Хожения за три моря»? Уже К. Н. Сербина отметила близость текста списка Ундольского к тексту Троицкой редакции.[31] Эту близость можно подтвердить

---

[29] Г. П. Уханов, ук. соч., стр. 7.

[30] Ср.: Сочинения И. Пересветова, М.—Л., 1956, стр. 359.

[31] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 133.

множеством примеров. В обеих редакциях мы находим ряд совершенно одинаковых погрешностей в тексте: вместо «дория Гондустаньская» читается: «горы Гондустаньские» (*У*, л. 300 об.; ср. *Т*, л. 369); вместо «салтан невелик» — «салтан великий» (*У*, л. 306, ср. *Т*, л. 376); вместо «почку» — «посыку» (*У*, л. 311; ср. *Т*, л. 382); вместо «Сул-ханом» — «султаном» (*У*, л. 315; ср. *Т*, л. 389), и т. д. Отразились на редакции XVII в. и характерные общие особенности троицкой редакции — удаление тверских деталей и «очищение» языка от просторечия («бедра» вместо «гузна» и т. д.). Редакция XVII в. сохранила и еще одно специфическое место троицкой редакции. Как мы уже отмечали, в летописной редакции «Хожения» упоминалось, что Никитин, выехавший из Твери от «своего государя великого князя Михаила Борисовича», приехал на Кострому с «ыною грамотою великого князя». Троицкая редакция, в соответствии со своей антитверской тенденцией попыталась превратить этого «великого князя» в московского, но сделала это неудачно, в результате чего в Троицком списке возникла не совсем ясная фраза: «И князь великий отпустил мя всея Руси доброволно». В редакции XVII в. эта неуклюжая фраза оказалась исправленной [32] на: «И князь великий всея Росии отпустил мя доброволно», в результате чего весь оборот стал понятней, хотя по-прежнему неясно, как «князь великий всея Росии» оказался в Костроме.

Имела ли редакция XVII в. иные источники, кроме троицкой редакции «Хожения»? Некоторые основания для такого предположения как будто дают отдельные чтения списка Ундольского и F.XVII.17. Так, в обоих этих списках третье море, пройденное Никитиным, именуется «морем Чермным» (*У*, л. 300 об.) так же, как в Архивском списке летописной редакции (*А*, л. 193 об.) и в отличие от Эттерова списка той же редакции и Троицкого списка. В списке F.XVII.17 так же, как в Эттеровом списке, читается «Геннадия Тверскаго», хотя в списке Ундольского (*У*, л. 300 об.), как

---

[32] Это чтение редакции XVII в. может также объясняться не исправлением текста, а тем, что эта редакция восходит к протографу Троицкого списка, где слова «всея Руси» не были еще помещены на несоответствующее место.

и в Троицком (*Т*, л. 369), читается (сразу о князе и владыке) «Тверских». В списках Ундольского и Троицком мы читаем о «добром

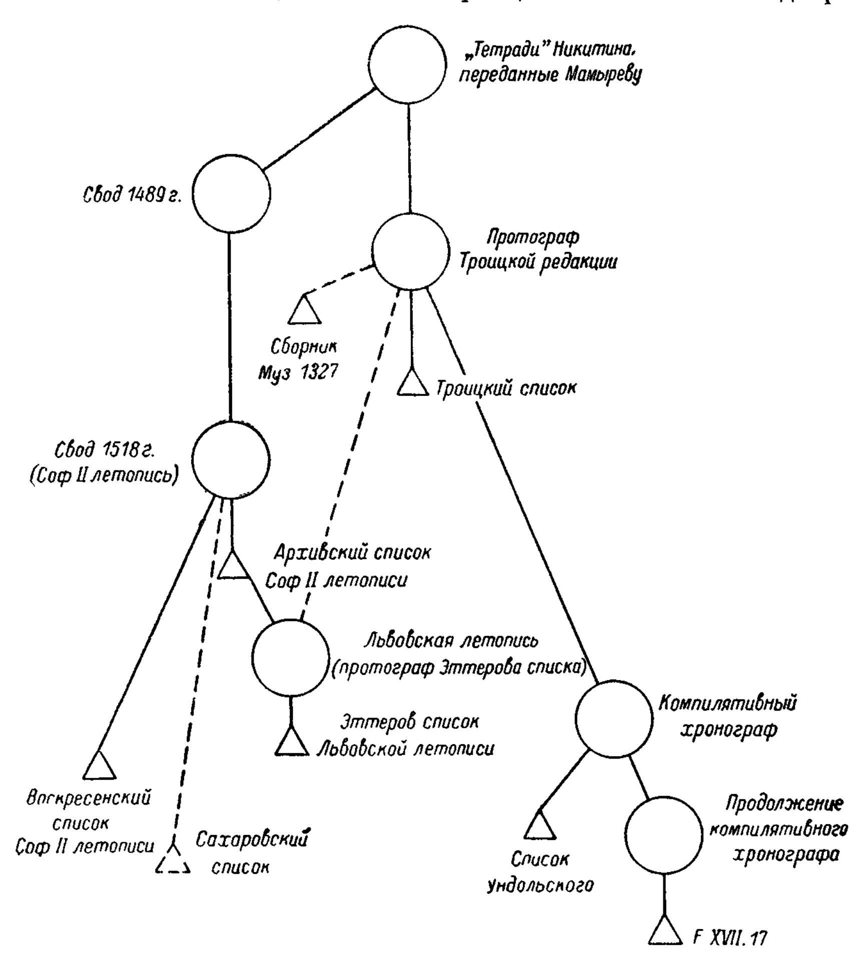

Схема происхождения списков «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.

обилии» в «Гурзынской» (Грузинской?) земле (*У*, л. 313 об.; ср. *Т*, л. 386); в списке F.XVII.17 и летописной редакции (*Э*, л. 453 об.) — «в Гурмызской земле». Наконец, некоторые чтения редакции

XVII в. могут показаться более удачными, чем чтения всех остальных текстов, — например отмеченное уже К. Н. Сербиной место об «оленьих пупах» (*У*, л. 311 об.; ср. *Т*, л. 312, *Э*, л. 452).[33]

Однако все эти наблюдения не представляются нам достаточными для того, чтобы говорить о наличии у составителя редакции XVII в. других текстов «Хожения», кроме троицкой редакции. Ни одно из приведенных чтений в списках XVII в. не свидетельствует о влиянии на редакцию XVII в. протографа «Хожения» или летописной редакции, — все они могли быть делом рук переписчиков, следствием их догадливости, способности исправить текст по смыслу, или, наоборот, результатом описки: недаром в ряде приведенных нами примеров чтения двух списков редакции XVII в. (Ундольского и F.XVII.17) оказываются различными. В целом же редакция XVII в. настолько близка к троицкой (даже в явных описках), что ее необходимо выводить именно из троицкой редакции.[34]

«Хожение за три моря» в редакции XVII в. дошло до нас в составе поздней летописной компиляции или хронографа. Состав этой компиляции по списку Ундольского разобран А. Н. Насоновым, указавшим, что источниками ее были Никоновская летопись, Степенная книга и т. п. и что в конце летописного рассказа приведены рассуждения о смерти царевича Ивана Ивановича.[35] В списке F.XVII.17 содержится та же летописная компиляция, но она не

---

[33] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 134. — Лучшим чтением можно было бы считать и чтение списка Ундольского «добрых трав у них (индиан) нет» (*У*, л. 308), вместо «добровтра у них нет». Однако поскольку слово «добровтра (добровта)» читается во всех остальных списках, включая список той же редакции F.XVII.17, то скорее здесь следует видеть обычную замену переписчиком непонятного ему термина XV в. понятными словами.

[34] К XVIII в., по-видимому, относятся те любопытные замечания на полях, которые читаются в списке Ундольского. Некий скептический читатель дважды пометил словом «неправда» известия Никитина (в частности, его слова, что «в Гурмызе есть варное солнце, человека сожжет») и в начале рукописи назвал всё это произведение «фалшивой историей». Эти записи на полях мы приводим в текстологических примечаниях.

[35] А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 265.

завершается рассказом о гибели Ивана Ивановича и о других «крамолствах» Ивана IV, но продолжена до 1637 г. «Хожение» помещено здесь не под 1475, а под еще менее подходящим 1461 годом, что лишний раз свидетельствует о независимости редакции XVII в. от летописной.

«Хожение за три моря» печатается в настоящем издании по трем спискам, отражающим три основных редакции памятника: по Троицкому списку М.8665 (*Т*) с разночтениями по списку Муз. № 3271 (*М*); по Эттерову списку F.IV.144 (*Э*) с разночтениями по Архивскому списку № 371/821 (*А*), Воскресенскому списку № 154б (*В*) и Сахаровскому изданию (*С*) и, наконец, по списку Ундольского № 754 (*У*) с разночтениями по списку ГПБ F.XVII.17 (*Б*).

Перевод сделан с текста Троицкого списка, однако в нем учтены по Эттерову списку те разночтения летописной редакции, которые точнее воспроизводят авторский оригинал.

Я. С. Лурье.

ВАРИАНТЫ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Троицкий список

Л. 369. [а]*Испр.*; *Т* гори. Л. 369 об. [а]*Т* не *надписано над строкой.* [б]*Т перед* Азътархань *поставлен другим почерком знак вставки.* Л. 370 об. [а]*Испр.*; *Т* ширваишабѣгъ. Л. 371—371 об. [а—в]*Этот отрывок читается в М.* [а—б]*М* В Корею. [г]*Испр.*; *Т* горы. Л. 372 об. [а]*Испр.*; *Т* мекикътучяровъ, *на поле другим почерком* меликъ. Л. 373. [а]*Испр.*; *Т* великы. [б]*Т* ки *над строкой.* Л. 374. [а—д]*Этот отрывок читается в М.* [б]*М* братье. [в]*Испр. по М; Т* въсклину. [г]*М* меня. Л. 374 об. [а]*Т над первым* ъ *надписано* о. [б]*Т над* вѣдь *другим почерком надписано* ми. Л. 375. [а]*Т другим почерком* А передъ хоросанцами ѣздятъ на конѣхъ. Л. 376. [а]*Т впереди другим почерком приписано* не. [б]*Т* нняжат, *над первой буквой надписано другим почерком* к. [в]*Т* воють; *второе* ю *надписано другим почерком.* [г]*Т другим почерком исправлено на* Меликътурчаръ. [д]*Испр.*; *Т* рокши. [е]*Испр.*; *Т* ни. Л. 376 об. [а]*Испр.*; *Т* нами. Л. 377. [а]*Т* не *надписано сверху.* Л. 377 об. [а—з]*Этот отрывок читается в М.* [а—б]*Испр. по М*; *Т* А вѣрѣ. [б—в]*М* во Индьи всех 84. [г]*Вставлено из М*: *Т нет.* [д]*М* женятся. [е]*М* да *нет.* [ж—з]*М* никаа вѣра. Л. 378 об. [а]*Испр. Т* пи. [б]*Испр.*; *Т* по урьскы; *на поле другим почерком* по руски. Л. 379. [а]*Т другим почерком исправлено на* доброты. [б]*Испр.*; *Т* беликомъ. [в]*Испр. Т* брату. Л. 379 об. [а]*Испр.*; *Т* тету. Л. 380. [а]*Испр.*; *Т* едиединъ [б]*Испр.*; *Т* марта. [в]*Испр.*; *Т* заговѣгь. Л. 380 об. [а]*Испр.*; *Т* нет. [б]*Испр.*; *Т* да. Л. 381. [а]*Т на поле другим почерком* емлеть. [б]*Т на поле другим почерком* изъ Арабстани. Л. 381 об. [а]*Т* на *над строкой.* Л. 382 об. [а]*Т на поле другим почерком* чюми. [б]*Т на поле другим почерком* до Келекота мць итить. [в]*Испр.*; *Т* посыку; *на поле другим почерком* почку. Л. 383. [а]*Т над строкой другим почерком* локоть. Л. 383 об. [а—в]*Этот отрывок читается в М.* [а—б]*М* Бедеръ бесерменскыи благовѣрнии русстии християне. [в]*М* христианские. [г]*Испр.*; *Т* ме. Л. 384 об. [а]*Испр.*; *Т* отмо. [б]*Т* смотрилъ *переправлено из* былъ. [в]*Испр.*; *Т* а соль; *на поле другим почерком* а лось. Л. 385. [а]*Испр.*; *Т* всъ. [б]*Испр.*; *Т* окаваны. Л. 385 об. [а]*Испр.*;

Т всѣх. [б]*Испр.*; *Т* зоромъ. Л. 386 об. [а]*Испр.*; *Т* не *приписано другим почерком над строкой.* Л. 387. [а]*Т на поле другим почерком* сыты. [б]*Испр.*; *Т* взала. [в]*Испр.*; *Т* стоалъ. [г]*Испр.*; *Т* стрѣти. Л. 387 об. [а]*Испр.*; *Т* Каминиктучара. [б]*Т на поле другим почерком* пришнемъ. Л. 388. [а]*Т на поле другим почерком* по. Л. 388 об. [а]*Т на поле другим почерком* идейскихъ. [б]*Испр.*; *Т* шедесять. Л. 389. [а]*Испр.*; *Т* кованных. [б]*Т на поле* рати своей а пѣших 20 000. Л. 389 об. [а]*Испр.*; *Т* двѣ, *другим почерком приписано* сти. Л. 390. [а]*Испр.*; *Т* рогы; *на поле другим почерком* ровы. [б]*Испр.*; *Т* пушами. Л. 390 об. [а]*Испр.*; *Т* тух. [б]*Испр.*; *Т* Конакельберга. Л. 391. [а]*Испр.*; *Т* Ефимьскыя. [б]*Испр.*; *Т* из дѣла. [в-в] *Т дважды.* Л. 391 об. [а]*Испр.*; *Т* Акверху. [б]*Испр.*; *Т* А испагани. [в]*Испр.*; *Т* А исултании. [г]*Испр.*; *Т* Раду. Л. 392. [а]*Испр.*; *Т* харнъ; *сверху надписано другим почерком* чь. [б]*Т на поле приписано другим почерком* что мелочь добренькая инѣ выграбили все. [в]*Испр.*; *Т* Планѣ; *надписано другим почерком* та.

Эттеров список

Л. 442. [а]*АВ* да. [б]*Здесь обрывается текст списка В.* [в]*Э* под Казанью *над строкой.* [г]*Испр.*; *ЭА* хвалится. [д]*А* море *нет.* [е]*А* Чермное. [ж]*А* Стебельская. [з]*А* святаго Спаса. [и—к]*А нет.* Л. 442 об. [а]*А* оттоле. [б—в]*А* князь великаго. [г]*А* еси. [д—е]*Э вставка на поле*; *А в тексте.* [ж]*А* Иоанна. [з]*А* дали. [и—к]*А нет.* Л. 443.[а]*А* Хазтарокань. [б]*А* Буигне. [в]*А* татаронов. [г]*А* язю. [д]*А* Тархык. Л. 443 об. [а]*А* Асамбѣгу. [б]*А* к Усанъбѣг. [в]*Испр.*; *АЭ* ко Варшибегу. [г]*А* их *нет.* [д]*А* же *нет.* [е]*А здесь оканчивается л. 195 об.*; *на нижнем поле л. 195 об. и 196 другим почерком* здесь нехватает листов двух. Л. 444. [а]*А* Чювиля. [б]*А* головы. [в]*А* а *нет.* Л. 444 об. [а—б]*А* пошли есмя сухом. [в]*А* наі 20 ти. [г]*А далее* добрых. Л. 445. [а]*А* осподарыни. [б—в]*А* осподарыни. [г]*Испр. по А*; *Э* тортки. [д]*А* бесерменин. Л. 445 об. [а—б]*А нет.* [в]*А* поиди. [г—д]*А* много всего. [е]*Испр.*; *ЭА* ни *дважды.* [ж]*А* ни. Л. 446. [а]*А* весь. [б]*Э последние буквы* мы *написаны по выскобленному*; *А* вѣди. [в]*А* тати. [г—д]*А* и бояря все хурустанци *на нижнем поле.* [е]*А* съ стрелами. Л. 446 об. [а—б]*Испр. по А*; *Э* коней тысящь. [в]*А* Индустаньской. [г]*А* кукь. [д—е]*А* ея хощет. [ж—з]*Э эти слова на поле*; *А в тексте.* [и—к]*А* есть у них. [л]*А* ся жалуют. [м—н]*А* есть у них. Л. 447. [а]*Испр. по А*; *Э* оца. [б]*Испр. по А*; *Э* казы. [в]*Испр*; *Э* похвалы; *А* похвала. [г]*А далее* у них. [д]*Испр.*; *Э* пышны. [е]*А* 10 000 тысящь. [ж]*А* 50 000 тысящь. Л. 447 об. [а—б]*Э на поле*; *А на поле другим почерком.* [в]*А кончается л. 202 об., начинается л. 203*; *на нижнем поле другим почерком* Не хватает листа. [г]*А* весь хвостомъ. [д]*А* наго. [е]*Испр.*; *ЭА далее* не. [ж—з]*А* всѣ волосы на себѣ. Л. 448. [а]*А* на *на поле.* Л. 448 об. [а—б]*А* правою рукою. [в]*А* истянет. [г—д]*А* дитя ся родит. [д—е]*А на поле.* [ж]*А* бесерменски. [з]*Испр.*; *ЭА* Кока. Л. 449. [а]*Испр.*; *ЭА* перси. [б]*Испр.*; *ЭА* какомъ. [в—г]*А вписано другим почерком на нижнем поле.* Л. 449 об. [а]*А* авратиля. [б]*А* рагимелло. Л. 450. [а]*А* и *нет.*

[б]*Испр. по А*; *Э* киндяди. Л. 450 об. [а]*А* сумбамда. [б]*А* денгѣ. [в]*А* шолку. [г]*А* Пѣвгу. Л. 451. [а]*А* сандал. [б]*А* бабугари. Л. 451 об. [а—б]*А* наковна. [в]*А* чарашешькѣнь. [г]*А* аукников. [д—е]*А* от леней; *Э* о *надписано над* леней. [ж]*А* скус. Л. 452. [а]*Испр. по А*; *Э* Гунстанѣ. [б]*А кончается л. 209 об.*; *на середине слова* мно *обрывается текст*; *на нижнем поле другим почерком* недостал (?) листъ. Л. 452 об. [а]*А начинается л. 210 с конца слова* ща. [б]*А* бесерменском. Л. 453. [а]*А* шти. [б]*А* пропорца. [в]*Э далее на поле вставка* да снасть золота да все золото; *А эти слова в тексте.* [г]*Испр. по А*; *Э* теремцов. [д]*Испр. по А*; *Э* камнѣ. [е]*А* наствупил. Л. 453 об. [а—б]*А* его многое множество людиі. [в]*Испр.*; *ЭА* дни *нет.* [г]*А* Ляпе. Л. 454. [а]*А* будуниада. [б]*А* екьтур. [в]*Испр.*; *ЭА* булкъ. [г—д]*Испр.*; *Э* мѣру; *А* вѣру. Л. 454 об. [а]*А* году. [б—в]*А* верблюдов 300. [г]*Э буквы* ли *надписаны сверху.* [д]*А* ночь. [е—ж]*А* человек тысяч. Л. 455. [а]*А* возырепей. [б]*А* индѣянинъ; *далее написано и зачеркнуто* вы. [в]*А* с. Л. 455 об. [а]*А* Молханом. [б]*А* 7. [в]*А* горты. Л. 456. [а]*А* Индѣиских. [б]*А* ещо. [в]*А* Махмет. [г]*А* страстью. [д]*А* война ся. [е]*Испр.*; *ЭА* уда. Л. 456 об. [а—б]*А* его страну. [в]*Э далее написано и зачеркнуто* пришла гора велика. [г]*А* его не, *Э* не *вытерто.* [д—е]*А* полону голову. [ж]*А* денги. Л. 457. [а]*А* а. [б]*А* Дакбіл. [в]*А* а *вытерто.* [г]*Испр.*; *ЭА* от колѣна. [д—е]*А* глава своея. [ж]*А* насипь. Л. 457 об. [а]*А* по-русскы. [б]*А* государю. [в]*Испр. по А*; *Э* пограби. [г]*Отсюда начинается текст С.* [д]*АС* 6-ой. [е]*А* был, *С* же был. [ж]*АС* 3. [з]*А* дні. [и]*С* Ширязи; *А так.* [к]*С* Бергу, *А так.* [л]*А* Велергу, *С* Бергу. [м]*С* Спагани, *А так.* [н]*С* проидох, *А так.* [о]*С* Кашена, *А так.* [п]*С* Кашени, *А так.* [р]*А* Саву, *С* Савы. [с]*С* в, *А так.* [т]*С* Тавризя. [у]*Э* ъ *переправлено из* о; *А* раду; *С* орду. [ф]*Испр. по А*; *Э* Асанбѣбъ. [х]*А* в-ърдѣ. [ц]*С* он послал, *А так.* [ч]*АС* Арцицану. [ш]*С* Арцицана, *А так.* [щ]*С* Трепизонт, *А так.* Л. 458. [а]*А* Тряпизоне, *С* Трепизонте. [б]*С* 15, *А так.* [в]*С* на кораблѣ, *А так.* [г]*Испр. по С*; *Э* харнь; *А* харнь, *но* н *выскоблено.* [д]*С* Трепизонте, *А так.* [е]*АС* шюбашь. [ж]*С* мелочь была, *А так.* [з]*С* и они, *А так.* [и]*С* обыскивали, *А так.* [к]*С* Чернаго, *А так.* [л]*С* Стамболская, *А* Стімболскаа. [м]*АС* вѣтри. [н]*С* възратиша, *А так.* [о]*А* Тряпизону, *С* Трепизонту. [п—р]*А* злю бившю *С* злобившу. [р]*Кончается текст С.* [с]*А* знаемъ. [т]*А* сыкъ. Л. 458 об. [а]*А* ляляса. [б]*А* алькахару. [в]*А* аньвахазу. [г]*А* альфатаху. [д]*А* альрравию.

Список Ундольского

Л. 300. [а]*У на поле другим почерком* начало фалшивой істории. [б]*Б* Никитин. [в]*Б* хожение. Л. 300 об. [а—б]*Испр.*; *У* горы Гондустансясые; *Б* горы Гондустанъские. [в]*Испр. по Б*; *У пропущена заглавная буква* П. [г]*Б* Тверскаго. [д]*Б* приидохом. [е]*Б* и *нет.* Л. 301. [а]*Испр.*; *УБ* ними. [б]*Испр.*; *УБ* ширваншебугу. [в]*Б* Тархы. Л. 302. [а]*Б* Иаину. [б]*Б* изс. [в]*У на поле другим почерком* неправда. [г]*Испр. по Б*; *У* дна. [д]*У на поле другим почерком*

неправда. Л. 302 об. [а]*Б* ледъ. [б]*Испр. по Б*; *У* с *нет.* [в—г]*Испр. по Б*; *У нет.* Л. 303. [а]*Испр.*; *УБ* Мекиктугаров. Л. 303 об. [а—б]*Испр. по Б*; *У* не делан *дважды.* Л. 304. [а]*Б* и *нет.* Л. 304 об. [а]*Б* и *нет.* [б]*Б* такоже. Л. 305 об. [а]*Б* не. [б]*Испр.*; *УБ* гостустанцы. Л. 306. [а]*Б* пыщны. [б]*Испр. по Б*; *У* доспѣх. Л. 307. [а]*Б* хонили. [б]*Б* а. [в]*Испр.*; *УБ* дѣ. [г]*Б* а образ. [д]*Б* все. Л. 307 об. [а]*Б* цвѣты сыплють. [б]*Б* кичири. Л. 308. [а—б]*Б* добровтра. [в]*Б* говорять. [г]*Испр.*; *УБ* брату. Л. 308 об. [а]*Б* пепелом. [б]*Б* пятнадцать. Л. 309. [а]*Б* и *нет.* [б]*Б* неба. [в]*Б* а. [г]*Б*; дней. [д]*Испр. по Б*; *У* Бабыля. [е]*Б* Гундустани. [ж]*Испр. по Б*; *У* Шибанта. [з]*Б* Нѣвгу. Л. 309 об. [а]*Испр. по Б*; *У пропущена заглавная буква* К. Л. 310. [а]*Испр. по Б*; *У пропущена заглавная буква* С. [б]*Испр. по Б*; *У* инбатское. [в]*Б* Шаибате. [г]*Б* А в. [д]*Испр.*; *У пропущена заглавная буква* Ч; *Б* Чипское. Л. 310 об. [а]*Испр.*; *У* гариго; *Б* гаригом. [б]*Б* Шаибат. [в]*Б* А до. [г]*Б* локоть. Л. 311. [а—б]*Испр. по Б*; *У нет.* [в]*Испр.*; *УБ* жилове. [г]*Б* бесерменя. [д]*Б* аукиков. [е]*Испр.*; *Б* пуле. Л. 311 об. [а]*Испр. по Б*; *У нет.* [б—в]*Б* 10 месяць итти. [г]*Б* и. [д]*Б* зжаливсся. [е]*Испр.*; *УБ* заиже. Л. 312. [а—б]*Б* во Индѣи з бесермены. Л. 312 об. [а—б]*Б* в булатных доспесех. [в]*Б* верблюдовъ. [г]*Испр. по Б*; *У* с *нет.* Л. 313. [а]*Испр. по Б*; *У* золотохъ. [б]*Б* читы. [в]*Б* копьи. Л. 313 об. [а]*Б* 3 дни. [б—в]*Испр. по Б*; *У дважды* силен. [г]*Б* Чеготани. [д]*Б* Гурмызской. [е]*Б* Гундустана. Л. 314. [а—б]*Испр. по Б*; *У нет.* [в]*Б* Гундустани. [г]*Испр. по Б*; *У* хантовъ. Л. 315. [а]*Б* вторник. [б]*Испр. по Б*; *У* руска *переправлено из* роска. [в]*Б* богородица. Л. 315 об. [а]*Б перед* тысяч *пробел.* Л. 316. [а]*Б* индѣйскаго бесерменскаго. Л. 316 об. [а]*Б* 3. [б]*Б* съ *нет.* Л. 317. [а]*Б* Курули. [б]*Б* Калики. Л. 317 об. [а]*Б* хлѣбы. Л. 318. [а]*Испр.*; *УБ* рати *дважды.* Л. 318 об. [а]*Б* Стимболская. [б]*Б* Трапезону. [в]*Испр.*; *У* Тланѣ; *Б* Планѣ. [г]*Б* Тъкрозофу.

КОММЕНТАРИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ

[1] За молитву святых отець наших. . .* — обычная формула, которой начинаются некоторые православные церковные службы. Применялась иногда древнерусскими писателями во вступлении к литературным произведениям, преимущественно учительного характера. Афанасий Никитин подчеркивает таким вступлением серьезную цель своего рассказа о путешествии.

[2] Море Дербеньское, дория Хвалитьскаа — Каспийское море. В странах Передней и Средней Азии в XIII—XV вв. это море все еще чаще называли архаическим именем моря Хазарского, как и в IX—X вв.; однако наряду с этим в ходу были и другие названия, образованные от имен лежавших на побережье этого моря областей и городов: море Дербендское, море Гилянское, море Табаристанское, море Джурджанское, море Хорасанское, море Абескунское. Название моря Хорезмийского давалось Каспийскому морю вследствие распространенного в средние века среди многих мнения, будто «море Хорезмийское» в собственном смысле (т. е. Аральское море) соединяется с Каспийским. Персидский географ и историк первой половины XIV в. Хамдаллах Казвини отмечает ошибочность этого мнения. Тот же автор указывает, что «чернь называет его (Хазарское, т. е. Каспийское море) морем Кульзумским, но они ошибаются»: географы называли морем Кульзумским (по имени древней гавани Клизма) Красное море. Со времени монгольского владычества Каспийское море начинают именовать также морем Бакинским (Mar di Bachu — Контарини, Барбаро) вследствие роста значения Баку как морского порта (см. ниже прим. 31). Последнее название было известно в XV в. и на Руси, как видно из приводимого И. И. Срезневским отрывка из сборника «От книг божественных чтения». Афанасий Никитин приводит два известных ему названия Каспия: «море Дербен[д]ское» и «дория Хвалитьская», т. е. «море Хвалисское». Форма «Хвалисы» русской летописи, видимо, восходит к греческой форме «Хвалис»: в памятнике VIII в. — списке епископий (Notitia episcopatuum, опубликована де Боором в 1891 г.) упомянута православ-

* Текст «Хожения» в комментарии дается в упрощенной орфографии: ѣ, і заменяется через е, и; ъ в конце слов не воспроизводится.

ная епископия в Хвалисе (ὁ Χουαλῆς). Византинисты Ю. А. Кулаковский и А. А. Васильев предполагали местонахождение Хвалисы, Хвалы в устьях Волги. Акад. В. В. Бартольд доказал, что имена «Хвалис» и «море Хвалисское» («Хвалынское») означают «Хорезм», «море Хорезмское» и образованы от арабизованной формы «Хваризм» (В. В. Бартольд. История изучения. . ., стр. 166). Сейчас этот вывод принят всеми специалистами (С. П. Толстов и др.). — Дория — перс. «дарйа», «дарья» — море, большая река.

[3] Море Индейское, дория Гондустаньскаа — обычное в то время у мусульман название Индийского океана — ар.-п. бахр-и Хинд, бахр-и Хиндустан, дарья-и Хиндустан (=«Гондустань» нашего автора). О термине дория-дарья см. прим. 2.

[4] Море Черное, дория Стемъбольскаа — Черное море. В XIII—XV вв персидские и арабские географы обычно называли его морем Румским (от «Рум» — «[Восточно]-Римская империя», т. е. Византия, Малая Азия), морем Костантинийэ, т. е. Константинопольским, морем Бонтус («Понт Эвксинский» греков), иногда морем Франкским (*бахр-и Фиринг*). Последнее название, впрочем, чаще давалось Средиземному морю; Черное море нередко рассматривалось восточными географами как часть Средиземного или его залив. Выражение «море (=дория) Стемъбольское» (=Стамбульское) идентично названию «море Костантинийэ» — «бахр-и Костантинийэ». Стамбул, Истанбул, Истанбол — тюркизованная форма греческого народного названия Константинополя «Истимполи» (от греч. εἰς τὴν πόλιν «к городу»), известного задолго до завоевания Константинополя турками в 1453 г. как мусульманам (استنبول, чаще اصطنبول, наряду с литературной формой قسطنطينية — Костантинийэ), так и европейцам. Оно встречается в XIII в. у авторов Ибн ал-Асира и Якута, в XIV в. у историка Рашид-ад-дина, у географов Абу-л-Фиды и Димашки, у путешественника Ибн Батуты, в начале XV в. у путешественника Клавихо (в форме Escomboli) и др.

[5] Спаса златоверхаго — кафедральный собор в Твери (ныне Калинин), по имени которого Тверь и Тверская земля именовались иногда в документах «домом святого Спаса». Каменный собор, о котором идет речь, был построен в конце XII в.; во второй половине XVII в. на месте его было воздвигнуто новое здание собора.

[6] Михаил Борисович — великий князь тверской (1461—1485 гг.), сын великого князя тверского Бориса Александровича (1425—1461 гг.), помогал великому князю московскому и всея Руси Ивану III Васильевичу в борьбе за освобождение от татарского ига, позже боролся с Иваном III за независимость своего княжества. После того, как в 1485 г. «взя град Тверь и все великое княжество Тверское великий князь московский Иван Васильевич», Михаил Борисович бежал в Литву.

[7] Генадий владыка — епископ тверской.

[8] Троици манастырь — в Калязине на Волге, основанный в 1459 г. известным в то время игуменом Макарием и именовавшийся чаще Макарьевским Троиц-

ким монастырем. Этого-то игумена Макария Калязинского, впоследствии канонизованного церковью (в 1521 г.), и посетил Афанасий Никитин.

[9] Святым мучеником Борису и Глебу. . . Борис и Глеб — юные сыновья великого князя киевского Владимира Святого. После смерти отца (1015 г.) были вероломно умерщвлены убийцами, подосланными Святополком, захватившим великокняжеский престол. С 1071 г. Борис и Глеб были канонизованы русской церковью. Им было посвящено множество церквей, в частности была церковь их имени и в Калязинском монастыре. Память их праздновалась 2 мая.

[10] Князь велики . . . всея Руси — Иван III Васильевич, правил в 1462—1505 гг.

[11] Василей Папин — посол, отправленный великим князем московским Иваном III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара.

[12] Посол татарский ширвашин Асамъбег — Хасан-бек, посол, отправленный ширваншахом («ширваша», «ширванша», см. прим. 28) Фаррух-Ясаром ко двору Ивана III в Москву (раньше 1466 г). Ответом московского великого князя на это посольство и было отправление Василия Папина ко двору ширваншаха. Несколько позднее, около 1475 г., венецианский посол при дворе Узун-Хасана белобаранного, Контарини, упоминает о другом после Ивана III — Марко Россо, посетившем дворы Узун-Хасана и ширваншаха Фаррух-Ясара.

[13] Орда, от т.-монг. «орду» — ставка, стан, становище хана или царевича со всеми людьми, там находящимися.

[14] Сарай. В наши дни установлен факт существования двух столиц государства Джучидов (Золотой Орды), носивших название Сарай. Один из них был основан внуком Чингис-хана, Бату-ханом (Батыем, 1224—1255 гг.), у нынешнего села Селитренного на р. Ахтубе, другой — его братом, ханом Беркаем, или Берке (1255—1266 гг.), близ нынешнего города Ленинска (до 1917 г. — Царев) на Ахтубе. Соответственно этому в исследованиях XX в. первый из упомянутых городов именуется Сараем Бату, второй — Сараем Берке. На монетах упоминается «Новый Сарай», т. е. Сарай Берке; древнейшая монета с таким чеканом датируется 710 г. х. (1310/1311 г. н. э.). В описаниях хронистов, географов и путешественников XIII—XV вв. чаще всего упоминается просто Сарай; благодаря этому нередко бывает трудно установить, идет ли речь о Сарае Бату или Сарае Берке. Афанасий Никитин говорит, вероятно, о Сарае Берке. Столица золотоордынских ханов была перенесена из Сарая Бату в Сарай Берке при хане Узбеке (1312—1340 гг.). Сарай Берке описан рядом историков, особенно ал-Омари, и путешественников, особенно Ибн Батутой (1333 г.). По этим описаниям, Сарай Берке, не защищенный стенами, был расположен на ровном месте, на солончаковой земле и считался одним из красивейших городов Востока. Это был большой торгово-ремесленный город, очень тесно застроенный сплошными рядами домов, без садов и пустопорожних мест, с рынками, банями и культовыми зданиями; среди последних числилось 13 одних только соборных мечетей. Здесь же находился дворец, служивший зимней резиденцией хана. В Сарае

Берке были особые кварталы купцов и ремесленников разных народностей: асов (осетин), кыпчаков (половцев), черкесов, русских, греков, выходцев из Хорезма и других областей Средней Азии, Ирана, Ирака Арабского, Сирии, Египта и других стран, не считая поволжских татар, составлявших основное население города. Здесь было много русских и других христиан; существовало и православное (русское) епископство. Помимо описаний путешественников, богатые сведения по топографии, ремесленному производству и материальной культуре Сарая Берке дают раскопки А. Терещенко и др. Открыты остатки водопровода, кладбища мусульманские и христианские, горны, много металлических и особенно керамических изделий, глазурованных и неглазурованных. Главные здания были облицованы глазурованными изразцами — красного, бирюзового, желтого и других цветов. Архитекторами и гончарами были выходцы из Средней Азии, плотниками, судостроителями и т. д. — русские мастера. По рассказу персидского историка Вассафа (начало XIV в.), у купцов из Сарая были в Тебризе свои мастерские и большие вклады на руках у тамошних горожан. В 1395 г. Сарай Берке был разрушен среднеазиатскими (чагатайскими) войсками Тимура; в 1472 г. город был взят и разорен русскими отрядами из Вятки, в 1480 г. был окончательно разрушен союзными войсками русского великого князя Ивана III и крымско-татарского хана Менгли-Гирея.

[15] Березаны — местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

[16] Бузан-река — Бузань, рукав р. Волги, в низовье ее, у Красного Яра, впадает в р. Ахтубу.

[17] Каисым солтан — султан Касим, внук золотоордынского хана Кучук-Мухаммеда (1423—1460 гг.) из династии Джучидов, ветви потомков Орды и Уруса, первый хан астраханский (с 1466 г.).

[18] Азътархан, Хазъторохань — Астрахань. У арабских и персидских авторов Хазтархан (русск. — Астрахань) был известен под именем Хаджжи-Тархан. Так называет его и путешественник Ибн Батута, по объяснению которого город будто бы получил имя от жившего здесь мусульманского святого — паломника («хаджжи») в Мекку. По мнению акад. И. Ю. Крачковского, Хаджжи-Тархан — арабизованная форма и позднейшее осмысление первоначального тюрко-монгольского имени. Город, лежащий на левом берегу главного русла Волги, под 46°20′ с. ш. и 48° в. д., был основан в эпоху монгольского владычества. Первые упоминания о нем относятся к началу XIV в. В 1395 г. город был разрушен Тимуром, но в XV в. возродился. Город был расположен на правом берегу Волги, на 10 км выше современного нам одноименного города, построенного в 1558 г. русскими на левом берегу. В XV в. к Астрахани отчасти перешло торговое значение падавшего Сарая, особенно после распада Золотой Орды и образования самостоятельного Крымского ханства (1466 г.). Судя по сообщениям Барбаро и Контарини, Астрахань в XV в. играла известную посредническую роль в торговле России с прикаспийскими странами, торговала также с Россией солью. Однако ни по величине, ни по хозяйственному значению город не мог сравниться с обоими Сараями

[19] Качьма — т. «не бегите».

[20] Бугун — возможно, нынешний Бегунский полоз, одна из мелей в устье Волги.

[21] Ез, яз — заграждение из хвороста и т. д. на реке, дабы задержать рыбу, для рыбной ловли.

[22] Дербеньт — Дербенд, Дербент, город и гавань на западном берегу Каспийского моря, под 42° с. ш. и 48°15′ в. д. Город известен с VI в. н. э. При сасанидском царе Ирана Хосрове I Аноширване (531—579 гг. н. э.) здесь были возведены мощные укрепления (стены между морем и отрогом Главного Кавказского хребта) для защиты ведущего в страны Закавказья прохода, известного под именем Каспийских ворот, от вторжений кочевых народов Восточной Европы (гунны, савиры, тюрки и др.). В VIII—IX вв. укрепления Дербенда не раз перестраивались арабами для защиты от набегов хазар. Стратегическое значение города определило разные названия его: перс. «Дербенд» — «затвор двери», «преграда», «проход», «ущелье», «застава», ар. «Баб-ал-абваб» — «ворота ворот», тюрк. «Демир-капы» — «железные ворота» («Железными вратами» называет Дербент «Задонщина», памятник конца XIV в.). До монгольского завоевания Дербент был главной гаванью на Каспийском море и важным перегрузочным пунктом торговли стран Передней Азии с Восточной Европой, в частности с Русью. С XIII в. роль главной гавани на Каспии стала переходить к Баку, а в XV в. значение Дербента как морского порта окончательно упало. Причинами этого упадка были крайнее сокращение торговли стран Передней Азии со странами Восточной Европы и захирение пролегавшего через Дербент торгового пути, отчасти вследствие почти непрерывных войн между монгольскими ханами Ирана — Хулагуидами и золотоордынскими монгольскими ханами — Джучидами. Слабые местные владетели Дербента не в состоянии были поддерживать укрепления города и порта, и купеческие корабли из Ирана и Средней Азии стали предпочитать прекрасную естественную гавань Баку открытому и не защищенному теперь дербентскому порту. В 1428 г. Джованни делла Валле построил для дербентского правителя небольшой корабль, на котором тот выходил в открытое море, занимаясь морским разбоем, нападая на суда, шедшие в Астерабад. В XV в. город принадлежал ширваншаху (см. прим. 28), в руках которого находился и во время путешествия Афанасия Никитина, бывшего здесь в конце 1466 или начале 1467 г. Во время пребывания Афанасия Никитина в Дербенте, судя по сообщению венецианского посла Контарини (1475—1476 гг.), только $^1/_6$ часть городской площади была обитаема, остальные кварталы были пусты. Среди населения Дербента преобладали тюркоязычные элементы и «черкесы»; последним именем на мусульманском Востоке тогда называли все вообще северокавказские (не тюркские), иногда и дагестанские народности. В это время через Дербент в Астрахань вывозили еще морским путем рис и шелковые ткани для обмена в Астрахани у русских и татарских купцов на меха и иные предметы. Контарини описывает суда, совершавшие рейсы между Дербентом и Астраханью

и обратно, в которых плавал и Афанасий Никитин: «Они имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название, ибо узки в корме, а на боках очень выпуклы. Их сколачивают деревянными гвоздями и смолят весьма крепко; для управления же имеют они 2 мачты и большой шест, служащий им вместо руля. Каспийские мореходцы плавают на авось, без компаса, наблюдая течение звезд, и вообще держатся берегов, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. В дурную погоду они прибегают к парусам, иногда же употребляют и весла, которыми, как и рулем, управляют весьма дурно». Зимою плавание прекращалось. В пути суда подвергались нападениям пиратов. Согласно дневнику Контарини, плавание от Дербенда до Астрахани продолжалось 24 дня.

[23] Тезикы — тазики, таджики. О происхождении и значениях этого имени см.: W. Barthold. Tadjik, EI, т. IV. В описываемую эпоху тазиками, или таджиками, в персидских источниках, а также в официальных актах (см. сборник персидских официальных документов 1358 г. «Дастур ал-катиб») именовали не только среднеазиатских таджиков, но и все вообще иранские народности. В городах Поволжья и на Руси в ту же эпоху тезиками, тазиками именовали купцов из Средней Азии и Ирана.

[24] фуръстовина — морская буря, от итальянского fortuna — «буря» (из латинск. fortuna — «судьба»); в значении «бури» это слово встречается и в новогреческом языке; ср. украинск. «фуртовина» — «буря». Это слово, как и другие итальянские, старофранцузские и новогреческие слова, встречающиеся у Афанасия Никитина, вошедшие в средиземноморский жаргон «lingua franca», сложившийся в период крестовых походов, распространялись, при посредстве моряков, вплоть до Индии.

[25] Тархы — Тарки, Тарху, крепость на дагестанском побережье Каспийского моря.

[26] Кайтаки — кайтаги, кайтакцы, жители области и княжества Кайтак, Кайтаг в западном Дагестане, к северо-западу от Дербента. Впервые кайтаки упоминаются у историографа Тимура, Низам-ад-дина Шами, в связи с рассказом о походе Тимура через Азербайджан и Дербент против Тохтамыш-хана золотоордынского (1395 г.). По словам упомянутого автора, в то время кайтаки были еще «людьми без веры», т. е. язычниками. Во второй половине XV в., по словам венецианца Барбаро, среди кайтаков было также немало христиан «греческого» (иначе «грузинского», т. е. православного), армянского и католического исповеданий. Наличие католиков здесь объяснялось деятельностью католических миссий, утвердившихся на Кавказе в XIV—XV вв. Однако в этот период среди кайтаков распространялся уже и ислам; по крайней мере современный Афанасию Никитину князь кайтакский был мусульманином и носил мусульманское имя Халил-бек. — Кайтаки — термин скорее географический, строго определенного этнического значения не имеет. Среди жителей области Кайтак были и поселившиеся здесь (не ранее XIII в.) монголы. Еще в 1647 г. турецкий путе-

шественник Эвлийя Челеби описывает под именем кайтаков приходивших из Дагестана для торговли в азербайджанские города Ареш, Шеки и Махмудабад типичных потомков монголов, сохранявших отчасти свой язык; Эвлийя Челеби приводит 41 «кайтакское» слово, из них по меньшей мере 16 слов чисто монгольских; остальные слова — большею частью общие в монгольских и тюркских языках или чисто тюркские. В настоящее время Кайтак населяют две различных этническо-лингвистических группы: одна из них говорит на особом наречии даргинского языка, одного из дагестанской группы иберийско-кавказских языков; другая группа — тюркское племя, известное под именем *терекеме* (т. е. туркмены), — возможно потомки тюркизованных монголов; язык их в наши дни близок к азербайджанскому.

[27] Алильбег кайтаческий князь — Халил-бек, князь кайтакский, шурин ширваншаха Фаррух-Ясара. Годы правления неизвестны. Князья Кайтака носили титул уцмия, который дагестанские мусульманские книжники-арабисты выводили из арабского «исми» (от ар. «исм» — «имя»), в чисто местном значении «именитый». Однако акад. В. В. Бартольд считает такое толкование поздней попыткой арабизации и осмысления архаического термина местного происхождения. Содержащиеся в компиляции XIX в. «Асар-и Дагестан» («Памятники Дагестана») сведения о существовавших будто бы с VIII в. уцмиях кайтакских основаны на легендах позднего происхождения. Точные сведения об уцмиях кайтакских сохранились в источниках лишь со времен уцмия Султан-Ахмед-хана, умершего в 1587—1588 г. У Афанасия Никитина мы находим одно из наиболее ранних упоминаний о князьях (уцмиях) Кайтака.

[28] Ширванша, ширваша-бек — п. «ширваншах», т. е. «царь (шах) Ширвана», титул государей Ширвана, в северо-восточной части северного (ныне советского) Азербайджана. Титул «ширваншах» в письменных источниках упоминается с конца IX в. (Ибн Хурдадбех) как существовавший еще во времена иранской династии Сасанидов III—VII вв. н. э. (см. Minorsky, стр. 404). В живой речи конечное «х» в слове «ширваншах» почти не слышится, отсюда те формы этого слова, которые встречаются у путешественников: у Афанасия Никитина — ширванша, у Барбаро — siruansa, у Контарини — sivansa, у грузинских авторов — шарванша. Упоминаемый у нашего автора ширваншах Фаррух-Ясар (1462—1500 гг.) — сын Халилаллаха I (1417—1462 гг.), из четвертой, так называемой дербентской династии (1382—1538 гг.) ширваншахов. При Фаррух-Ясаре территория Ширвана простиралась от р. Куры на юге до р. Самура на севере, включая города Шемаху, Баку и Дербент. В XV в. Ширван был независимым государством и переживал период экономического и политического расцвета.

[29] Въ-рду его койтул — Орда (т.-монг. «орду» — «ставка»); т. «койтул» — «ставка», «становище», «стан» государя или какого-либо эмира; синоним термина «орду» (см. прим. 13). Термин «койтул» в XV в. встречается у Абд-ар-реззака Самарканди и других авторов. Определить точнее местоположение становища (орду, койтул) ширваншаха Фаррух-Ясара не представляется возможным.

Обычные резиденции ширваншахов в XV в. — города Баку и Шемаха, крепости Гюлистан и Бугурд (у персидских авторов — Бикурд) — не подходят под понятия «орду» или «койтул». Возможно, это гора Фит-даг. Укрепленный лагерь (п. «лашкар-гах» — синоним т. «койтул») ширваншаха, в 1 фарсанге (6.5 км) от Шемахи, отмечает анонимный персидский географ конца X в., автор «Худуд ал-алем» (изд. рукописи Туманского, 1930, л. 33а).

[30] Шамахея — Шаммахия, Шамаха, или Шамахи, русск. Шемаха, город в Ширване, ныне районный центр Азербайджанской ССР, под 40°36′ с. ш. и 48°30′ в. д. Существовал с конца VIII в. н. э. (Minorsky, стр. 404). В XV в. Шемаха, по описаниям путешественников, была значительным городом, хотя и много меньше Тебриза (см. прим. 341). Вывоз шелка-сырца из Шемахи в Италию отмечается еще в XII в. В XV же веке, по словам Контарини, из Шемахи вывозили шелк, известный под именем таламанского (т. е. дейлемского-гилянского, который в Италии смешивали с ширванским). Здесь вырабатывали также шелковые ткани и бумазею. Шемаха была одной из резиденций ширваншахов. Согласно Барбаро, в Шемахе в 70-х годах XV в. было от 4 до 5 тысяч домов (семейств), . е. от 18 до 22.5 тыс. жителей.

[31] Баке. . . где огнь горить неугасимы — город Баку, в наши дни столица Азербайджанской ССР, под 40°21′ с. ш. и 49° 54′ в. д. Наиболее ранние известия о Баку и бакинской нефти мы находим у географов X в. — арабских (Истахри, Мас ʻуди, Мукаддаси) и персидских (анонимный автор «Худуд-ал-алем»). Бакинское месторождение нефти считалось самым крупным в странах Среднего Востока уже в X в. (Худуд-ал-алем, л. 33б) и в послемонгольский период (Хамдаллах Казвини). В то время нефть употреблялась преимущественно для целей военной техники — для изготовления горючего вещества, «жидкого огня», заменявшего позднейшую артиллерию. До XIII в. Баку был небольшим городком. В XIII—XV вв. он стал главной гаванью на Каспийском море. Подробное описание Баку в начале XV в. дает арабоязычный географ, происходивший сам из Баку, Абд-ар-рашид ал-Бакуви, т. е. Бакинский. Город был выстроен из камня, как и в наши дни. Море в то время доходило до башен и стен, невдалеке от которых находилась соборная (пятничная) мечеть (джумʻа-масджид). В городе было 2 крепости: одна у самого моря, столь сильная, что и монголы в 30-х годах XIII в. не могли ее взять, другая на горе (нынешний Чемберкенд), лежавшая в развалинах. Местность вокруг города была бесплодна; как и сейчас, плодовые сады находились на северном берегу Апшеронского полуострова (в 30—35 км от города) и производили инжир (фиги), виноград и гранаты. Предметы продовольствия доставлялись в Баку из Шемахи и с Мугани. Близ Баку добывалось ежедневно 200 харваров (ослиных вьюков) нефти, ее вывозили из Баку на судах. В соляных озерах Апшерона добывалась прекрасная соль, ее также вывозили. Баку вел крупную торговлю шелком высокого качества (привозным). Жители города занимались также тюленьим промыслом. Горожане были исключительно мусульманами, принадлежали к «правоверному» (суннитскому) толку шафиитов

В 1 фарсанге (несколько более 6 км) от города было христианское (армянское) селение, производившее известь. В XV в. значение Баку сильно выросло. Он стал одной из резиденций ширваншахов, которые построили здесь в XV в. высокохудожественный дворцовый комплекс, известный в наши дни под именем дворца ширваншахов, с дворцовой мечетью, мавзолеем и судилищем — диван-ханэ. В порт приходили суда из прикаспийских портов северного Ирана и Средней Азии. По словам Хамдаллаха Казвини, лежавший против гавани остров (Нарген) был населен. Выходов горючих газов близ Баку было много; о них говорит и Афанасий Никитин: «огнь горит неугасимы». Сообщение Абд-ар-рашида ал-Бакуви о фонтане огня, который будто бы был виден на расстоянии дня пути, как и сообщение об источнике «белой» нефти, дававшем ежедневно 1000 дирхемов дохода, заимствовано этим автором у арабского географа X в. ал-Мас'уди и для XV в. является анахронизмом. Арабские и персидские источники XIII—XV вв. называют город Баку — Бакуйя (Бакуйэ), итальянские путешественники XV в. — Bachu, Bacu.

[32] Чебокар — по-видимому, Чапакур, поселение в Мазандаране, на южном берегу Каспийского моря, к западу от Сари.

[33] Сара — Сари, иначе Сарийэ и Сарави, город в Мазандаране, ныне лежит в 25 км к югу от Каспийского моря, в X в. это расстояние было меньше. Древняя столица Табаристана — Мазандарана (до X в.). В X в. в Сари производились шелковые ткани, которые отсюда вывозились; за ними приходили корабли русов. После монгольского завоевания Сари был городом средней величины с площадью в 4 тысячи шагов в окружности; округ Сари производил плоды, пшеницу и хлопок.

[34] Маздраньская земля — Мазандаран, область в северном Иране, к востоку от Гиляна, занимающая узкую полосу между южным берегом Каспийского моря и горным хребтом Альбурс, отделяющим область от внутреннего Ирана. В Мазандаране влажный субтропический климат с обильными осадками; предгорья и нижние склоны гор покрыты густыми лесными чащами, выше их лежат горные пастбища. Население говорит на особом языке — мазандаранском, относящемся к западной группе семьи иранских языков, но заметно отличающемся от персидского. У арабов область именовалась Табаристаном (Тапуристан в сасанидский период) от имени древнего народа тапуров, известного древнегреческим географам. Сведения источников о времени появления названия «Мазандаран» противоречивы. Якут (начало XIII в.) считает его новым названием. Арабоязычный географ XIII в. Закария Казвини говорит, что Мазандаран — персидское название Табаристана. Некоторые исследователи (Юсти) признают название «Мазандаран» древним. Чаще всего в источниках названия Мазандаран и Табаристан употребляются как синонимы. Но некоторые авторы XIV—XV вв. различают Мазандаран и Табаристан. По описанию Хамдаллаха Казвини (1340 г.) область (вилайет) Мазандаран делилась на 7 туменов; Табаристан тот же автор рассматривает как особую область (вилайет), лежавшую к югу от Мазандарана, за хребтом Альбурс.

Такую же терминологию мы находим и у Хондемира, автора начала XV в. В XIV—XV вв. Мазандаран производил пшеницу, хлопок, шелк и плоды, в частности цитрусовые. Жители были шиитами. Массовая резня во время монгольского завоевания (20—30-е годы XIII в.), а затем нашествие Тимура (1392 г.) сильно уменьшили численность населения. Начиная с 1350 г. в Мазандаране развертывалось народное движение, направленное как против монгольских завоевателей, так и против местных феодалов, подавленное Тимуром в 1392 г. (Бартольд, Место, стр. 82 сл.). Сообщение Хамдаллаха Казвини о прибывших в Мазандаран русских кораблях, по-видимому, заимствовано из источников X—XI вв. и для XIV—XV вв. является анахронизмом. Около 1472 г. Мазандаран платил дань туркменскому государству Ак-Койюнлу (см. о нем прим. 342) в размере 120 харваров («ослиных вьюков» — мера разного веса) шелка-сырца. Мазандаран в то время был раздроблен на ряд (не менее 12) феодальных владений

[35] Амиль — Амуль, Амоль, самый большой город в Мазандаране, под 36° с. ш. и 52° в. д., в 20 км от побережья. В XIII—XV вв. здесь производились шелковые ткани, ковры и молитвенные коврики. По словам Хамдаллаха Казвини, местные сады давали столь обильные урожаи всевозможных плодов, что если бы город был осажден, он мог бы обойтись без ввоза продовольствия извне.

[36] Димовант — Демавенд, Дамаванд. Этим именем обозначался горный массив — высшая точка хребта Альбурс; абсолютную высоту Демавенда разные авторы определяют неодинаково — от 5465 м (Свен Гедин) до 6800 м (де Морган). Вершина покрыта вечным снегом и обычно окутана тучами. Вулканическая деятельность массива в средние века (X—XV вв.) не была прекращена — вершина постоянно курилась. На вершине и склонах насчитывают до 70 кратеров; на склонах много серных источников; добывается сера, лучшая в Иране. У подошвы горного массива существовали в XIV—XV вв. свинцовый рудник и местечко (касаба) Демавенд. Его-то, очевидно, и имел в виду Афанасий Никитин.

[37] Рей, Дрей — Рей, один из величайших городов средневекового Ирана и всей Передней Азии. Развалины в 8 км к юго-востоку от Техрана (Тегерана), под 35°30′ с. ш. и 51°40′ в. д. Под именем Раги, города древней Мидии, Рей упоминается еще в надписи древнеперсидского царя Дария I Гистаспа в конце XVI в. до н. э. Период процветания города относится к IX—первой половине XII в. н. э. Рей был одним из центров ремесленной промышленности Ирана; славились местные шелковые и другие ткани, а также рейская расписная глазурованная керамика. Обострение классовой борьбы в Рейе вызвало гражданские войны, происходившие под оболочкой борьбы религиозных течений. В 1220 г. Рей был окончательно разрушен монголами, которые частью истребили, частью угнали в неволю жителей города и всего округа. Город оставался в развалинах и необитаемым. При монгольском государе Ирана Газан-хане (1295—1304 гг.) была сделана попытка восстановления и заселения Рейя, но она не была доведена до конца. В начале XV в., по словам Клавихо, кастильского посланника ко двору Тимура, проезжавшего через Рей в 1404 г., город был весь разрушен и необитаем (Кла-

вихо, стр. 187). Он не был восстановлен и позднее. Местный феодальный владетель жил в горах. В источниках XIII—XV вв. Рей часто упоминается, но при этом речь идет не о городе, а о военно-административном округе (тумен), носившем то же имя; центром Рейского округа с конца XIII в. было местечко (касаба) Верамин. Без сомнения, Афанасий Никитин, говоря о Рейе, также имеет в виду не город, а всю местность. В Рейском округе около 1340 г. числилось 360 селений. В 1920-х годах здесь производились раскопки английским археологом Кер-Портером.

[38] Ту убили Шаусеня Алеевых детей и внучат Махметевых. Как известно, третий имам шиитов Хусейн (у персов в народной среде «шах Хусейн», что в живой вульгарной речи слышится почти как «Шаусен», «Шаусень» Афанасия Никитина), второй сын халифа Али и Фатимы, внук Мухаммеда, был умерщвлен после неудачной борьбы с «нечестивым» омейядским халифом Йезидом I в 680 г. н. э. Это событие произошло в Кербеле, в Ираке Арабском (Месопотамии), а не в Рейе. Однако существовало предание, сохраненное и источниками (Якут), что Омейядами было обещано отдать богатый и доходный Рей с зависимыми городами и областью в управление Омару ибн Са'ду ибн Аби-Ваккасу (сыну известного соратника пророка Мухаммеда), если Омар примет на себя командование войском, посланным против имама Хусейна. Соблазнившись этим предложением, Омар согласился и стал затем палачом имама Хусейна. Таким образом, набожные шииты смотрели на город Рей и соседние города как на «цену крови» Хусейна, данную его убийце, как на причину гибели святого имама. Шестому шиитскому имаму Джафару Садыку (умер в 765 г.) приписывали слова: «Рей, Казвин и Сава — города проклятые и осужденные на гибель». Рей действительно пришел в запустение, сначала в результате гражданской войны (XII в.), потом монгольского нашествия. Разрушение Рейя и соседних городов и местечек шииты рассматривали как божескую кару за мученичество имама Хусейна. Это-то предание и передает в искаженном виде Афанасий Никитин.

[39] Кашень — Кашан, город на Иранском нагорье, к юго-востоку от Кума и в 3 днях пути к северу от Исфахана, под 34° с. ш. и 51°10′ в. д., на высоте 1100 м над у. м. Кашан, вблизи которого находились залежи каолина, был главным центром производства художественной керамики в Иране — фаянсовой посуды, покрытой глазурью с разноцветной поливой, а также архитектурной керамики — глазурованных плиток для декоративной облицовки фасадов и внутренности зданий (изделия, известные под названием «каши»). Особенно славились такие изделия из прозрачной бирюзовой глазури, также фаянсы с надглазурной росписью эмалями и особенно с известной с XII в. росписью люстром различных цветов с золотистым металлическим отблеском. Рецепт изготовления люстра, основанный на обжиге сложного состава из минеральных красок, приведен в «Книге о камнях и благовониях» Абу-л-Касима 'Абдаллаха Кашани (XIII в.), жителя Кашана. По словам Барбаро, посетившего Кашан в 1474 г., здесь изготовляли шелковые ткани и бумазею в таком огромном количестве, что

купец, желавший закупить этих тканей на 10 тысяч дукатов, мог бы сделать эту закупку в один день. В то время город имел 4 мили в окружности и был очень населен. О кашанской керамике см.: Э. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947 (там же см. библиографию).

[40] Наин — Найин, на полпути между Кашаном и Йездом, несколько южнее 33° с. ш. и под 53°12′ в. д., на западной окраине Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и-Кевир). В конце XV в. Найин был городом средней величины.

[41] Ездей — Йезд, город на Иранском нагорье, несколько южнее 32° с. ш. и под 54°25′ в. д., на высоте свыше 1300 м над у. м., в оазисе того же имени среди пустыни. Оазис орошался сложной системой каналов и каризов (подземных галерей для вывода подпочвенной воды наружу) и производил хлопок, шелк, плоды (особенно гранаты) и пшеницу. В XIV—XV вв. оазис не мог прокормиться своим хлебом, его сюда ввозили. Йезд служил узловым пунктом двух караванных магистралей; одна соединяла северо-западный Иран с Керманом и портом Ормуз, другая — Хорасан с Фарсом и Басрой. Большая часть жителей Йезда состояла из ремесленников-шелкоткачей. В XV в. Йезд был одним из главных центров шелкоткачества на Ближнем Востоке. По словам автора персидского трактата по агротехнике (около 1300 г.), техника культуры тутового дерева и шелковичного червя, как и качество шелка-сырца, выше всего были в Йездском оазисе; урожаи шелка-сырца здесь были в 4—5 раз больше, нежели в других местностях Ирана (Фалахат, стр. 23). О шелковых тканях из мастерских Йезда говорится в переписке министра и историка Рашид-ад-дина (казнен в 1318 г.). Согласно персидскому географу Хафиз-и Абру (начало XV в.), Барбаро (1474 г.) и анонимному венецианскому купцу (1514 г.), шелковые ткани из Йезда вывозились в Турцию (в Бруссу), в Сирию, в Среднюю Азию, Индию и Китай. Барбаро дает подробное описание ткацкого производства и торговли в особых зданиях (фундук); по словам этого автора, в Йезде производились шелковые ткани двух сортов, ежедневно выбрасывали на рынок до 10 тысяч вьюков каждого сорта. В конце XV в. город был окружен валом в 5 миль в окружности и предместьями. Дома в Йезде, как и почти во всем безлесном восточном Иране, строились из глины с куполообразными сводчатыми кровлями, без деревянных перекрытий. Во второй половине XV в. Йезд управлялся царевичами из одной ветви туркменской белобаранной (Ак-Койюнлу) династии Байяндури.

[42] Из Диес — по-видимому, следует читать «из Йездеи» или «Йезда».

[43] Сырчан — Сирджан, город на юго-востоке Ирана, в области Керман Во время арабского владычества (VII—X вв.) был главным городом области, позднее уступил свое значение городу Керману. Оазис Сирджан в XIII—XV вв. производил пшеницу, хлопок, финики. Тогда же здесь была сильная крепость. Ныне город не существует. Местоположение его может быть определено лишь приблизительно в северо-восточной области Керман, между Зиренджом и Шехр-и Бабек («город Бабека», названный так по имени отца Ардешира Бабегана, осно-

вателя династии Сасанидов). По словам Хамдаллаха Казвини, Сирджан находился в 16 фарсангах (около 100 км) от Шехр-и Бабек.

[44] Таром, Тором — Тарум, Таром, город на юго-востоке иранской области Фарс, на большом караванном пути из Кашана и Исфахана к побережью Персидского залива. Город именовался иногда Тарумом фарсским, в отличие от округа Тарум (или Тарумейн — «Оба Тарума», верхний и нижний) в нагорной части Гиляна. Из Тарума во множестве вывозились финики («фуники» Афанасия Никитина). — Батман — п., мера веса, различная для разных местностей, от 3 кг до нескольких пудов.

[45] Лар — главный город округа Ларистан, в юго-восточной части области Фарс, под 27°40′ с. ш. и 54°04′ в. д. В XIII—XV вв. он играл видную роль в транзитной торговле с Индией (Якут, Ибн Батута). По словам Хамдаллаха Казвини, большая часть горожан состояла из купцов, занимавшихся морской торговлей. Ларистан находился во владении местной династии, бывшей во второй половине XV в. в вассальной зависимости от туркменских государей Ак-Койюнлу (династия Байяндури). Владетели Лара пользовались правом чеканить свою монету. Афанасий Никитин был в Ларе дважды: в 1469 г. и во время обратного пути в 1472 г. В это время в г. Ларе насчитывалось, по данным Барбаро, 2 тысячи домов (семейств), т. е. до 9 тысяч жителей.

[46] Бендерь — п. «бандар», «бендер» — «гавань», «порт». В данном случае имеется в виду Старый Хормуз (см. прим. 47), который Абд-ар-реззак Самарканди (XV в.) называет Бендер-и Хормуз, т. е. «Гавань Хормузская».

[47] Пристанище Гурмызьское, Гурмыз — Хормуз, Хурмуз, у европейцев Ормуз. Старый Хормуз находился на материке, на побережье Персидского залива, близ его выхода в океан, несколько севернее 27° с. ш. и под 56°25′ в. д. Согласно сообщениям античных авторов (Арриан, Птоломей), уже в эллинистический период на берегу Персидского залива существовала гавань Ἁρμόζεια, — в этом имени легко узнается Хормуз (см. статью «Hormuz», EI, т. II). Но выдающееся значение в морской торговле город получил лишь к X в. н. э. Хормуз, по данным арабских географов X в. (Истахри, Мукаддаси), служил портом для области Керман и вообще для юго-востока Ирана. В начале XIII в. Якут отмечает большую роль Хормуза в торговле с Индией. Суда, прибывшие из Индии, выгружали здесь товары, предназначенные для восточных областей Ирана — Кермана, Систана и Хорасана. После 1100 г. здесь правила династия арабского происхождения, представители которой носили титул меликов, а в XV в. — иногда и султанов. Город пострадал во время монгольского нашествия. С 1262 г. хормузский мелик стал вассалом и данником монгольских ханов Ирана — Хулагуидов. По-видимому, однако, зависимость хормузского мелика от Хулагуидов была довольно слаба, так как уплачиваемая им дань, по словам Хамдаллаха Казвини, равнялась 6 туманам в год, — сумма незначительная по сравнению с огромными размерами товарооборота Хормуза. В XIII в. торговое значение Хормуза сильно выросло. Он стал главной биржей и перегрузочным

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В 1466 г.

Объяснения к карте «Передняя Азия в 1466 г.»

Римские цифры без кружков:

I Государство чернобаранных туркмен (Кара-Койюнлу)
II Государство белобаранных туркмен (Ак-Койюнлу)
III Османская (Турецкая) держава
IV Эмирство Караман
V Египетско-сирийский султанат Мамлюков
VI Эмирство Зулкадар
VII Независимые княжества Мазандарана
VIII Ханство Ближнего Гиляна (Бийя Пиш)
IX Ханство Дальнего Гиляна (Бийя Пас)
X Ханство Талышское
XI Духовное княжество ардебильских шейхов Сефевидов
XII Владения Ширваншаха
XIII Эмирство Шеки
XIV Княжество Кайтак

Римские цифры в кружках:

I Царство Кахетия
II Царство Картлия
III Царство Имеретия
IV Княжество Мингрелия
V Княжество Абхазия
VI Княжество Гурия
VII Атабекство Месхетия (Самцхе-саагабаго)
VIII Королевство Кипр

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

пунктом торговли между странами Передней и Средней Азии (отчасти и европейскими странами), Индией и Китаем. При монгольском государе Ирана Аргун-хане (1284—1291 гг.) генуэзцы представили этому хану проект направить всю индийско-европейскую торговлю через Хормуз и далее через Иран—Малую Азию; монгольские военные суда должны были перехватывать торговые суда, шедшие из Индии, препятствуя им двигаться через Красное море в Египет и направляя их в Хормуз. Важными объектами торговли Хормуза были индиго и лошади; последние вывозились в Индию. Старый Хормуз на материке дважды (1272 и 1293 гг.) посетил Марко Поло. В начале XIV в. (по некоторым данным около 1315 г.) хормузский мелик Кутб-ад-дин из-за нападений соседних разбойничьих банд (монгольских кочевников) перенес город с портом и рынком на скалистый, бесплодный и знойный остров Джераун, по одним данным — в 3 фарсангах, по другим, более точным данным (Хамдаллах Казвини) — в 1 фарсанге от Старого Хормуза. Так возник Новый Хормуз на острове, в XIV—XV вв. полностью унаследовавший торговое значение старого города. Описание Нового Хормуза дано Ибн Батутой (1331 г.) и Абд-ар-реззаком Самарканди (1442 г.). Из европейских путешественников описание Нового Хормуза, в котором был и Афанасий Никитин, дано Одориком из Порденоне (1321 г.), Барбаро (1474 г.). В XIV в. хормузский мелик Тураншах (приблизительно 1348—1378 гг.) составил не дошедшую до нас историю Хормуза; очень подробные сведения по истории Хормуза конца XIV—первой половины XV в. сообщает недавно открытый В. В. Бартольдом персидский источник XV в. Джа'фари. По данным этого автора, мелик Хормуза в это время благодаря доходам от морской торговли с Индией и Китаем и от жемчужной ловли располагал большими денежными средствами, флотом и наемными войсками. Он уплачивал (с 1396 г.) Тимуру ежегодную дань в 30 туманов — деньгами, жемчугом и тканями. Мелик хормузский в то время подчинил себе все острова Персидского залива и арабский берег его, вплоть до Омана. Против одного из непокорных вассалов мелик Мухаммедшах мог послать флот из 300 кораблей. При мелике Сейф-ад-дине Махаре (1417—1437 гг.) «несколько раз приходило со стороны Китая (Чин) много джонок с китайскими изделиями и многими тканями. Он (мелик) продал им жемчуг и царский жемчуг и взял за это много добра, состоявшего из золота, серебра, тканей и китайских изделий, и наполнил свою казну» (Джа'фари). Из этого и других рассказов видно, что: 1) владетель Хормуза, как и везде владетельные феодалы Передней и Средней Азии, сам принимал активное участие во внешней оптовой торговле и был главным ее организатором; 2) торговля эта лишь отчасти велась на деньги, частью же была меновой, как везде в Иране. Персоязычный историк Абд-ар-реззак Самарканди, отправленный султаном Шахрухом с посольством в Индию, побывал в Хормузе проездом в 1442 г. Этот автор нашел здесь купцов из Египта, Сирии, Рума (Малой Азии), Азербайджана, Ирака Арабского (Месопотамия), разных областей Ирана, Средней Азии, Дешт-и Кыпчака (Золотая Орда), Чина и Мачина (Китай), Бенгалии, Малабара, Виджаянагара и других

областей Индии, Адена, Джидды и других местностей Аравии. В Хормузе продавались всякие товары, какие только можно было доставить морским путем. Со всех видов товаров, кроме золота и серебра, взималась пошлина в размере $^1/_{10}$ стоимости товаров. Торговля велась, по словам этого автора, частью на деньги, частью в порядке обмена. Купцы и путешественники всех стран, народов и религий находили в Хормузе покровительство и защиту властей, почему и городу присваивали эпитет «Дар-ал-аман» — «Обитель безопасности». Во время путешествия Афанасия Никитина хормузский мелик платил дань Узун-Хасану Ак-Койюнлу (см. прим. 342).

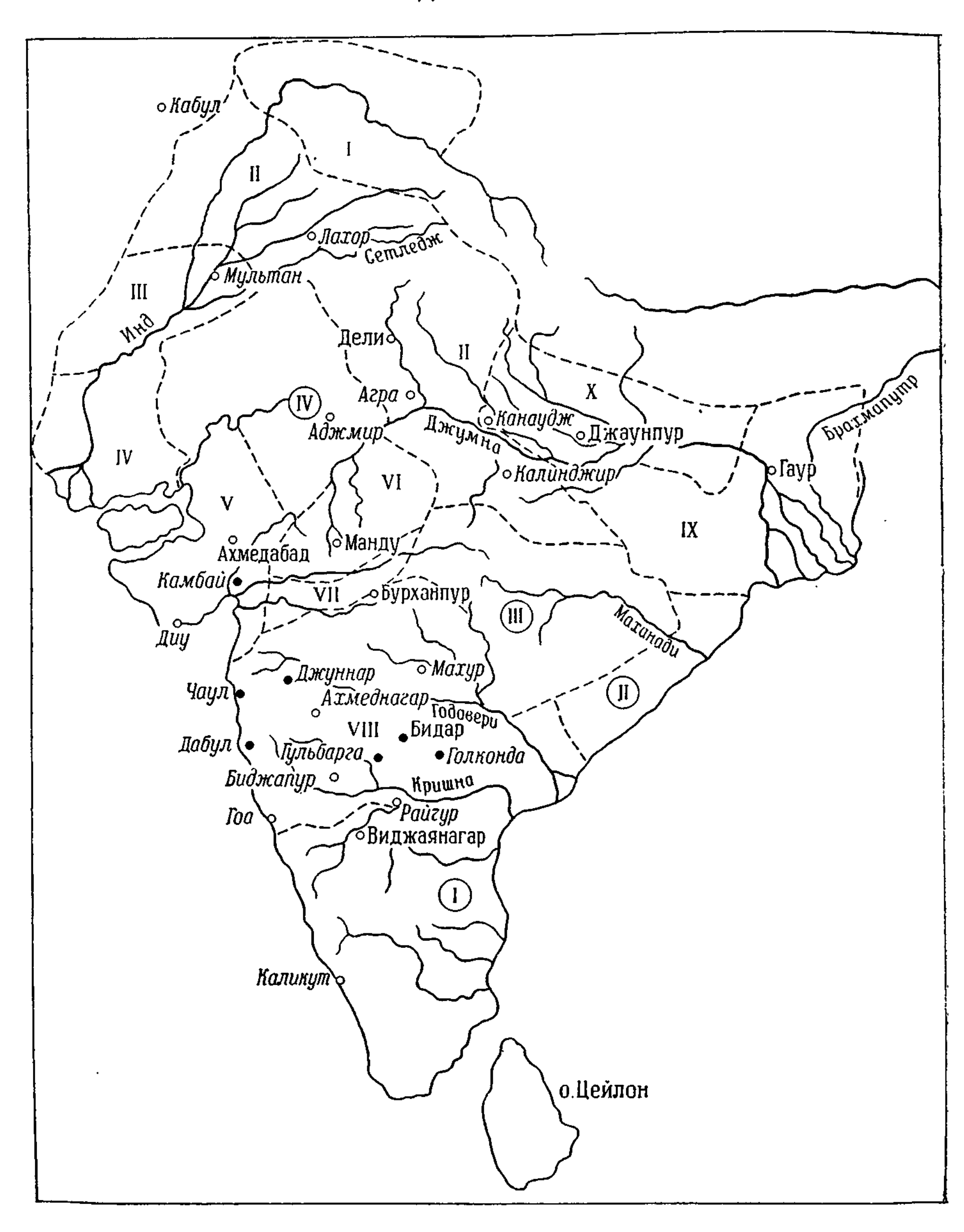
[48] Море Индейское, а парьсейскым языком и Гондустаньская дория — Индийский океан, см. прим. 3. — Парьсейскый язык — парси, фарси, т. е. персидский (новоперсидский) язык. Видимо, Афанасий Никитин довольно свободно владел разговорной персидской речью (как и тюркской речью, см. прим. 368); он нередко вводит в текст «Хожения» персидские фразы и выражения; часто общался с хорасанцами, от которых получал информацию об Индии, о мусульманских странах, обычаях, об исламской вере, с основными верованиями, обрядами и молитвословиями которой он был хорошо знаком, как видно из текста «Хожения», да и сам называл себя в Индии Юсуфом хорасанцем (см. прим. 120).

[49] Миля — романский термин, вошедший и в языки арабский и персидский, мера длины (морская), ср. п.-ар. «мил-и бахри» — «морская миля». Арабские и персидские географы принимали 1 фарсанг (6 $^1/_2$—8 км) = 4 морских мили; таким образом, 1 морская миля = 1 $^3/_4$ км.

[50] Тава — по объяснению Минаева, местное название морского судна, из маратхского «даба» (хинд. «дабба»). Можно, однако, допустить, что слово это, в разных значениях, получило широкое распространение во многих языках западной Азии и Средиземноморья. Ср.: п. «таба», «тава» (термин, вошедший во многие тюркские языки, см.: Радлов, ОСТН, III, стр. 960, 983) — «сковорода», «тигель», «посудина»; ср. рус. «таванить», «Таванский перевоз»; ср. тур. «таволун», итал. «tavolone» — «обшивка палубы» (Радлов, ОСТН, III, стр. 985). По известиям путешественников XIII—XV вв., суда, плававшие из Хормуза в Индию, были примитивной стройки, а плавание на них небезопасным. Марко Поло, Одорик из Порденоне, а в начале XV в. Клавихо (писавший с чужих слов) уверяют (ошибочно), что эти корабли строились без железа с деревянными гвоздями, что связывалось с существовавшим среди моряков поверьем, согласно которому Персидский залив будто бы изобиловал магнитными скалами, при приближении к которым все железные части кораблей притягивались, а суда разбивались. По описанию Абд-ар-реззака Самарканди, плавание на этих судах было крайне тягостным. В пути суда подвергались опасности нападений со стороны пиратов. Сезон плавания оканчивался с наступлением периода муссонов (май—август), приносивших бури и грозы.

[51] В таву с коньми. Различные авторы сообщают о массовом вывозе в XIII—XV вв. из стран Восточной Европы и Передней Азии верховых лошадей, особенно

ИНДИЯ В 1472 г.

Объяснения к карте «Индия в 1472 г.»

Государства, основанные завоевателями

Римские цифры без кружков:

I Кашмир
II Делийский султанат
III Мультан
IV Синд
V Царство Гуджерат
VI Царство Мальва
VII Царство Хандеш
VIII Царство Бахманидов
IX Царство Бенгалия
X Царство Джаунпур

Индийские государства

Римские цифры в кружках:

I Царство Виджаянагар
II Ориса
III Гондвана
IV Раджпутана

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

из стран кочевых народов, где лошади были дешевы, через Хормуз в Индию, где они были дороги. Подробности об этом импорте лошадей в Индию сообщает Ибн Батута (XIV в.). По его рассказу, верховых лошадей для путешествий и быстрой езды в Индию ввозили из южной Аравии (Йемена и Омана) и Фарса, боевых же коней (которых покрывали кольчугами) доставляли из золотоордынских степей. Этих татарских лошадей на их родине купцы покупали по 50—60 дирхемов (по 8—10 динаров; 1 динар содержал 13 грамм серебра) за голову. Затем лошадей гнали караванными путями к Хормузу, причем с одним караваном нередко перегоняли до 6 тысяч коней и больше; на каждого купца в среднем приходилось по 100—200 коней. Из Хормуза лошади морем доставлялись в Индию, где с купцов взимали пошлину: с мусульман «закат» (2.5%), а с немусульман — 10% стоимости коней. В Индии же малоценные татарские лошади продавались по 100 динаров (600 дирхемов) за голову; на лучших лошадей цена доходила до 500 динаров и выше. Таким образом, доходы купцов были очень велики. Афанасий Никитин, как видно из его рассказа, повез из Хормуза в Индию жеребца, рассчитывая на большую прибыль. Подобные же данные о ввозе коней в Индию сообщают другие писатели. По словам персидского историка Вассафа (начало XIV в.), во времена фарсского атабека Абу-Бекра (1226—1260 гг.) в Индию из Фарса ежегодно вывозилось до 10 тысяч коней; средняя стоимость коня там определялась в 220 золотых динаров (2200 дирхемов). То же было и в XVI в., когда, по данным Вартемы и Цезаря Фредерика, привозной конь в Индии стоил от 300 до 1000 дукатов. Индийские цари Виджаянагара временами старались при помощи морских разбойников препятствовать ввозу боевых коней в порты, принадлежавшие мусульманским царям Бахманидам (Чаул, Дабул и др.). О причинах, препятствовавших развитию коневодства в Индии, см. прим. 80.

[52] Мошкат — Маскат, порт на Оманском берегу Аравийского полуострова, под 23°37′ с. ш. и 58°30′ в. д. Уже в IX—X вв. Маскат был известен как пункт отправления кораблей в Индию. Был местом кораблестроения. Во второй половине XIV в. и в XV в. находился под властью хормузского мелика, хотя здесь были и местные вассальные владетели.

[53] Дега. Неясно, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин. Можно было бы предположить, как это делает И. И. Срезневский, Диу (Двипа) — порт на острове у полуострова Катхиавар под 20°42′ с. ш. и 71° в. д. в Гуджератской области в Индии. Во время Афанасия Никитина Диу был крупным портом, куда прибывали корабли из Хормуза, Маската и других пунктов. Однако сообщение Никитина о том, что путь «от Мошката до Дегу 4 дня», — невероятно. В другом месте Афанасий Никитин дает такие подробности относительно своего маршрута: «А от Гурмыза ити морем до Голат 10 дни, а от Галата до Дегу 6 дни, а от Дега до Машката 6 дни, а от Машката до Кучьзрята 10 днии». Галат — без сомнения, упоминаемый у Абд-ар-реззака Самарканди, а также у Марко Поло и Ибн Батуты Калхат (быстро произносимое это слово звучит как Галат), ле-

жавший также в Оманской области. Данные двух приведенных в «Хожении» маршрутов Афанасия Никитина (второй маршрут приведен ниже) противоречат друг другу: в одном случае расстояние Маскат—Дега — 4 дня, в другом — 6 дней. То и другое невероятно, если Дега=Диу. Минаев предполагает, что «Дега Аф. Никитина есть то же, что Dexar (или Dezat), местность на персидском берегу, принадлежавший гормузскому царю и упоминаемый Барбосой». Но такой вывод не объясняет другого противоречия у Афанасия Никитина. В одном случае Афанасий Никитин приводит маршрут Хормуз—Маскат—Дега, в другом же — Хормуз—Калхат—Дега—Маскат. Следовательно, неясно, заезжал ли Афанасий Никитин в Дегу, уже миновав Маскат, или, напротив, еще не доезжая Маската. По-видимому, здесь память изменила нашему путешественнику, и сделать какой-либо категорический вывод относительно местоположения Дега трудно. Можно лишь допустить, что Дега — не индийский город Диу, а один из пунктов на оманском или иранском берегу Персидского залива. Неясно, сколько времени занял у Афанасия Никитина морской путь от Хормуза до Гуджерата. Согласно приведенному выше маршруту, этот путь должен был бы составить 32 дня. Минаев предлагает поправку в чтении текста: вместо «а от Дега до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята — 10 дни» читать: «а от Дега до Кучьзрята 10 дни»; тогда путь от Хормуза составил бы 26 дней, а путь от Калхата до Гуджерата составил бы 16 дней. Такой расчет близко подходит к сообщению Абд-ар-реззака Самарканди о том, что путь от Калхата до Каликута он совершил в 18 дней.

[54] Кузрят, Кужзрят, Кучьзрят — Гуджерат, иначе Гузерат. В XV в. эта область западной Индии заключала в себе Суратский полуостров с Диу, район Бомбея и ряд районов к востоку. Походы Газневидов в Гуджерат начались при Махмуде Газневиде (998—1030 гг.), но прочно покорена была область делийским султаном Ала-ад-дином в конце XIII в. В 1396 г. наместник делийского султана Зафар-хан, мусульманин, стал независимым государем Гуджерата, приняв имя Музаффар-шаха. Основанная им династия мусульманских царей (шахов) Гуджерата правила здесь с 1396 до 1572 г. Во время Афанасия Никитина, при Махмуд-шахе I Байкара (1458—1511 гг.), Гуджерат был сильным государством. Личность и правление этого шаха гуджератского, храброго воина, фанатичного мусульманина, вместе с тем крутого, своенравного и подозрительного деспота, часто отравляющего своих сановников и жен, подробно описаны в начале XVI в. путешественниками — итальянцем Вартемой и португальцем Дуарте Барбосой.

[55] Тут ся родить краска — по-видимому, синяя краска индиго (санскр. «нила», п. «ниль», ар. «ниладж»), добываемая из растения Indigofera tinetoria, аборигенного индийского растения, составлявшая один из главных предметов вывоза из Индии. В VI в. н. э. культура индиго была введена в области Керман в Иране, но в XIII—XIV вв. она там исчезла и индиго туда ввозилось из Индии (Фалахат, стр. 93).

[56] Лек — люк, по предположению Минаева — лакх, лак, продукт Coccus lacca, красильное вещество.

[57] Канбат, Конбат — Камбаят, Камбай, индийский порт у одноименного залива, в области Гуджерат, под 22°17′ с. ш. и 72°34′ в. д. Во второй половине XV в. был одним из крупнейших индийских портов, вывозивших в страны Передней Азии хлопчатобумажные и шелковые ткани местного производства, индиго, соль, сердолики и другие товары. По словам Вартемы, в начале XVI в. гавань Камбая ежегодно посещали 300—350 кораблей. Камбай входил в состав владений шаха гуджератского.

[58] Чивиль, Чювиль — Чаул, Чавул, Шийул, Chaul de Cima португальских хроник, Ευμόλλα Птолемея (II в. н. э.), гавань на Малабарском побережье Индии, к югу от Бомбея, под 18°30′ с. ш. и 72°55′ в. д. Близ него некогда находился древний город Чампавати. Чаул служил пунктом посреднической торговли между северо-западной и южной Индией. По словам португальца Дуарте Барбосы (начало XVI в.), с севера (из Камбая) в Чаул привозили ткани, с юга (из Каликута) — пряности, тростниковый сахар, кокосовые орехи, изумруды. Из внутренней Индии (Декана) в Чаул привозили сельскохозяйственную продукцию. Чаул был также портом для вывоза индийских товаров в Иран и Аравию, но менее значительным, нежели Камбай. Вывозная торговля находилась в руках мусульманских купцов. Население города состояло из мусульман и индуистов, здесь были также небольшие общины индийских христиан (несторианского и монофизитского толка), о которых Афанасий Никитин, вероятно, не слышал, — он о них не упоминает, — иудеев и персов-зороастрийцев (гебров), эмигрантов из Ирана. С половины XIV в. Чаул входил в состав владений династии Бахманидов. Сообщение нашего путешественника о местном «князе» в Чауле, по-видимому, относится к наместнику бахманидского султана. Об этом наместнике, собиравшем здесь пошлины и подати для султана, упоминает Барбоса. Слова Афанасия Никитина о морском путешествии до Чаула в течение 6 недель, надо думать, означают весь морской путь от Хормуза до Чаула, поскольку остановка Афанасия в Камбае была кратковременна; в другом месте «Хожения» автор говорит, что путь от Камбая до «Чивеля» (Чаула) равняется 12 дням

[59] И тут есть Индейская страна, и люди ходять нагы все. . . Легкая одежда индийцев, у сельчан и городской бедноты сводившаяся к куску ткани вокруг бедер, описана многими средневековыми путешественниками. Марко Поло (XIII в.) говорит, — впрочем, с преувеличением, — что во всей области Маабар нет ни одного портного, ибо все ходят обнаженными. Ибн Батута с удивлением отмечает, что в южной Индии не только мужчины не имеют иной одежды, кроме повязки вокруг бедер, но и женщины надевают только юбки, оставляя верхнюю часть тела (выше пояса) открытой. Слова Афанасия Никитина о женщинах с непокрытой головой и с волосами, заплетенными в косы, вероятно, относятся к немусульманкам. Знатные люди, по словам путешественников (Марко

Поло, XIII в.; Николо Конти, XV в.; Вартема, XVI в.), одевались хоть и в легкие, но дорогие ткани, причем и мужчины, и женщины носили много золотых и серебряных украшений с драгоценными камнями. Мусульманские цари в Индии, по словам индо-персидского историка XVI в. Фериштэ, носили золотые короны, осыпанные драгоценными камнями.

[60] Фота — п.-ар. «фута», инд. «фота», иначе «дхоти» — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер; также легкая ткань, из которой приготовлялись чалмы, повязываемые мусульманами на голову (Vullers, LPL, II, стр. 697). Слово вошло в русский язык в значении «платок», «покрывало» (Савваитов, 156).

[61] Пали — город к востоку от Чаула, под 18°31′ с. ш. и 73°18′ в. д.

[62] Умри — по предположению Минаева, «Умра», местечко к северу от Пали. Однако при таком толковании трудно допустить, чтобы Афанасий Никитин мог затратить на путь от Пали до Умри 10 дней.

[63] Чюнейрь, Чюнерь — Джунейр, Джунир, Джуннар, Жуннар, старинный город к востоку от Бомбея и к северу от Пуны, под 19°12′ с. ш. и 73°50′ в. д. К юго-востоку от города находилась крепкая цитадель на скале, в окрестностях было много пещерных храмов, созданных в свое время буддистами. Город входил в состав владений династии Бахманидов.

[64] Асатъхан. . . холоп Меликътучяров — Асад-хан, вероятно, джуннарский наместник (согласно Фериштэ — военачальник) Мухаммед-шаха III. В 1347 г. в Декане создалось особое мусульманское государство во главе с династией Бахманидов (см. прим. 107). Современным Афанасию Никитину представителем династии Бахманидов был Мухаммед-шах III (1463—1482 гг.). Так как от имени этого юного шаха государством фактически управлял министр (везир) Мухаммед Гаван, носивший титул (лакаб) мелик-ат-туджжар «князь купцов» (см. прим. 109), то Афанасий Никитин и называет Асад-хана «холоп меликтучяров»; мелик-ат-туджжар у Афанасия Никитина везде именуется меликтучар, меликтучяр.

[65] Тма, тьма — Рамстедт предполагал происхождение этого очень древнего термина из китайского языка, Н. Миронов — из тохарского языка в Восточном Туркестане (Синьцзяне) — ṭmām, ṭmān — «десять тысяч». Термин этот в форме «тумен» задолго до монгольских завоеваний вошел во многие тюркские языки в значении «множество», «десять тысяч», также «тысяча» (Махмуд Кашгарский в XI в., I, 337). Ср. древнерусское «тма». Термин вошел также в языки персидский и арабский в форме «туман». После монгольского завоевания прочно установились следующие значения этого термина: 1) десять тысяч (людей, динаров или других монет); 2) десятитысячный корпус войска; 3) военно-административный округ (или кочевое племя), могущий поставить 10 000 воинов (номинально); 4) (в Средней Азии) округ в 100 деревень (Радлов, ОСТН, III, стр. 1602—1603).

[66] Кафары, кофары — от ар. «кафир», множ. ч. «кафирун» или «куффар» в первоначальном значении «неблагодарный» (по отношению к богу, за ниспосланное им откровение — Коран), позднее — «неверующий», «неверный» — «не-

мусульманин». Афанасий Никитин, говоря об индийских «кафирах», несомненно передает рассказы, слышанные им от мусульман. Что касается отношения мусульманских завоевателей к индуистам и другим немусульманам в Индии, то следует различать религиозно-правовую точку зрения на «кафиров» и установившуюся практику. В мусульманской богословско-юридической литературе вопрос о кафирах и об отношении к ним трактуется весьма подробно. Различаются отдельные виды «неверия» и разные категории кафиров. Более снисходительно мусульманские законоведы относятся к «людям писания» (ар. «ахл ал-китаб»)— иудеям и христианам — как обладающим «писанием», переданным через пророков (Моисея, Иисуса), хотя позже и извращенным. По отношению к вере и культу «людей писания» допускается терпимость, однако лишь при условии, если они являются зиммиями, т. е. признают себя подданными мусульманского государства и уплачивают установленную для них подушную подать (джизья). По отношению к «идолопоклонникам» веротерпимость, по крайней мере в теории, не допускалась. К этой категории кафиров мусульмане относили и последователей религии индуизма. Такие кафиры, если были ими от рождения, попадая в плен к мусульманам, подлежали смерти или обращению в рабство (мужчины), женщины и дети, во всяком случае, обрекались на рабство. Отступники от мусульманства («муртадд»), попадая в руки мусульман, осуждались на смерть. У Афанасия Никитина «кафарами» или «кофарами» (эта форма образована от арабск. множ. ч. «куффар», «коффар») называются исключительно индуисты; он тщательно отличает их от «бесермен», т. е. мусульман, как и от христиан и иудеев. От этих правовых воззрений значительно отличалась религиозная политика мусульманских государей в Индии. На практике к индуистам, как и к персам-зороастрийцам были применены те же правовые нормы, какие применялись мусульманами к христианам и иудеям. Индуисты были обложены податью для иноверцев (джизья). По отношению к культу индуизма чаще всего соблюдалась достаточно широкая терпимость. Вспыхивавшие по временам гонения на индуистский культ, как например при делийских (дехлийских) султанах Ала-ад-дине Хильджи (1296—1316 гг.) и Фируз-шахе Туглаке (1351—1388 гг.), были вызваны политическими причинами — борьбой между феодалами-мусульманами и феодалами-индуистами. Также и войны мусульманских государств с немусульманскими, как например войны государства Бахманидов с царством Виджаянагар, о которых говорит Афанасий Никитин («Меликтучар . . . бьется с кофары двадцать лет. . .»), вызванные экономическими и политическими причинами, происходили под идеологической оболочкой «войн за веру» и сопровождались организованной охотой за рабами-пленниками, о чем также Афанасий Никитин упоминает несколько раз.

С термином «кафир» не следует смешивать термин «гяур», употребительный у османских турок, имеющий то же значение, но иное происхождение: слово «гяур» происходит, по-видимому, от перс. «гебр»; последний термин означает в точном смысле зороастрийцев, но издавна прилагается также и к прочим «неверующим».

[67] Хан же езди на людех . . — имеется в виду часто практиковавшийся у знатных людей в Индии способ передвижения на носилках, несомых рабами и наемными слугами.

[68] Хорозанцы, хоросанцы — выходцы из Хорасана. См. прим. 95

[69] Хоросаньская земля — Хорасан, северо-восточная область Ирана. В средние века к Хорасану причисляли всю территорию от Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и Кевир) на западе до р. Аму-Дарьи и гор Бадахшана на востоке и от Хорезмийской пустыни (ныне пустыня Кара-Кум) на севере, до южной цепи Хиндукушских гор и до области Систан (Сеистан) на юге. В XV в. Хорасан входил в состав владений державы Тимуридов и делился на 4 области с центрами в Херате, Балхе, Мерве и Нишапуре. Хорасан был населен ираноязычными народностями (персы, таджики), частью и кочевыми тюркскими племенами.

[70] Орабаньская, Орапская земля — Аравийский полуостров, особенно южные его области (Йемен, Хадрамаут и Оман), ведшие в средние века систематическую морскую торговлю с Индией. Тукременская, Туркменская земля, — Туркмения.

[71] Чеготаньская земля — Чагатайская земля, в XIII—XV вв обычное название Средней Азии. Чагатайское государство, в составе Мавераннахра (нынешние Узбекистан и Таджикистан), Семиречья (юго-восточная часть нынешнего Казахстана) и Восточного Туркестана (Кашгарии, ныне Синьцзяна), образовалось после монгольского завоевания и смерти Чингис-хана (1227 г.), когда эти области были выделены в удел (улус) его второму сыну Чагатаю (или Чаадаю, правил в 1227—1242 гг.) и его потомкам (правили до 1370 г.). По имени Чагатая страна продолжала именоваться Чагатайским улусом даже после прекращения там династии Чагатаидов, при династии Тимуридов (1370—1500 гг.), в руках которых страна находилась и во времена Афанасия Никитина.

[72] Индейская земля — Индостан, Индия.

[73] Зима же у них стала с Троицина дни . . . Зимою здесь Афанасий Никитин называет период муссонов в Индии, сопровождающийся обильными дождями и грозами и продолжающийся с июня до октября. Тройцын день — переходящий христианский праздник, через 50 дней после Пасхи.

[74] Орють да сеють пшеницу, да тутурган, да ногут . . . имеются в виду приготовления ко второму севу и ко второй осенней жатве в Индии. — Тутурган — т., «тутуркан» м. «тутурга» — «рис» (Малов). — Ногут — п. «нухуд» — «горох».

[75] Вино . . . чинять в великых оресех . . . — по-видимому, вино кокосовой пальмы.

[76] Кози гундустаньскаа — по-видимому, п. «гоуз-и хинди» — «индийский (=кокосовый) орех». Скорлупы кокосовых орехов служили вместо сосудов для напитков (Завадовский).

[77] Татна — согласно описанию Минаева, род коры или растения, из которого в Индии приготовляли опьяняющий напиток.

[78] Кичирис — см. прим. 131.

[79] Шышени — шешни, рисовые лепешки.

[80] Во Индейской же земли кони ся у них не родят. Согласно распространенному в средние века мнению (см. у Марко Поло) климат Индии считался губительным для лошадей. Вероятно, частый падеж лошадей здесь вызывался неблагоприятными условиями корма их. По словам французского путешественника купца Тавернье (XVII в.), уход за лошадьми в Индии труден, их кормят моченым горохом и мучными шариками с сахарным тростником. Об огромных размерах ввоза верховых и боевых коней в Индию и их дороговизне см. прим. 51.

[81] Чюнер — см. прим. 63.

[82] Подворье. Подробное описание даровых приютов для путников в старой Индии, а также аналогичных убежищ для странников, построенных мусульманами, дано И. П. Минаевым (стр. 32—33); приведем его здесь: «Помещения в некоторых дхарма-салах, виденных нами, например в Насике, отличаются необыкновенною чистотой, прохладой и, конечно, неизмеримо выше тех грязных приютов, которые известны в Индии под именем „дак-бангалоу" и содержатся британским правительством на пользу европейских путешественников. „Дхарма-сала"—„дом благочестия" или „пантха-сала" — „приют для путников" в старой Индии строились частными лицами, а также правителями. В одном позднем санскритском памятнике, однако пользующемся некоторою популярностью в Махратской стране, описано несложное хозяйство такого приюта для путников. Царю вменялось в обязанность построение таковых приютов между каждыми двумя деревнями. Деревенские старосты (грамапа) должны были наблюдать за чистотою в этих домах. Пришедшего в этот дом путника староста должен был допрашивать: „Откуда и куда идешь? По какому делу? Есть ли у тебя товарищи или нет? Какое у тебя оружие? На чем приехал? Какой касты? Где постоянно живешь?" Ответы на эти вопросы записывались, а оружие отбиралось на ночь. Пересчитав путешественников, староста запирал их в доме на ночь и сторожил. Наутро они выпускались из дому, и им возвращалось отобранное оружие». И при мусульманских государях Индии строились подобные же приюты, иногда с отдельными помещениями для мусульман и индуистов. При подобном доме строилась мечеть, к ней определялись имам и муэззин. Шир-шах, султан делийский (1539—1545 гг.), построил до 1700 подобных подворий по дорогам северной Индии. Афанасий Никитин сообщает об этих подворьях любопытную подробность, которой нет у других авторов: там «есть варят на гости господарыни («хозяйки»; не рабыни ли? — *И. П.*), и постелю стелють, и спять с гостьми». Странноприимные дома были во множестве и в мусульманских странах — Иране, Средней Азии и др. Ибн Батута постоянно останавливался в таких подворьях (завийя) и описывает их подробно. Мусульманские странноприимные дома находились в ведении духовных лиц (шейхов), на содержание их отписывались завещанные имущества (вакфы), при них находились рабы и рабыни, прислуживавшие путникам и готовившие для них пищу, но при этом проституция, подобная описанной

Афанасием Никитиным в Индии, не допускалась. Путника там не спрашивали, кто он и откуда, ему предоставляли бесплатно помещение и пищу, по крайней мере, на 3 дня. Вероятно, в таких подворьях в Иране останавливался и Афанасий Никитин.

[83] Сикишь илересънь. . . сикишь муфут — одна из тюркских фраз, часто дальше вкрапленных в текст «Хожения», см. перевод,; о тюркском языке Афанасия Никитина см. прим. 368.

[84] Оло, оло, абрь оло ак, оло керим, оло рагым — (ар.) «Аллах, аллах акбар, аллах хакк, аллах керим, аллах рахим» — «Бог, бог величайший, бог-истина, бог благой, бог милосердный» — обычные эпитеты бога у мусульман.

[85] Хан у меня взял жеребца. Согласно мусульманскому праву, немусульмане не должны были ездить верхом на лошадях, а только на ослах, мулах, верблюдах. Хотя на практике это правило соблюдалось далеко не всегда и не везде, но в данном случае оно, видимо, послужило предлогом для того, чтобы отнять у Афанасия Никитина жеребца.

[86] Бесерменин — здесь и везде искаженное «мусульманин».

[87] А стань в веру нашу, в Махмет-дени. «Махмет-дени» — ар.-т. «Мухаммед-дини» — «мухаммедова вера», т. е. ислам, мусульманство. Согласно мусульманскому праву, иноверцы из категории «людей писания» (христиане и иудеи, см. прим. 66) пользовались свободой культа и постоянным покровительством закона только в том случае, если они были зиммиями — подданными мусульманского государства — и платили установленную для иноверцев подушную подать (джизья). Мустамин, т. е. иноверец, прибывший из «стран кафиров» в мусульманское государство ради торговли или для иных дел, пользовался там покровительством закона в течение года, после чего он должен был либо уехать, либо принять ислам, либо перейти в категорию зиммиев; в противном случае он подлежал обращению в рабство. Возможно, на основании этого права Асад-хан и добивался у Афанасия Никитина его перехода в ислам. Впрочем, на практике это правило чаще всего не соблюдалось.

[88] Хозяйочи — по-видимому, искаженное слово; возможно, следует «хазиначи» (ар.-т.) — «казначей». Можно здесь также предполагать какую-либо форму, производную от п. «ходжа» — «старец», «господин», «сановник» — эпитет, присваивавшийся в XV в. гражданским чиновникам, духовным лицам, уважаемым купцам. Из перс. «ходжа» (в искаженной татарской форме «хозя») произошло русское «хозяин».

[89] Кофары, ни крестияне, ни бесерьмена — индуисты (см. прим. 66).

[90] Бедерь — Бидар, большой индийский старинный город под 17°55′ с. ш. и 77°32′ в. д., в 100 км на северо-запад от Хайдарабада, на высоте 700 м над у. м , в центре страны Декан (на языке хинди Dakkhan, санкритск. Dakshina, пракритск. Dakkhinabadha — «южная страна»), т. е. области от гор Виндхья на р. Годавери на севере до р. Кришны (Кистны) на юге. Население Декана на севере говорит на языках индийской системы (маратхи на северо-западе, урья на северо-

востоке), в центре и на юге — на языках дравидийской системы. Бидар лежит в области языка маратхи. Завоевание Декана мусульманами началось с 1294 г. с походов Ала-ад-дина Хальджи Дехлийского. В XIV в. Декан, а вместе с ним и Бидар вошли в состав владений шахов Декана из династии Бахманидов (1347—1526 гг.), девятый представитель которой Ахмед-шах I (1422—1435 гг.) перестроил Бидар и перенес сюда свою столицу из Гульбарги. И при Афанасии Никитине Бидар оставался столицей Бахманидов, которых Афанасий Никитин считал верховными государями всей мусульманской Индии («в Бедери же их стол Гундустану бесерменьскому»). После ослабления Делийского султаната, во второй половине XV в., Бахманидский султанат был сильнее других мусульманских государств Индии. Бидар оставался во владении Бахманидов до 1490 г. В XV в. Бидар был крупным торговым центром; здесь продавались, между прочим, шелковые ткани, камка (кимха или кимхаб, персидская шелковая златотканная ткань), кони (из стран Передней Азии, главным образом арабские и татарские), индийские и привозные рабы. Подробности о вывозе коней в Индию (из Хормуза), о торге ими, помимо Ибн Батуты (см. прим. 51), сообщают персидский историк Вассаф и путешественники Марко Поло (XIII в.), Вартема, Цезарь Фредерик (XVI в.). Под черными рабами Афанасий Никитин, по-видимому, подразумевает не привозных негров из Африки, а местных невольников, быть может из дравидийских народностей южной Индии. Бидар был известен также своими металлическими изделиями (чаши, подсвечники, трубки и др.). В городе XV в. была цитадель («султанов двор», с 7 воротами, — у Афанасия Никитина), развалины которой сохранились до настоящего времени. В цитадели несколько дворцов, из которых лучший — Ран-Махал — был извне облицован разноцветными фаянсовыми плитками. В цитадели находится мечеть, известная теперь под именем Сола-Кхамб Месджид — «Шестнадцатиколонная мечеть». Махмудом Гаваном Мелик-ат-туджжаром (см. прим. 109) в Бидаре построено в 1478 г. большое медресе (высшее училище). Индо-персидский историк Фериштэ (XVI в.) подробно описывает медресе Махмуда Гавана в Бидаре. Медресе, занимавшее пространство в 60 м длиною и свыше 50 м шириною, выходило на площадь, называемую перекрестком Гавана. С восточной стороны в медресе входили через арку высокого портала, с 2 минаретами, высотою до 30 м, по сторонам. Кельи для студентов (худжры) в 3 этажа выходили на квадратный двор, занимавший середину комплекса зданий медресе. В середине каждой из 3 сторон двора (в четвертой находилась входная арка) была высокая, во все 3 этажа, зала под куполом (аудитория). Куполы и наружные стены медресе были облицованы цветными глазурованными изразцами, покрытыми по зеленому и золотому полю стихами из Корана и другими надписями. При медресе была библиотека из 3 тысяч рукописей.

[91] Кулонкерь, Кулонгерь — Кулунгир, город в Декане, в 90 км от Гульбарги.

[92] Кельберг, Келуберг, Кельберх — Гульбарга или (на языке маратхи) Кульбарга, город в Декане под 17°23′ с. ш. и 76°48′ в. д., в 90 км к юго-западу

от Бидара. До половины XIV в. был небольшим городом, но значение его сильно выросло после того, как с 1347 г. он стал столицею деканских мусульманских царей Бахманидов; в 1429 г. столица их была перенесена в Бидар. В Гульбарге сохранились великолепные мавзолеи бахманидских царей и соборная мечеть. От Гульбарги начинается область населения, говорящего на дравидийских языках.

[93] Ков — гав, в индийских языках «кос», мера длины, различная для разных областей Индии, от 6.5 до 15 км. Афанасий Никитин считает «в кове по 10 верст» в среднем.

[94] Камка — п. «камха», «кимха» — шитая золотая цветная шелковая ткань, парча. На Руси была хорошо известна (Савваитов, стр. 45—47).

[95] Бояре все хоросанцы . . . Понимать это выражение Афанасия Никитина буквально было бы неправильно; его можно понять лишь в том смысле, что среди мусульманских феодалов Декана преобладал пришлый, неиндийский элемент из тюрков, афганцев и персов; среди последних выходцы из Хорасана занимали видное место, особенно среди гражданской бюрократии, как и связанного с нею крупного купечества. Согласно «Бабур-намэ», хорасанцами в Индии называли всех мусульман неиндийского происхождения. Однако в Бахманидском султанате даже среди сановников были и индийцы, что и отметил Афанасий Никитин, говоря о «бесерменских» и «индийских» везирах султана. Низший административный аппарат в том же государстве, согласно исследованию Минаева, состоял из индийцев.

[96] А к слоном вяжуть к рылу . . . см. прим. 113. — Кептар — см. прим. 250.

[97] Пушки. Первое упоминание об огнестрельном оружии на мусульманском Востоке встречается у персидского историка Муин-ад-дина Натанзи («аноним Искендера», XV в.), под 780 г. хиджры — 1378 г. н. э. (рассказ об осаде Тимуром Ургенча в Средней Азии). В 60—70-х годах XV в. пушки были уже в употреблении не только у османских турок, но также, хотя и в очень небольшом количестве, у крупных государей Ирана, Средней Азии (в государствах Ак-Койюнлу и Тимуридов), а также мусульманской Индии. Пушки доставлялись из Западной Европы, большей частью венецианцами, морским и караванным путем (в государстве Тимуридов—через Крым, Астрахань, Каспийское море и Астрабад). Есть известие, что в конце XV в. пушки грубой работы изготовлялись в Херате, столице тимуридских султанов (в Хорасане).

[98] Шихб Алудин — шейх ʻАла-ад-дин, местный (близ Гульбарги) мусульманский святой, гробница («пир») которого находилась, по описанию Афанасия Никитина, в Алланде. Этого Ала-ад-дина позднее отожествляли с дехлийским султаном Ала-ад-дином Хальджи (1296—1316 гг.). В настоящее время около Гульбарги есть мавзолей мусульманского святого — Банда-Наваз. — Ших, шихб — искаженное ар. шейх. — Пир — перс. — «старец», «суфийско-дервишеский наставник» (синоним ар. «шейх»), «святой», также (вульгарное) «гробница святого», «мавзолей».

[99] Алядинанд (искажение). Алянд — Алланд, город в 45 км к северо-востоку от Гульбарги, под 17°30′ с. ш. и 76°41′ в. д. В XV в. здесь происходила ежегодно значительная ярмарка (базар) с конским рынком, собиравшаяся к празднику шейха Ала-ад-дина.

[100] Птица гукук — по индийским поверьям, ночная зловещая птица, вероятно род филина — на языке урду «гхукху».

[101] Мамонь, мамон. Значение слова не вполне ясно. По звучанию «мамон» ближе всего подходит к п. «маймун» — «обезьяна»; об обезьянах Афанасий Никитин и рассказывает ниже. Минаев (стр. 126—127) предполагает значение «змей» (на языке хинди «мамун» — «змей»), что, однако, противоречит контексту в других местах у Афанасия Никитина. В английском и чешском переводах «Хожения» Афанасия Никитина «мамоны» переведены «дикие кошки». С. Е. Малов считает этот перевод правильным, указывая на монг. «манул» — «дикая кошка» (в словаре Замахшари, XII в.). Действительно, известен вид крупной степной кошки «манул» — felis manul, otocolobus manul. Однако трудно объяснить, каким образом у Афанасия Никитина, знакомого с тюркской речью, «манул» превратился в «мамон, мамонь», если не предположить ошибки переписчика.

[102] Князь обезьяньскый, да ходить ратию своею. . . Эти слова Афанасия Никитина без сомнения основаны на слышанном им широко известном в Индии сказании, из цикла мифов, обработанных в героическом эпосе «Рамаяна», о царе обезьян Сугриве и его полководце Ханумане, союзниках героя эпоса, царевича Рамы; у индуистов Хануман почитается как одно из низших божеств. В дальнейшем в рассказах Афанасия Никитина об обезьянах смешаны слышанные им легендарные рассказы с впечатлениями действительности.

[103] Базы миканет — п. «бази микунед» — «играет», «ведет игру». Под «бази» в средние века понимались рыцарские игры, вроде поло и иных, также народный театр и представления профессиональных гимнастов, акробатов, жонглеров, поводырей дрессированных медведей и обезьян. Последнее значение и имел в виду Афанасий Никитин.

[104] Весна же у них стала с Покрова. «Весною» в данном случае Афана́сий Никитин называет сухое время года в Индии, время второй жатвы, начиная с октября. Праздник Покрова богородицы (в православной церкви) — 1 октября.

[105] Ших Аладин — см. прим. 98.

[106] В Бедери. . . стол Гундустану бесерменьскому. В действительности Бидар был столицей только царства Бахманидов, а не всей мусульманской Индии.

[107] Салтан велик 20 лет. Султан — юный деканский царь Мухаммед-шах III (1463—1482 гг.) из династии Бахманидов (1347—1525/26 г); Мухаммед-шаху при вступлении на престол было 9 лет, следовательно, во время пребывания Афанасия Никитина в Индии (1469—1472 гг.) Мухаммед-шаху было не 20, а от 15 до 18 лет. От имени юного султана фактически правил государством везир (министр) Махмуд Гаван, по прозвищу Мелик-ат-туджжар

(см. прим. 109). Государство Бахманидов (Бахманиев) образовалось при следующих обстоятельствах. Завоевание Декана (см. прим. 90) мусульманами началось в конце XIII в. Племянник делийского султана Джелал-ад-дина Фирузшаха (1290—1296 гг.), воинственный Ала-ад-дин Мухаммед (впоследствии султан делийский, 1296—1316 гг.) завоевал большую часть Декана, овладев, между прочим, важным и богатым городом Деогири, позднее переименованным мусульманами в Даулетабад. Завоевание Декана мусульманами было закончено при делийском султане Мухаммеде II ибн Тоглуке (1325—1351 гг.), но жестокая эксплуатация и религиозные притеснения вызвали массовые восстания индийцев в Декане и усиление сопротивления жителей еще не покоренных областей южной Индии. К югу от р. Кистны сложилось индийское (немусульманское) царство Виджаянагарское (см. прим. 315), а севернее, в Декане, народными восстаниями и ослаблением Делийского султаната воспользовалась осевшая в Декане новая мусульманская военно-феодальная знать из пришлых тюрков, афганцев и хорасанских персов. Они отложились от Делийского султаната и провозгласили царем Декана афганца, полководца Хасана Гангу, известного под именем Зафар-хана и воцарившегося под именем шаха Ала-ад-дина. Последний, дабы заставить забыть свое социальное происхождение (из вольноотпущенников), стал возводить происхождение своих предков к полумифическому древнеперсидскому царю Бахману, сыну Исфендийяра, одному из героев иранских эпических сказаний. Благодаря этой легенде новая династия и получила фамильное имя Бахманидов (Бахманиев). Феодальное государство Бахманидов просуществовало с 1347 по 1525/26 г. Столицей была сначала Гульбарга, а с 1429 г. Бидар (Бедерь Афанасия Никитина, см. прим. 90). Царство делилось на четыре главных области: Даулетабад, Гульбарга, Берар и Бидар. Руководящей политической силой в царстве была мусульманская военная знать, наделенная феодальными владениями (так называемые «икта» и «джагир») и тесно связанная с верхушкой купечества. Эта военно-феодальная знать сложилась из двух основных групп: 1) из пришельцев-иноземцев — тюрков, афганцев, персов, реже арабов и абиссинцев, продолжавших и в XV в. прибывать морем, иногда целыми племенными группами, в Декан, на службу к бахманидским царям; 2) из знати местного происхождения. Между этими двумя группами в XV в. велась упорная борьба за влияние при дворе и власть в государстве (см. прим. 109). Царство Бахманидов вело постоянные войны с индийскими немусульманскими государствами — Виджаянагаром, Телинганой, Ориссой. Эти войны, сопровождавшиеся захватом военной добычи и рабов-пленников, обогащали военно-феодальную знать, но ложились тяжелым бременем на крестьянство, обложенное высокими налогами, разоренное и страдающее от неурожаев и голодовок. При Мухаммедшахе III были проведены административная реформа (см. прим. 109) и значительные завоевания в Телингане и на Малабарском берегу (см карту V, также прим. 151). На рубеже XV и XVI вв. Бахманидское царство стало распадаться; на его территории образовалось пять мусуль-

манских феодальных государств: Берар, Биджапур, Ахмеднагар, Бидар и Голконда.

[108] Фарасанци — искажение — хорасанцы, см. прим. 95.

[109] Хоросанец Меликтучар боярин — Мелик-ат-туджжар, собственно ходжа Махмуд Гаван, перс, потомок старинной чиновной фамилии, занимавшей наследственно высокие гражданские посты при дворе владетеля восточного Гиляна (династия Каркийя). Родился около 1405 г. После того как семья его оказалась в опале, Махмуд Гаван занялся караванной торговлей и много путешествовал; являясь в то же время широко образованным человеком, он повсюду старался сближаться с учеными и поэтами. Прибыв в Индию (в порт Дабул) по торговым делам в 1455 г., Махмуд Гаван, посетив Бидар, снискал милость деканского царя — Бахманида Ала-ад-дина Ахмед-шаха II (1435—1457 гг.), получив придворный пост. При преемниках Ахмед-шаха II — сыне его Ала-ад-дине Хумайюн-шахе (1457—1461 гг.) и внуке Низам-шахе (1461—1463 гг.) — Махмуд Гаван занимал разные высокие посты. От Хумайюна Махмуд получил почетный титул (лакаб) «мелик-ат-туджжар» (ар.) — «князь (или «старшина») купцов»; Афанасий Никитин принимает этот титул, в вульгарном произношении «Меликтучар», за собственное имя. Титул этот указывает на обычную в азиатских феодальных государствах тесную связь государя и главы его финансового ведомства с крупными оптовыми купцами, участниками компаний караванной и морской торговли, так называемыми уртаками; последние нередко торговали за границей не только от своего имени, но и от имени и на средства своего государя и его финансового ведомства, являясь его контрагентами. В короткое правление юного Низам-шаха его мать-регентша поручила управление двум везирам (министрам): тюрку Ходжа-и Джехану и персу Махмуду Гавану. Последний успешно руководил военными действиями против неприятелей, в частности против царя Ориссы. После вступления на престол в 1463 г. брата Низам-шаха, Мухаммед-шаха III, Махмуд Гаван отделался путем убийства от своего сотоварища по везирату Ходжа-и Джехана с помощью царицы-матери, а затем заставил и ее удалиться в частную жизнь и все управление государством сосредоточил в своих руках, получив от юного государя титул «ходжа-и джихан» (что приблизительно может быть переведено как «министр мира»). Под его руководством было восстановлено владычество бахманидского царя в Телингане и закончено покорение этой страны; были завоеваны Конкан и индийские княжества Малабарского берега, пиратские флоты которых наносили большой ущерб морской торговле мусульманских государств Индии с Ираном, Аравией и Египтом; от царства Виджаянагарского были отняты важный порт Гоа (на Малабарском берегу) и крепость Бельгаум. В целях укрепления центральной власти и ограничения власти наместников и местных феодальных владетелей Махмуд Гаван провел административную реформу. Раньше государство было разделено на 4 наместничества (ар. «тараф» — букв. «сторона»); наместники — «тарафдары» (ар.-п. «владетели тарафов»), из крупных феодалов, соединяли в своих руках военное, администра-

ЦАРСТВО БАХМАНИДОВ ПРИ МУХАММЕД-ШАХЕ III

тивное и финансовое управление, сами назначали всех чиновников и вносили в центральное казначейство только часть собираемых ими налоговых средств, остальные присваивая себе. Вместо прежних тарафов Махмуд Гаван образовал 8 новых: Гавиль, Махур, Даулетабад, Джуннар (Чунейр), Гульбарга, Биджапур, Варангал и Раджамундри (последние два в Телингане); они делились на округа («паргана»). Область Бидара находилась под непосредственным управлением самого везира. Таким образом, подвластные тарафдарам территории и самые пределы их власти были уменьшены. Махмуд Гаван опирался главным образом на сановников, придворных и военачальников из пришлых иноземцев — афганцев, персов и тюрков, поддерживавших централистскую политику везира. Напротив, мусульманская знать местного деканского происхождения стремилась к ослаблению центральной власти в лице везира и к укреплению власти феодалов на местах. Между этими двумя группами знати еще раньше велась борьба, внешне прикрытая религиозными разногласиями двух основных течений ислама: первая группа придерживалась шиитского течения, вторая — суннитского. Вторая группа была особенно недовольна административной реформой Махмуда Гавана. Во главе этой группы местной деканской знати стоял мелик Хасан Бахри, носивший титул «низам-ал-мульк» (ар. «устроение царства»); раньше он был тарафдаром всей Телинганы, после реформы же ему осталось только наместничество Раджамундри. Он и его сторонники, воспользовавшись тем, что возмужавший Мухаммед-шах III стал тяготиться опекой Махмуда Гавана, составили против него заговор. Ими было составлено подложное письмо от имени Махмуда Гавана к «неверному» царю Ориссы, которому предлагалось вторгнуться в Бахманидское царство и обещалось тайное содействие Махмуда Гавана. Письмо было составлено на чистой бумаге, на которую заранее озаботились наложить личную печать с монограммой (тугра) Махмуда Гавана (такие печати в мусульманских государствах заменяли подписи), подпоив и подкупив секретаря последнего, у которого хранилась эта печать. Подложное письмо было представлено Мухаммед-шаху, который, не слушая оправданий Махмуда Гавана, велел обезглавить его (6 апреля 1481 г.); имущество везира было конфисковано, дворец его разграблен, приверженцы его были разогнаны. Подробности биографии его переданы индо-персидским историком XVI в. Фериштэ. Последний рисует Махмуда Гавана умным, бескорыстным и преданным своему долгу администратором, щедрым благотворителем, покровителем ученых, поэтов и духовенства. Известия Афанасия Никитина позволяют нам видеть Махмуда Гавана и в другом аспекте: это был властолюбивый правитель, собравший огромные богатства — частью от доходов со своих поместий и должностей, частью от военной добычи, скопленной во время многих завоевательных походов. Став феодалом и везиром, он не переставал заниматься торговлей в крупных размерах, при помощи других купцов-контрагентов, торгуя, между прочим. рабами пленниками. При всем том он был одним из наиболее талантливых политических деятелей южной Индии. Его падение и казнь и последовавшая за

этим неудача его административной реформы привели к усилению феодальной раздробленности и к распаду Бахманидского государства.

[110] Мелик-хан и Харат-хан (Фарат-хан) — военачальники Мухаммед-шаха III Бахманида; в последнем имени можно видеть иранское имя Фархад. По мнению Минаева, Фарат-хан Афанасия Никитина — один из тарафдаров (ар.-п. — «обладатели стран», «правители областей»), наместников областей в Декане. Приведенные Афанасием Никитиным цифры «рати» деканских царей Бахманидов и их полководцев, судя по данным Фериштэ и других хроник, сильно преувеличены.

[111] Сельскыя люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми. Тяжелое положение крестьян в государстве Бахманидов не осталось незамеченным Афанасием Никитиным. XIII—XV века были временем роста закрепощения и ухудшения положения крестьян во всех государствах как Передней и Средней Азии, так и Индии. Наш путешественник верно подметил контраст между роскошной жизнью султанского двора и мусульманской военно-феодальной знати и бедностью эксплуатируемой крестьянской массы.

[112] Нагарники — литаврщики (от п.-ар. «наккара» — «литавры»). О литаврах см.: Савваитов, стр. 72.

[113] А слонов водят . . . наряженых в доспесех золоченых . . . Слон для выезда султана покрывался парчою (кимха), боевые слоны облачались в булатные доспехи или стальные латы (иногда золоченные). Железная цепь во рту царского слона препятствовала коням и людям приблизиться к царю. Сбруя слона, так называемая «тайя», описана в «Айин-и Акбари», персидском официальном памятнике времен султана Индостана Акбара Великого (1556—1605 гг.): «Тайя состоит из 5 железных листов, каждый в пядь длиною и в 4 пальца шириною, прикрепленных друг к другу кольцами. С обеих сторон тайи есть по 2 цепи, каждая в гез (около 100 см, — *И. П.*) длиною: одна из них проходит над ухом слона, другая под ним, к калава — головному убору (ленте слона), к которому обе привязаны. Между ними есть другая цепь, которая проходит над головой и привязана к калава, а под ними крест-накрест 4 острия, искривленных на концах, украшенных шишками. Кутас (хвост тибетского яка) привязан здесь. От нижнего конца его — 3 цепи, украшенные подобным образом. Кроме того, 4 других цепи привязаны к шишке: 2 из них, подобно первым, кончаются шишкою, а 2 остальных привязаны к клыкам (бивням). К этой шишке привязаны еще 3 цепи, из коих 2 проходят вокруг туловища слона, а средняя свисает вниз, кутас и мечи привязаны к первым шишкам, а последняя находится над лбом. Все это — частью ради украшения, частью для отпугивания других животных (верховых лошадей, — *И. П.*). К кутасу прикреплялось знамя, джханда. Между ушей слона сидел погонщик в доспехах. На спине слона воздвигался городок, в котором помещалось от 4 до 6, редко до 12 воинов».

[114] Гаурыкы. Можно считать убедительным объяснение И. П. Минаева, согласно которому это слово, как и в другом месте непонятное «ковре», — санскр.

«гаурика» — «юная дева» в значении «одалиска», «фаворитка султана», от санскр. «гаури» — «желтовато-белая» (по цвету лица).

[115] Гарип — ар. «гариб» — «чужестранец», «чужеземец», «странник».

[116] Человеки кутоваловы — военные слуги коменданта крепости или военного правителя города с прилегающим округом (п. «кутувал»).

[117] Футун, фута, фуна — согласно Минаеву, от «папам», «фанам» (на тамильском языке), южноиндийская монета разной ценности в разных местностях, золотая и серебряная; ср. п.-урду «фотадар» — «банкир».

[118] Филиппов [пост] (в православной церкви) — с 14 ноября («день памяти апостола Филиппа») по 24 декабря.

[119] Исаяденнени — «'Иса-дини», искаженное ар.-т. «Иса-динией» — «Иисусова вера», христианство.

[120] Хозя Исуф Хоросани — Ходжа Юсуф Хорасани — «бесерменьское» (=мусульманское) имя, принятое Афанасием Никитиным Нисба (прозвище по месту происхождения или постоянного жительства) «Хорасани» — «Хорасанский», принятая при этом Афанасием Никитиным, заставляет предполагать существование каких-то (торговых?) связей, завязанных нашим путешественником с хорасанскими купцами, побуждавших его назвать себя в Индии хорасанцем. В пользу такого предположения говорит и заступничество «хозяйочи Махмета хорасанца» (см. прим. 88) за Афанасия Никитина перед местным правителем — ханом в Джуннаре, и частые упоминания Афанасия Никитина о хорасанцах в Индии.

[121] Маназ — искаженное «намаз» (п.) — мусульманская уставная обязательная молитва, ар. синоним «салат». Намазы полагается совершать 5 раз в день, на арабском языке, по установленным формулам и по возможности в мечети. Намазам противополагаются «мунаджжат» (ар.) — добровольные молитвы, которые можно творить в любое время, в любом месте, на любом языке и в каких угодно выражениях. У Афанасия Никитина слово «намаз» употреблено в значении всякой молитвы вообще.

[122] Веруем в Адама — см. прим. 124, 153, 186.

[123] А вер в Индеи всех 80 и 4 веры . . . По-видимому, Афанасий Никитин имеет в виду многочисленные секты и ответвления индуизма; число их, слышанное нашим автором, верно лишь приблизительно. Судя по приведенным ниже словам — «а вера с верою ни пиеть, ни яст, ни женится», — возможно, что Афанасий Никитин смешивал с религиозными сектами индийские касты и подразделения каст, насчитывавшиеся сотнями.

[124] А все веруютъ в Бута. Невозможно допустить, чтобы выражение «Бут» означало у Афанасия Никитина Будду: как известно, в результате реакции со стороны брахманизма, трансформировавшегося постепенно в свою позднюю фазу — индуизм, буддизм был совершенно вытеснен из Индии между VIII и XI вв. н. э. В XV в. Афанасий Никитин не мог найти в Индии (кроме пригималайских районов, о. Цейлона и Бирмы, где он не был) ни буддистов, ни буддий-

ского культа; старинные храмы буддийской стройки (чайтья) давно были посвящены божествам брахманизма (индуизма). Со словом «бут», как и со словом «кафир», Афанасий Никитин познакомился в мусульманской среде. Слово «бут» — персидская форма арабского «будд» и имеет разные значения: 1) Будда или его изображение (первоначальное значение), 2) пагода, 3) всякий вообще идол, отнюдь не непременно буддийский. В первом значении это слово встречается у ряда арабоязычных авторов X—XII вв. — Мас'уди, Бируни, Шахристани. В значении идола вообще слово «бут» было широко известно на всем мусульманском Востоке и до и после XV в. В космографии Димашки приведено описание знаменитого индуистского храма в Сомнате (Соманатха), разрушенного в первой четверти XI в. Махмудом Газневидом, с идолом, который назван «бутом». Этот идол, согласно описанию, состоял из двух камней, являвшихся символом органов размножения; следовательно, это был известный в Индии фетиш (линга), почитаемый шиваитскими сектами индуизма (секта лингаитов), не имевший никакого отношения к буддийскому культу. Отсюда персидское выражение «бутпараст», вошедшее и в ряд тюркских языков, имело двоякое значение — и «буддист», и — чаще — «идолопоклонник», «язычник» вообще. Этим же именем — «бутпараст» — мусульмане Индии постоянно называли индуистов, считая их «язычниками». Выражением «бутхана», «бутханэ» (перс. букв. «идольский дом», «храм идолопоклонников», «капище») обычно обозначался всякий «языческий храм». Афанасий Никитин употребляет выражения «бут» и «бутхана» в тех же значениях, в каких они употреблялись всеми мусульманами: «идол» (или «кумир», «истукан», «языческий бог») и «капище идолопоклонников». Культ и изображения, виденные нашим путешественником в «бутхане» в Парвате, индуистские. Слова Афанасия Никитина «а все веруютъ в Бута» следует понимать в том смысле, что все индийские «кафиры» поклоняются идолам. Слова Афанасия Никитина «и оны (индийцы) сказывают: веруем в Адама. . .» основаны, по-видимому, на плохо понятых путешественником объяснениях индуистов, у которых не было культа Адама и которые не заимствовали этого культа от мусульман. Возможно, Афанасий Никитин отожествил с Адамом Атман, который, по учению брахманизма (индуизма), представляет первооснову всего существующего, мировую душу или божество (эпитет Брахмы), понятое в пантеистическом аспекте. Подобное мнение высказано Минаевым (стр. 133—134). Возможно, впрочем, что здесь почитание индийского мифического первочеловекаМану отожествлено с иудейско-христианско-мусульманским почитанием первочеловека Адама.

[125] Поити к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьскыи Мягъкат, де их бутхана. Святыню (бутхана) индуистов, приравниваемую по значению ее Афанасием Никитиным к христианскому Иерусалиму и мусульманской Мекке (Мягъкат), наш путешественник называет Первоть. По всей вероятности, это — Парвата (Шрипарвата), храмовый комплекс, расположенный на южном берегу р. Кистны, около 175 км к юго-востоку от Хайдарабада. В XV в. Парвата нахо-

дилась вне пределов мусульманских владений. Парвата была посвящена шиваитскому культу, здесь находился один из двенадцати наиболее священных символов органа плодородия (линга). Парвата описана Макензи (1794 г.). Согласно его описанию, Парвата представляла храмовый комплекс, обнесенный оградой, длиною около 190 м и шириною около 150 м. Внутри ограды находилось несколько храмов и других зданий, тенистый сад и пруд. Ограда была сложена из больших каменных плит, длиною до 2 м и шириною до 1 м каждая, правильно обточенных, серого цвета; высота ограды была от $3^1/_2$ до 4 м. Каменная ограда была украшена резными изображениями, в которых, по-видимому, следует видеть упомянутые Афанасием Никитиным 12 «венцов» с изображениями «чудес бутовых». Среди этих «образов» некоторые легко узнаются: «человек, а нос слонов» — бог Ганеша, «человек, а виденье обезьянино» — бог Хануман. Упомянутый Афанасием Никитиным пятидневный торг у бутханы, по-видимому, совпадал с важным у индуистов праздником Шива-ратри (ночь Шивы). Неясно, изображением какого божества был виденный Афанасием Никитиным главный «Бут» («Бут вырезан ис камени вельми велик»). Можно предположить здесь искаженное описание статуи бога Шивы. Стоявшее перед этой статуей изображение быка «вол велми велик» — Нанди, бык Шивы.

[126] По две шекшени пошлини. Шекшень — шешкани (перс.), мелкая серебряная монета, равнялась трем четвертям $^1/_9$ части (хашткани) танги (тенгэ) — серебряной монеты, равной 2 динарам.

[127] Всех людей бысть азар лек, вахт башет сат азаре лек — в последней части искаженная персидская фраза, следует читать: «хазар лек, вакти башед сад хазарэ лек», т. е. «всех людей было тысячу леков, временами бывает сто тысяч леков». — Лак, лек — счетная единица, «сто тысяч». Афанасий Никитин хотел сказать, что в Парвату собиралось несметное число паломников.

[128] Устьян царь царяградскы. Сравнение статуи («Бут») в парватском храме, по положению руки, со статуей византийского императора Юстиниана I (527—565 гг.) в Константинополе могло быть навеяно описаниями последней статуи у русских паломников Стефана Новгородца (1350 г.) и Зосимы диакона (1420 г.). Стефан Новгородец говорит: «Стоит столп чуден велми. . ., а по верху стоит Устиниан велик на коне; велми чуден, аки жив, в доспесех оденн срацинских, грозно видети его, а в руце держит яблоко злато велико, а на блюде крест, а правую руку от себя простер буйно па Срацинску землю (по направлению к сарацинским, т. е. мусульманским землям, — *И. П.*) к Иерусалиму». Это положение руки конной статуи Юстиниана и подало Афанасию Никитину повод к сравнению с «Бутом» в Парвате. Также по словам Зосимы, Юстиниан «правую руку держит распростерту». И Клавихо (1404 г.) говорит: «Всадник (Юстиниан, — *И. П.*), который сидит на ней (лошади, — *И. П.*), держит правую руку высоко, с кистью открытою». Об этой конной статуе упоминают и другие западноевропейские путешественники (подробное описание у Вильгельма де Бальдензеля). Афанасий Никитин, если даже допустить, что он раньше был

в Константинополе, не мог сам видеть этой статуи, так как еще до завоевания Константинополя османскими турками (1453 г.) этой статуи уже не было на месте, оставалась только служившая для нее пьедесталом порфировая колонна («столп чуден»).

129 Один съ-дним ни пиеть, ни яст... Религиозные законы индуистов запрещают есть друг с другом мужу с женою, членам различных каст, всем вообще индуистам с мусульманами и другими иноверцами. Сыта — название какого-то опьяняющего напитка.

130 Брынец — из п. «бириндж» — «рис».

131 Кичири, кичирис — кхичри, индийское блюдо из риса с маслом и приправами. По словам Абд-ар-реззака Самарканди (40-е годы XV в.), блюдом кичри при дворе виджаянагарского царя кормили, между прочим, царских слонов: сварив кичри, его выливали из котла; посыпав солью и подмешав свежего сахару, давали в пищу.

132 Мякъка — Мекка, религиозный центр мусульман со святилищем Ка'ба («Месджид ал-харам» — «Заповедная мечеть»); паломничество в Мекку в принципе признается религиозным долгом для всех мусульман, кроме бедняков, немощных и женщин, для которых оно не обязательно.

133 Яхонт — ар. «якут»; этим термином на мусульманском Востоке, как и на Руси, в XIII—XV вв. чаще обозначался сапфир («синий яхонт»), реже рубин («красный яхонт»); последний чаще называли «ла'л» (ар.; отсюда рус. «лал»). — Афанасий Никитин проявляет специальный интерес к драгоценным камням и часто упоминает о них. Чешский индианист В. Лесны высказал предположение, что в Индии Афанасий Никитин занимался торговлей драгоценными камнями, хотя и не разбогател от этой торговли.

134 Олло ак — искаженное ар. «Аллаху хакк» — «бог-истина»; здесь употреблено в смысле «ей-богу».

135 А те волы ачьче зовут. «Ачча» в дравидийском языке малайяла — «мать»; в том же языке «аччхан» и в дравидийском языке канара «аджжа» — «дедушка». С этими выражениями связана последующая фраза у Афанасия Никитина: «Индеяне же вола зовут отцем, а корову матерью»; культ вола и коровы как священного и неприкосновенного животного — одна из старинных и прочных особенностей брахманизма (индуизма).

136 Попелом... мажутся по лицу... — пеплом наносят знаки поклонников сект и каст на лицо.

137 Пачекътур а учюзедерь и т. д. — см. перевод текста.

138 Шитель, житель — шитель, серебряная монета. «Ики шитель» (т.) — «два шетеля»; «атле шитель» — искаженное т., вместо «алты шитель» — «шесть шителей».

139 Кул — т., раб, невольник.

140 Каравашь — т., рабыня, невольница. В другом месте Афанасий Никитин приводит цены на рабов-пленников в мусульманской Индии от 5 до 10 танга

(см. прим. 197) за «голову», за ребенка — по 2 танга. О дешевизне индийских рабов и рабынь, вследствие постоянного огромного притока пленников, угоняемых мусульманскими войсками из «кафирских государств» Индии, говорят многие авторы: по словам Шихаб-ад-дина, в Дели платили за рабыню-служанку по 8 танга, за рабыню-наложницу по 15 танга. При делийском султане Ала-ад-дине Хальджи (1296—1316 гг.) была введена такса на индийских рабов-пленников: за служанку от 5 до 12 танга, за наложницу от 20 до 40 танга, за раба-работника от 10 до 15 танга, за красивого юношу от 20 до 30 танга. Ибн Батута (30—40-е годы XIV в.) говорит, что индийские рабыни в Дели продавались почти за бесценок. О размерах рабства в Индии XIV—XV вв. можно судить по тому, что Фируз-шах делийский (1351—1388 гг.) при набеге только на один непокорный район Катер увел оттуда 23 тысячи пленников. По словам историка Шемс-и Сираджа Афифа, у Фируз-шаха делийского было будто бы 180 тысяч рабов, из которых многие работали в 36 султанских больших ремесленных мастерских «карханэ» (п. «дом работ»).

141 Улубагрь, улубаграм, багрим — искаженное т. «улуг байрам» — «великий праздник», т. е. «праздник жертвоприношения» Авраамом богу сына своего Исмаила (согласно Корану) — «Курбан байрам» (ар.-т.), один из двух главных мусульманских праздников.

142 Велик день — христианская Пасха.

143 Тангрыдань истремень . . . — см. перевод, «Тангры» — в тюркских языках — «бог»; «Худо», «Худа» — п. «бог», синонимы арабского «Аллах».

144 Кетьмышьтыр имень . . . вратыял ят мадым — см. перевод.

145 Гурмыз — см. прим. 47.

146 Голат, Калат, Дега — см. прим. 53.

147 Мошкат — см. прим. 52.

148 Кучьзрят — см. прим. 54.

149 Комбат — см. прим. 57.

150 Чивель, Чивиль — см. прим. 58.

151 Дабыль, Дабиль — Дабул, Дабхол, в XV в. важный торговый порт на Малабарском берегу Индии, в 136 км к югу от Бомбея, под 17°46′ с. ш. и 73°16′ в. д. Был большим укрепленным городом, каким описывают его путешественники Барбоса и Вартема. Ко времени приезда Афанасия Никитина в Индию в 1469 г. Дабул находился под властью Бахманидов и лежал недалеко от рубежа мусульманских владений («области веры») и «области неверия», т. е. владений индийских немусульманских князей городов Мангалор, Коулон, Каннанур и других, занимавшихся, между прочим, грабежом кораблей, направлявшихся в мусульманские порты. Но к 1472 г. эти княжества, вплоть до города Гоа, были покорены войсками бахманидского султана, и граница «области веры» была отодвинута к югу. Эти завоевания закончились уже после отъезда Афанасия Никитина из Индии, чем и объясняются его слова, что Дабул — «пристанище в Гундустани последнее бесерменьству» (мусуль-

манству). Несколько позднее, в 1508 г., Дабул был захвачен и разрушен португальским адмиралом Альмейдой. Окончательный упадок его относится к концу XVIII в.

[152] Колекот, Келекот, Лекот, Селекот — Каликут, знаменитый в XIII—XIV вв. порт на юге Малабарского побережья, под 11°15′ с. ш. и 74°40′ в. д. Он подробно описан в XIV в. побывавшим там Ибн Батутой, по словам которого Каликут был одним из самых больших портов мира. Сюда приезжали морем купцы из Китая, Цейлона, Мальдивских островов, с Явы, из Йемена, Фарса и других стран. Ибн Батута подробно описывает прибывавшие сюда из Кантона и других мест китайские суда трех типов: большие (джонк), имевшие до 12 парусов, средние (зау) и малые (какам). По словам Абд-ар-реззака Самарканди (первая половина XV в.), в Каликут приходило много торговых судов из Абиссинии и Зинджа (Занзибар, западная Африка), также с берегов Красного моря. Иностранные купцы чувствовали себя здесь в полной безопасности. Торговое значение Каликута, по словам названного автора, было подобно значению Хормуза. По словам Дуарте Барбосы, до перехода морской вывозной торговли из Индии в руки португальцев (начало XVI в.) вывоз из Каликута находился в руках мусульманских купцов; как из Камбая и Чаула корабли чаще всего шли в Хормуз, так из Каликута корабли во множестве отправлялись в аравийские порты Красного моря и в Египет, игравший посредническую роль в торговле индийскими товарами с Западной Европой. Предметами вывоза были пряности, амбра, ревень, жемчуг, драгоценные камни, хлопчатобумажные ткани, китайский фарфор, ценное дерево. Предметами ввоза (из стран Передней Азии) были медь, киноварь, серебро, золото, розовая вода, кожи, сафьян, боевые кони. После захвата опорных пунктов на Малабарском берегу Индии португальцами и перехода в их руки индийского вывоза торговля индийскими пряностями стала приносить португальцам ежегодный доход до 3 миллионов флоринов.

[153] Силян — остров Цейлон, к югу от Индостанского полуострова, между 5°55′—9°51′ с. ш. и 79°41′—81°54′ в. д., площадью около 66 тыс. кв. км У арабских географов раннего средневековья остров известен под именем Сарандиб (Серендиб, имя известное и Косме Индикоплову и другим греческим авторам, искажение санскритского Sinhaladvipa), встречается также название Табрубани (искаженное Ταπροβάνη античных географов), у арабских географов позднего средневековья — Сийялан (Закария Казвини, XIII в.; Ибн Батута, XIV в.), отсюда Силян Афанасия Никитина и Цейлон европейцев Цейлон во времена Афанасия Никитина был, как и в наши дни, буддийской страною; буддизм был здесь государственной религией. Однако вся обширная торговля острова со странами Передней Азии и с Китаем находилась, до появления на Цейлоне португальцев (в начале XVI в.), в руках мусульманских купцов, большею частью арабов. С Цейлона вывозили драгоценные камни (рубины, сапфиры, аметисты, топазы), жемчуг, пряности, тростниковый сахар-

Гора Серендиб (ныне Пик Адама, 2262 м высоты) в XIII—XV вв. служила местом паломничества для буддистов, индийских христиан Малабарского берега (несториан и монофизитов) и мусульман; христиане и мусульмане, согласно легенде, почитали гору как первый пункт в мире, куда ступила нога первочеловека Адама после изгнания из рая. В XIV в. Ибн Батута совершил паломничество на Пик Адама и поклонился «следу ноги Адама». Буддисты же верили, что на этой горе находится «след Будды Шакьямуни».

[154] Шибаит, Шабаит, Шаибат, Шибат, Шабот, Сибат, Шабаитское пристанище. Остается неясным, какую страну Афанасий Никитин называет этим именем. Комментаторы Афанасия Никитина определяют Шабаит различно. Срезневский склонен был видеть в Шабаите Шабазпур, остров у устья р. Ганга, где водятся мускусные олени, тем более, что Афанасий Никитин ниже, после рассказа о Шабаите, говорит о мускусных оленях. Однако Афанасий Никитин описывает дальше Шабаит не как небольшой остров, а как большую богатую страну. Юль видит в Шабаите остров Саба (Saba). Форма «Шабат» напоминает, впрочем, арабскую форму «Джава», «Джават» имени о. Ява. Ява в то время была наполовину буддийской, наполовину брахманистской страной и лишь позднее (в XVI—XVII вв.) превратилась в страну мусульманскую. И. Минаев, как и другой русский автор более новой работы А. Любимов (Загадочная страна Шабот в путевых заметках Афанасия Никитина. СПб., 1916), отожествляют Шабаит (Шабот) Афанасия Никитина со страною Чамба (Chamba, Chomba, Chopa, Chanba) западноевропейских путешественников (Марко Поло, XIII в.; Одорик из Порденоне, XIV в., и др.), Саиф арабских путешественников, Сана-Фо-цзи китайских авторов. Эта страна находилась где-то в Индо-Китае, возможно в Аннаме.

[155] Певгу — Пегу, область в южной Бирме, по нижнем утечению р. Иравади.

[156] Чин . . . Мачин — обычное у мусульманских народов средневековья название Китая. Термин «Чин» (Син, Сина античных авторов) и «Мачин» не имели строго определенного географического значения. Иногда под Чином (Сином) понимался Северный, а под Мачином — Южный Китай, а выражение «Чин и Мачин» означало Китай вообще. Иногда, как у Ибн Батуты, под Сином («Чином и Мачином») понимался только Южный Китай (области к югу от реки Хуай-хэ), а Северный именовался Хатай. По-видимому, так же понимал эти термины и Афанасий Никитин.

[157] Кытай — Хатай мусульманских авторов, обычное у них название Северного Китая. Название это было образовано от имени кочевого народа киданей или кара-хитаев (по мнению одних исследователей — тунгусского, по мнению других — монгольского происхождения), владевших в X—начале XII в. частью Северного Китая (киданьская династия Ляо), почему их имя и было понято у мусульманских народов как название Северного Китая. У Афанасия Никитина Кытай (=Хатай) — Северный Китай — и противопоставляется Чину и Мачину — Южному Китаю.

158 Аросто хода чотом — искаженное выражение, смысл неясен. Возможно, искаженное п.-ар.: «устроил бог на пользу мне» («чотом» из ар.-п. «джадва-м»).

159 Гурмыз — Хормуз, Ормуз, см. прим. 47.

160 Тамга — (монг.-тюрк.), с XIII в. в странах Передней Азии налог на ремесло и торговлю, пошлина с товаров.

161 Камбаят — Камбай, см. прим. 57.

162 Алача — персидская ткань из сученых шелковых и бумажных ниток

163 Пестредь — рус., ткань из разноцветных ниток, тафта или миткаль (Савваитов, стр. 100).

164 Канъдак, кандяк — в русском яз. хлопчатобумажная набойчатая ткань (Савваитов, стр. 56); термин, возможно, взят из п. «гундаги», ар. «кундакийя» — «грубая шерстяная (?) ткань» (Завадовский).

165 Ниль — индиго, синяя краска, см. прим. 55.

166 Лек — лакх, продукт Coccus lacca, у Николо Конти (XV в.) и Вартемы (XVI в.) упоминается как предмет вывоза из Камбая.

167 Ахык — ар. «ахик», сердолик. Красные сердолики вывозились в большом количестве из Камбая.

168 Лон. По мнению Срезневского, это — lanha, кокосовый орех. Согласно Минаеву, «лон» (от санскритского «лавана») в ряде индийских языков — соль; добычей и вывозом самосадочной соли Камбай был известен издавна. По предположению Завадовского, лон — из «лунг» (на яз. урду) — «гвоздика», цвет дерева Caryophyllus aromaticus — пряность, с глубокой древности вывозившаяся из Индии. Возможно также — лон из ар. «лаун», множ. число «алван» — краска (Vullers, LPL, II, стр. 1106). Вопрос не может считаться окончательно разрешенным

169 Дабыло — Дабул, см. прим. 151

170 Мисюр — ар. Миср — Египет, также гор. Каир.

171 Рабаст, Арабастан — Аравия.

172 Хоросань — см. прим. 69.

173 Туркустань — Туркестан «страна тюрков» (п.). В XV в. этим именем чаще называли Восточный Туркестан (Кашгарию, ныне Синьцзян, часть Китая) и восточную часть нынешнего Казахстана.

174 Негостань — по-видимому, искаженное переписчиком слово. Согласно предположению Завадовского, это «Муг-астан», другое имя Хормуза (Ормуза), приведенное у Ибн Батуты. Замена одного носового звука другим встречается у Афанасия Никитина и в других местах (ср. «Мызамылк» вместо «Низам-ал-мульк»).

175 Кельберг — см. прим. 92.

176 Келекот — см. прим. 152.

177 Кестяк — возможно от п. «кашти» — корабль, барка.

178 Зеньзебиль — ар. зензебиль, зенджбиль (из лат. zenzebiris) — имбирь, Zingiber officinalis.

[179] Мошкат — мускатный орех.

[180] Калафур — цинаммон.

[181] Гвозники — гвоздика, пряность, см. прим. 168.

[182] Пряное коренье — пряности.

[183] Адряк — п. «адрак» — вид инбиря. — Все перечисленные у Афанасия Никитина виды пряностей упоминаются как предмет вывоза из Каликута в страны Ближнего Востока и в Западную Европу у Вартемы (XVI в.) и у других европейских путешественников.

[184] Кул да каравашь письярь хубь сия. — Кул — т. «раб»; караваш — т. «рабыня» (см. прим. 140); письярь хубь — искаженное п. «бесйар хуб» — «очень хороший»; сия — п. «сийях» (конечное «х» в произношении почти не слышится) — «черный». Вся фраза означает: «рабы и рабыни очень хорошие, черные». Иначе говоря, в Каликуте велась торговля темнокожими рабами, вероятно дравидийского происхождения. О работорговле см. прим. 140.

[185] Силян — см. прим. 153.

[186] Баба Адам на горе на высоце — «отец Адам на горе, на высокой», см. прим. 153 о горе Пик Адама, где, согласно верованиям мусульман, сохранялся след ноги первочеловека Адама.

[187] Каменье драгое — драгоценные камни, см. прим. 133.

[188] Червьци — рубины или гранаты, красные драгоценные камни.

[189] Фатисы — драгоценный камень, употреблявшийся преимущественно на пуговицы (Савваитов, стр. 156).

[190] Бабогури — п. «баба гури» — «белый агат».

[191] Бинчаи — согласно Срезневскому и Минаеву, смола дерева Styrax benzoin; возможно также искажение п. «банафша», букв. «фиалка», в значении — драгоценный камень гранат, рус. «вениса» (Савваитов, стр. 20).

[192] Хрусталь — берилл (Срезневский).

[193] Сумбада, сумбала — порошок из корунда (тамильск. «курундам» — «рубин»), употребляемый для шлифованья алмазов (об этом сообщают: в X в. Табари, в XII в. Идриси, в XIII в. Закария Казвини); согласно Срезневскому и Минаеву, — наждак (корундовая порода с примесью кварца и т. д.), употребляемый для той же цели (см.: Савваитов, стр. 48—49).

[194] Девякуши — хорошо известное тюркское слово «девекуш» — «страус» (букв. «верблюжья птица»). Невозможно принять мнение Минаева, что «„девякуш“ — „девакусума“, слово санскритское, перешедшее и в пали, и в сингальский язык и употребляемое как эпитет „корицы“» (Минаев, стр. 149). На Цейлоне страусов нет. Вероятно, Афанасий Никитин говорит о торговле привозными страусами. Эти «девякуши», по Афанасию Никитину, продавались «в вес», т. е. по весу, а слоны продавались «в локоть», т. е. по объему. О продаже слонов на Цейлоне «в локоть» сообщает еще византийский путешественник Косма Индикоплов (VI в.)

[195] Шабаитское пристанище — см. прим. 154.

[196] Алафа, олафа — ар., «корм», «жалованье или стипендия», «фураж».

[197] Тенка — п. «танга», «тенгэ» — серебряная монета разной ценности и веса в разных местностях (чаще всего 5—6 динаров).

[198] Шабот — см. прим. 154.

[199] Сандал — сандаловое дерево (греч. σάνταλον, от санскр. «чандан», ар. «сандал») — общее название нескольких видов пахучих деревьев — Syrium myrtifolium и др., ценимых ради запаха и твердости и вывозимых из Индии в страны западной Азии и Европы (древесина, порошок и душистое масло); купцы различали сандаловое дерево желтое — более ценное — и красное.

[200] Пегу — см. прим. 155.

[201] Дербыши . . . индейскыя — буддийские монахи, следовавшие учению хинаяны, одному из двух больших разветвлений буддизма, господствующему на Цейлоне, в Бирме и Таиланде. — Дербыши — «дервиши» (п.) — мусульманские аскеты-мистики. Афанасий Никитин называет этим именем буддийских монахов из-за внешнего сходства их с дервишами.

[202] Маник — на языке хинди, санскр. «мани» — драгоценный камень рубин; отсюда рус. «монисто» (см.: Савваитов, стр. 78—79).

[203] Яхут — ар. «якут», см. прим. 133.

[204] Кырпук — карбункул, драгоценный камень, рубин, у Барбосы — carapuch.

[205] Чиньское же да Мачиньское пристанище — см прим. 156.

[206] Чини — п., от слова «Чин» — «Китай» — в персидском языке китайская фарфоровая посуда, также фарфоровые изделия Ирана, сделанные в подражание китайским образцам, фарфор вообще.

[207] Ночи жены их ходять к гарипом. . . — пережиточная архаическая форма проституции гостеприимства. — Гарип — ар. «гариб» — «чужестранец».

[208] Олафа — алафа, см. прим. 196.

[209] Халял — ар. «дозволенное [религиозным законом]».

[210] Шаибать — Шабаит, см. прим. 154.

[211] Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

[212] Мачим да Чим — искаженное Чин и Мачин, см. прим. 156.

[213] Чими — возможно, искаженное «чини», см. прим. 206.

[214] Инчи — т. «инджи» — жемчуг высшего качества, «скатный» жемчуг

[215] Слоны продаются в локоть. . . — см. прим. 194.

[216] Аммоны — судя по контексту, драгоценный камень, какой именно, неясно. Может быть, искаженное «диамаид» (старофранц., из греч. ἀδαμάς). Ср : «камень алмаз, а по неметцки демант» (Савваитов, стр. 49).

[217] Лекот — Калекот, Каликут, см. прим. 152.

[218] Фуфал — плод арековой пальмы.

[219] Родится краска да люк. Краска — индиго, см. прим. 55; люк — лек, лак, лакх, см. прим. 56.

[220] Ахик — см. прим 167.

[221] Рачюр — Райчур, город в 167 км к юго-западу от Хайдарабада. Вместе с областью того же имени составлял юго-западную область государства Бахманидов. Из-за обладания Райчуром в XV в. велись частые войны между Бахманидами и индийским государством Виджаянагар (см. прим. 315).

[222] Алмаз биркона да новъкона (в Райчуре) — алмазы «старой» и «новой» копи (первые ценились гораздо дороже вторых), из знаменитых алмазных копей в Куруле (Кулуре) в области Райчур, подробно описанных французским путешественником купцом Тавернье в XVII в. «Биркона» (п., от «пир» — «старый» и «кан» — «рудник») — «старая копь», «новкона» (п.) — «новая копь».

[223] Почка — на Руси мера веса для драгоценных камней — 2.13 гр.

[224] Пенечь чекени — п. «пендж кени» — «5 кени»; кени — мелкая монета, 1/64 тенги.

[225] Сия — п. «сиях» — «черный» [алмаз новой копи].

[226] Чаршешкени — п. «чехар-шеш кени» — «от 4 до 6 кени».

[227] Сипит ек тенка — искаженное п. «сепид йак тенга», т. е. «белый [алмаз новой копи] — одна тенга».

[228] Продають же тую гору каменую — имеется в виду отдача бахманидским правительством алмазных копей в аренду, причем разные пространства горы расценивались различно, смотря по тому, какие сорта алмазов («новой» или «старой» копи) в них водились. — Кона — из п. «кан» — «рудник», «копь», «каменоломня».

[229] Мелик-хан — один из вассалов бахманидского царя («салтана») Мухаммед-шаха III.

[230] Бесермена, бесермены — мусульмане.

[231] Худы — из ар. «йахуд» — «иудеи», «евреи».

[232] Мамоны — см. прим. 101.

[233] Аукик — неясное выражение; возможно, деформация ар. «гунук» (из «джунук», форма множ. числа, в ед. числе «гунк», «джунк») — джонки, большие суда, плававшие между Индией и Китаем (подробное описание их у Ибн Батуты, IV, стр. 91—92).

[234] Мускус был предметом вывоза в западные страны.

[235] Великий день — христианский праздник Пасхи, переходящий, в первое воскресенье после весеннего равноденствия и последующего полнолуния.

[236] Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

[237] Боград, баграм — байрам, см. прим. 141.

[238] Говейно — время говения (подготовка к исповеди и причастию), в данном тексте — в великом посту.

[239] Ни среды ни пятници. . . книг у меня нет. . . — Среда и пятница - постные дни (в православной церкви); под книгами имеются в виду богослужеб-

ные книги, по которым можно было бы определить время наступления великого поста, Пасхи и других христианских переходящих праздников.

[240] Каин. Остается неясным, какой пункт имеет в виду здесь Афанасий Никитин. Известен иранский город Каин, но он находится в Кухистане, в восточном Иране, далеко от маршрута нашего путешественника, который не мог быть там. Возможно было бы предположить здесь чтение «Наин» (вместо «Каин»), через который Афанасий Никитин проходил (см. прим. 40). Но здесь он не мог проводить первую Пасху своего большого путешествия. Между тем, согласно словам самого путешественника, рисуется следующая хронологическая последовательность его маршрута: 1) выезд из Руси — 1466 г.; 2) Пасха 1467 г. — в Каине (?); 3) Пасха 1468 г. — в Чебукаре (Чапакур в Мазандаране); 4) караванный путь от южного берега Каспийского моря через западный Иран (в частности, и через Наин) до берега Персидского залива — с весны 1468 до весны 1469 г.; 5) Пасха 1469 г. — в Хормузе; 6) морской путь Хормуз — Камбай и пребывание в Индии с весны 1469 г. до января или февраля 1472 г.; 7) морской путь Индия — Хормуз; и Пасха 1472 г. по пути в Маскате — весною 1472 г.; 8) караванный путь от берегов Персидского залива до Трапезунда на южном берегу Черного моря — лето и осень 1472 г.; 9) возвращение на родину — осень 1472 г. Следовательно, относительно Каина возможны 2 гипотезы: 1) если Афанасий Никитин действительно здесь встретил первую Пасху в пути, то Каин — искаженное до неузнаваемости название одного из пунктов в Ширване или на берегах Каспийского моря; 2) если вместо «Каин» следует читать «Наин», придется допустить, что память изменила нашему путешественнику; тогда первую Пасху — 1467 г. — он должен был провести в Чапакуре, а в Наине мог встретить вторую Пасху — 1468 г.

[241] Чебукар, Маздраньская земля — см. прим. 32, 34.

[242] Гурмыз — см. прим. 47.

[243] Бесерменин же мелик . . . — мелик Асад-хан, см. прим. 64.

[244] Намар кыларесен . . . — т., см. перевод.

[245] Олло перводигерь — ар.-п. «Аллах (Худа) первердигар» — «бог покровитель» (букв. «воспитатель»). Дальше см. перевод.

[246] Волосыны. . . кола. . . лось — старинные русские названия созвездий Плеяд, Ориона, Большой Медведицы.

[247] Теферичь — ар. «тафарруджь» — прогулка, осмотр, объезд.

[248] Възырь — п. «везир» — начальник отдельного ведомства, министр

[249] Слонов наряженых в булатных в доспесех . . . — см. прим. 113.

[250] Кентарь — ар. «кантар» (из лат. centenarium) — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

[251] Нагары — см. прим. 112.

[252] Ковре — искажение санскр. «гаурика» — «юная дева» (см. прим. 114), т. е. дева харема, фаворитка султана.

[253] Чичак — т. «шишак» — шлем.

[254] Сагадак — монг. «сагадах», тат.-волжск. «садак», рус. «саадак» — полный прибор вооружения конного воина, состоял из седла, лука с налучьем и стрел с колчаном (см.: Савваитов, стр. 120).

[255] Кофар — ар. «кафир» — в данном контексте «индуист», см. прим. 66.

[256] Камка — см. прим. 94.

[257] Терем оксамитен — бархатный балдахин.

[258] Махтум — ар. «махдум» — «тот, кому служат», господин, государь, сюзерен. Здесь — бахманидский султан.

[259] Терем шидян — шелковый балдахин.

[260] Катобагряим — слово, по-видимому, образованное из п.-ар. «Катиф у Бахрейн» — «Катиф и Бахрейн» — местности на аравийском побережье Персидского залива; Бахрейн — также группа островов у аравийского побережья Персидского залива; воды его в средние века славились богатыми жемчужными ловлями. Ловцы жемчуга обязаны были доставлять определенное количество его, в порядке повинности, в казну государя (в XV в. — мелика хормузского). В 1507 г. Бахрейн был захвачен португальцами.

[261] Жида — Джидда, гавань в Аравии, на Красном море, под 21°28′ с. ш. и 39°17′ в. д., была известна жарким и нездоровым климатом. В XV в. сюда приходило много торговых судов из Индии, плативших пошлины шерифу священных городов — Мекки и Медины.

[262] Бака — см. прим. 31.

[263] Мисюр — ар. Миср — Египет, также его столица г. Каир

[264] Остани (вместо Оробстани) — Арабистан, Аравия.

[265] Лар — см. прим. 45.

[266] Хоросаньская земля — см. прим. 69.

[267] Чеготань — Чагатай, Средняя Азия, см. прим. 71.

[268] Ширяз — см. прим. 333.

[269] Езд — см. прим. 41.

[270] Кашин — Кашан, см. прим. 39.

[271] Гилянь — Гилян, область на северо-западе Ирана, между Каспийским морем (у юго-западного побережья его) и горной страной Дейлем. Гилян покрыт густыми лесами и известен жарким и влажным субтропическим климатом, с большим количеством осадков.

[272] Шамахея — см. прим. 30.

[273] Вавилон. В средние века (в христианских странах) Вавилоном обычно называли город Багдад.

[274] Хумит — вероятно Хумс, древняя Эмеса, город в Сирии.

[275] Шам — ар., Сирия, иногда также главный город ее Дамаск (Димашк-аш-Шам).

[276] Ляп — ар. Халяб — Алеппо европейцев, город в северной Сирии.

[277] Севастея — см. прим. 344.

[278] Грузыньская земля — Грузия (от сирийск. и средне-перс. «Гурзан», в арабизованной форме «Джурзан»); в XV в. была разделена на три царства (Кахетия, Картлия, Имеретия) и 5 княжеств (Самцхэ-саатабаго, т. е. атабекство Самцхийское, иначе Месхетия, Гурия, Мингрелия, Сванетия, Абхазия) В средние века Грузия известна была плодородием, вино и хлеб служили предметом вывоза.

[279] Торьскаа земля — османская Турция.

[280] Волоская земля — Валахия, ныне Румыния.

[281] Подольская земля — Подолия, русская область по верхнему течению р. Днестра.

[282] Молитва Афанасия Никитина о Русской земле, изложенная им по-тюркски, полнее и длиннее в Архивской рукописи, нежели в Троицкой. В полном виде (повторена два раза, один за другим) она гласит: «А урус ерь (следует «Урус йери», — *И. П.*) тангрыдь (следует «тангрыды», — *И. П.*) сакласынь (=сакласын, — *И. П.*); олло сакла! Будоньяда мунукыбить ерь ектурнечик урус ери бегьляри окойтугиль Урус ерь абадань больсын, расткамь дареть (следует «раст кам даред» — персидское выражение, вкрапленное в тюркский текст,—*И. П.*). Олло, худо, бог, даньири!» (в разночтепии «данъгры», следует «данегры» «тангры»). «Тангры» — т. «бог». «Урус йери» — т. «Русская земля». «Бегляри» — т. «беги» (мн. ч. от ед. ч. «бег», «бек», «бей»); этим термином в мусульманских государствах XI—XV вв. обозначали высших представителей военно-феодальной знати (арабск. синоним «эмир»). Афанасий Никитин пользуется созвучием двух выражений — тюркского «бегляри», «бейляри» и русского «бояре», «боляре»; поэтому здесь допустим перевод «бояре Русской земли». — Персидское выражение «абадан» трудно поддается точному переводу; оно имеет ряд оттенков («населенный», «обработанный», «благоустроенный», «процветающий») и противоположно по значению выражению «хараб» («разрушенный», «разоренный», «запустевший»). — В заключительной фразе слово «бог» повторено на четырех языках: арабском (олло — аллах), персидском (худа), русском (бог) и тюркском (данъири, тангры). Перевод молитвы: «Русская земля да будет богом хранима; боже, сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей (буквально «такой, как эта»), хотя вельможи (или «бояре») Русской земли несправедливы (букв. «не добры»). Да станет Русская земля благоустроенной, справедливости мало в ней. Боже, боже, боже, боже!». — Таким образом, молитва Афанасия Никитина выражает пламенную любовь к родине — Руси и одновременно осуждение ее политического строя. Возможно, это последнее обстоятельство и побудило нашего автора изложить свою молитву не по-русски, а по-тюркски. О тюркском языке Афанасия Никитина см. прим. 368.

[283] Булгак — т., «смута», «смятение», «спор», «крик», «свалка».

[284] Яиша-мурза — Мирза Джеханшах (тюркское вульгарное произношение — Джанша, Янша), государь «чернобаранных» туркмен (Кара-Койюнлу),

правил с 1436 по 1467 г.; первоначально владел только Азербайджаном и Арменией, но в 1453—1458 гг. завладел всем западным Ираном, в 1458 г. занял было и Хорасан, но должен был уступить его тимуридскому государю, султану Абу-Са'иду (1451—1469 гг.), с которым заключил затем военный союз. Джеханшах погиб в сражении с войсками своего старинного врага, государя «белобаранных» туркмен (Ак-Койюнлу) Узун-Хасана, в ноябре 1467 г. на Мушской равнине в южной Армении. Об этом факте и упоминает Афанасий Никитин.

285 Узуосанбек, Узуасан — Узун-Хасан-бек, см. прим. 342.

286 Солтамусаить — султан Абу-Са'ид, из династии Тимуридов, с 1451 г. государь Средней Азии, с 1459 г. также и Хоросана и всего восточного Ирана. В 1468 г., после победы Узун-Хасана «белобаранного» над Джеханшахом «чернобаранным», под предлогом помощи сыновьям последнего, Абу-Са'ид совершил поход в Азербайджан, но войско его было окружено и блокировано в Муганской степи войсками Узун-Хасана и его союзника, ширваншаха Фаррух-Ясара (у которого побывал Афанасий Никитин в 1466 г., см. прим. 28) и голодом доведено до сдачи. Пленный Абу-Са'ид, однако, не был окормлен, т. е. отравлен, как пишет Афанасий Никитин, а выдан своему сопернику и родичу, юному тимуридскому царевичу Мухаммед-Ядигару, которым и был обезглавлен (в феврале 1469 г.).

287 Едигерь Махмет — Мухаммед-Ядигар, см. прим. 286.

288 Мякъка — Мекка, см. прим. 132. Доступ в Мекку был запрещен для немусульман.

289 Сында — рус. «сыта».

290 Меликтучар — см. прим. 109.

291 Юк олмазу — здесь «вьюк алмаза»

292 Кирпук — см. прим. 204.

293 Султан — бахманидский государь, см. прим. 107.

294 Суфрея — п. «суфрэ» — «скатерть», «закуска», «трапеза»

295 Нагар — см. прим. 112.

296 Мызамлыылк — ар. низам-ал-мульк — «устроение царства», титул мелика Хасана Бахри, одного из военачальников бахманидского султана Мухаммед-шаха III, тарафдара (наместника) области Телингана (по Фериштэ), индийского мусульманина, врага Мелик-ат-туджжара. О деятельности Низам-ал-мулька см. прим. 109.

297 Мекхан — Мелик-хан, см. прим. 110.

298 Фаратхань — Фархад-хан, вассал бахманидского султана, см прим 110.

299 Оспожин день — христианский праздник Успения девы Марии, 15 августа.

300 Ших Иладин — см. прим. 98.

301 Покров богородицы — христианский праздник, 1 октября (в православной церкви).

302 Чюнедар Бинедарьского — по мнению Минаева, искажение вместо «Биченегир», см. прим. 315.

303 Султан — бахманидский государь Мухаммед-шах III, см. прим. 107.

304 Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

305 Малхан — неясно, какого из вассалов бахманидского султана имеет в виду Афанасий Никитин; возможно, Мелик-хана.

306 Бедерьхан — один из вассалов того же султана, возможно, бидарский градоначальник.

307 Возырхан — неясно, кого имеет в виду наш автор, возможно, просто везира.

308 Кутархан — согласно Минаеву, Кутувал-хан, комендант крепости Бидара.

309 Индийский Авдоном — греч. αὐτονόμος — «самодержец», «независимый правитель», самодержец индийский. Здесь, видимо, государь Виджаянагара, см. прим. 315.

310 Раст дени худо доносит — п. «раст дини (правильнее было бы «дин-и раст») худа данест» (вместо «данед», прошедшее время употреблено вместо настоящего) — «правую веру бог ведает».

311 Улубаграм — см. прим. 141.

312 Мамсть дени росолял — т.-ар. «Мухаммед динин расуль Аллах» — «Мухаммедовой веры пророк божий», Мухаммед пророк.

313 Кельберху — см. прим. 92.

314 Султан кадам — неясное выражение. Завадовский предлагает чтение «султан хадим» — ар.-п. «султанов слуга», в значении «наместник». Однако, судя по контексту, здесь имеется в виду сам государь Виджаянагара, а не его наместник или вассал В примечаниях к чешскому и к польскому переводам «Хожения» «Кадам» принимается за усеченную форму имени Кадамба — династийное имя. Как указано в примечании к чешскому переводу (В. Лесны), текст Афанасия Никитина подтверждает предположения некоторых историков о том, что правившая в Виджаянагаре до 1486 г. династия Сангама была как-то связана с династией Кадамба.

315 Биченегир — Виджаянагар (у мусульман — Биджанагар), большой город в южной Индии, на р. Тунгабхадре, под 15°20′ с. ш. и 76°28′ в.д., был столицей большого феодального индийского (немусульманского) Виджаянагарского государства (см. ниже). Был основан около 1336 г. и в течение более двух столетий играл огромную политическую и экономическую роль. Согласно описанию Абд-ар-реззака Самарканди, приезжавшего в Виджаянагар с дипломатическими поручениями от тимуридского султана Шахруха в 1442/43 г., город был окружен семью линиями крепостных стен. Подступы к первой внешней стене защищали огромные камни, в рост человека, врытые в землю В про-

странстве между первой и третьей стенами располагались предместья города, с садами и возделанными полями. В пространстве между третьей и седьмой стенами располагались торговые и ремесленные кварталы города, с 4 главными базарами, представлявшими крытые галереи под арками; на базарах Абд-ар-реззака поразило обилие роз и других цветов. Близ базара был дворец градоначальника и ряд пышных зданий государственных учреждений. Целая улица была занята публичными домами, приносившими виджаянагарскому царю огромный доход, шедший на содержание 12 тысяч гвардейцев, каждый из которых получал жалованье, коня, раба-конюха и рабыню-наложницу. Город был прорезан множеством каналов. В центре города, защищенная седьмою стеною, находилась внутренняя цитадель с царским дворцом. Абд-ар-реззак описывает роскошь дворца. Послов царь принимал в зале с 4 эстрадами по сторонам, в 10 гезов (гез — около 1 м) в длину и ширину каждая; стены и потолок их были украшены гирляндами листьев из золота. На передней эстраде возвышался грандиозный царский трон из чистого золота с драгоценными камнями. Царь восседал на троне, на подушке, обшитой жемчугом. Дуарте Барбоса также говорит о великолепии и многолюдстве Виджаянагара, в котором всегда было множество приезжих купцов разных вер и народностей. Всякий — мусульманин, христианин и индуист — мог здесь свободно исповедывать свою веру, купцы пользовались защитой со стороны царя. Из Пегу и Цейлона сюда привозили драгоценные камни, из Хормуза — жемчуг, из Китая и Египта — парчу и шелковые ткани, с Малабарского берега Индии — перец, из мусульманских стран — различные ткани, кораллы, медь, ртуть, шафран, розовую воду и благовония. В обращении была золотая монета. От крайних южных до северных укреплений город растянулся на 20 км в длину, от западных до восточных — на 16 км; внутренняя цитадель имела в длину $3^1/_2$ км, ширину — 2 км. В январе 1566 г. Виджаянагар был разрушен врагами (см. ниже), теперь не существует. Государство Виджаянагар было основано Сангама, основателем династии того же имени, сыну которого Харихара I предание приписывает основание города Виджаянагара. Виджаянагарское государство стало очень могущественным при Харихара II (1379—1406 гг.), который впервые стал именовать себя независимым царем и успешно боролся с Бахманидским султанатом. К началу XV в. его царство охватило всю населенную дравидийскими народностями южную Индию, включая Канару, Майсур, Каликут, Тричинополи, Негапатам, Мадуру, Кочин и др. Царь носил титул «махараджадхираджа» — «великий царь всех царей». Царь Дева Райя II (1422—1446 гг.) реорганизовал систему управления и войско, также назначил сановника, который должен был контролировать внешнюю торговлю. Однако уже цари Дева Райя I (1406—1422 гг.) и Дева Райя II терпели поражения от бахманидских султанов. Вообще же вся история Виджаянагарского царства заполнена войнами с соседними владетелями, особенно с государством Бахманидов (1347—1526 гг.), чаще с перевесом на стороне последнего. Иногда эти войны велись из-за спорной территории Райчур (см.

прим. 221—222) с алмазными копями, иногда же обе стороны нападали друг на друга ради захвата военной добычи и территорий, под предлогом «войны за веру» между мусульманами и индуистами. Виджаянагарское царство было богаче Бахманидского и со времени Дева Райи II содержало более многочисленную (частью наемную) армию. Источником слабости Виджаянагарского феодального государства были крайне обостренные классовые противоречия и бедственное положение народных масс. Во время пребывания Афанасия Никитина в Индии царем Виджаянагара был Вирупакша II (1465—1486 гг.), последний царь из династии Сангама. Поход бахманидского султана Мухаммеда III, о котором рассказывает Афанасий Никитин, окончился, по словам историка Фериштэ, взятием крепости Белгаума; вассал виджаянагарского царя, Викрама-раджа, подчинился бахманидскому султану. После распада царства Бахманидов на несколько феодальных независимых государств (1526 г.) последние продолжали войны с Виджаянагаром. В январе 1565 г. соединенные войска султанов Бидара, Голконды, Биджапура и Ахмеднагара разбили виджаянагарского царя Рама-раджу и разрушили его царство.

[316] Женьгель—п. «джангаль», «дженгель» — слово, заимствованное из ряда языков северной Индии — «лес», «чаща» (отсюда «джунгли»).

[317] Деберь зла тикень. — Деберь — дебрь, чаща. — Тикень — «тикан, тикен» — в ряде тюркских языков (поволжско-татарск., староузбекск., азербайдж., турецкий и др.) — «колючки», «кустарник с колючками», «терновник», «волчец», разные растения до сосны включительно (Радлов, ОСТН, III, 1349; Малов; Завадовский).

[318] Меликъчан — вероятно, искаженное Меликтучар, см. прим. 109. — Ходя — ходжа, см. прим. 88.

[319] Куруль, Курыль — Кулур, см. прим. 222.

[320] Ахик — см. прим. 167.

[321] А в Курыли же алмазъников триста, сулях микунет. — Последние слова — п. «сулахэ микуненд» — «шлифуют (алмазы»). О процессе шлифовки см.: Vullers, LPL, т. II, стр. 315, под словом سلاحه — сулахэ.

[322] Калика — возможно Каликут, или же Коилконда — Голконда, большой город в Декане, к юго-востоку от Гульбарги. В XV в. принадлежал Бахманидам, позже, в XVI—XVIII вв., был столицей самостоятельного феодального мусульманского государства, в XVII—XVIII вв. славился своим богатством.

[323] Конаберга — вероятно то же, что Колуберга, т. е. Гульбарга, см. прим. 92.

[324] Аминдрие (Камендрея), Кынаряс (Наряс) — местоположение этих мест неясно. — Сури, Сура — возможно Сурат.

[325] Дабиль — Дабул, см. прим. 151.

[326] Тава — см. прим. 50.

[327] Налон — плата за проезд на корабле, возможно от греческого

ναῦλον — «плата за проезд на судне» (от греч. ναῦς — «корабль»), ср. франц. naulage, итальянск. nolo, nuolo, испанск. nolito; ср. п. «нав» — «судно», «лодка».

[328] Горы Ефиопскыя — нагорный берег Эфиопии (Абиссиния).

[329] Олло бервогыдирь — см. прим. 245. Дальше см. перевод.

[330] Мошкат — см. прим. 52.

[331] Гурмыз — см. прим. 47.

[332] Лар — см. прим. 45.

[333] Ширяз — Шираз, главный город южноиранской области Парс, Фарс, под 29°35′ с. ш. и 52°30′ в. д., на высоте 1500 м. над у. м. После арабского завоевания Шираз занял место древнего Истахра, прежней столицы Фарса. Долина Шираза славилась ровным, умеренно теплым климатом, обилием воды и прекрасными плодовыми садами и виноградниками; особенно славился местный виноград сорта «мискали». Ширазское вино было предметом вывоза. Долина орошалась каналами и каризами (см. прим. 41), лучшим из которых считался кариз Рукнабад. Кроме плодов и роз, в долине возделывали пшеницу и хлопок. К западу от Шираза находилась знаменитая долина Ши'б-Бавван, покрытая на протяжении 3 фарсангов (около 20 км) сплошными плодовыми садами, описываемыми арабскими и персидскими географами как одно из 4 «чудес» мусульманского мира (наряду с садами районов Самарканда, Дамаска и Бавильруда близ Тебриза). Город и район сравнительно мало пострадали от монгольского нашествия. В 1393 г. Шираз вошел в состав державы Тимуридов, в 1452 г. — в состав Туркменской «чернобаранной» (Кара-Койюнлу) державы (см. прим. 284), в 1469 г. — в состав утвердившейся на развалинах последней туркменской «белобаранной» («Ак-Койюнлу) державы (см. прим. 342). Султан Узун-Хасан Ак-Койюнлу (1453—1478 гг.) отдал в 1469 г. Фарс с Ширазом в удел одному из своих сыновей, Султан-Халилу, который и правил здесь во время путешествия Афанасия Никитина. Шираз лежал на караванном пути, соединявшем Исфахан с побережьем Персидского залива. В XIII—XV вв. Шираз был одним из крупнейших торговых центров в Иране. Город лежал на узле караванных путей, и почти вся торговля Ирана и Средней Азии с Индией велась через Шираз и Хормуз (Абд-ар-реззак Самарканди, Барбаро). Шираз был и крупным культурным центром; здесь провели большую часть жизни и погребены великие персидские поэты Са'ди (1186—1291 гг.) и Хафиз (умер около 1339 г.). В XV в. Шираз, вместе с Тебризом и Хератом, был одним из трех величайших городов Передней Азии. Согласно Барбаро (1474 г.), город с предместьями имел 20 миль в окружности (по Хамдаллаху Казвини, 1340 г. — 12500 шагов), в городе было 200 тысяч домов (=семейств, т. е. до 900 тысяч жителей). Эта цифра, вероятно, ошибочна: более правдоподобной кажется цифра, приведенная Анджолелло (начало XVI в.) — 200 тысяч душ.

[334] Верху, Вергу — Аберкух, город в северной части области Фарс, к юго-западу от Йезда и к юго-востоку от Йездихаста; под 31°10′ с. ш. и 53°30′ в. д.

Во второй половине XV в. управлялся местной династией в вассальной зависимости от туркменской державы Ак-Койюнлу.

[335] Езд — Йезд — см. прим. 42.

[336] Спагань, Испогань — Испахан, Исфахан, Сипахан, большой город в Ираке Персидском (сев.-зап. Иран), под 32°42′ с. ш. и 51°42′ в. д., на высоте свыше 1600 м над у. м., на реке Зендэруд, на равнине, окруженной горами. Под именем 'Ασπαδάνα упоминается еще у античных географов (Птолемей, II в. н. э.). В X—начале XIII в. был одним из величайших городов Ближнего Востока; состоял из цитадели (шахристан) и торгово-ремесленного предместья (рабад). В 1237 г. Исфахан был разрушен монголами, но быстро оправился. По описанию Хамдаллаха Казвини (1340 г.), окружность городских стен равнялась 21 тысяче шагов, в городе было 44 квартала, много базаров, сотни мечетей, медресэ и дервишеских обителей. По словам автора «Истории Исфахана», составленной в 1329 г., город славился массовым производством хлопчатобумажных ниток и тканей высокого качества: 1 харвар (ослиный вьюк) таких тканей равнялся по цене 10 харварам египетских шелковых тканей; в 1329 г. Исфаханский округ насчитывал 800 больших и малых селений и изобиловал плодами; лучшие в Иране дыни и другие плоды в сушеном виде вывозились в Индию и Малую Азию (Хамдаллах Казвини, стр. 49). Ибн Батута (30-е годы XIV в.) сообщает об исфаханских ремесленных корпорациях. В XIII—XIV вв. в Исфахане классовая борьба принимала форму вооруженных столкновений между феодально-купеческой верхушкой и городскими низами, под оболочкой религиозной борьбы между суннитами и шиитами. В 1387 г. Исфахан был занят войсками Тимура, который подавил восстание городских низов, вырезав 70 тысяч человек, воздвигнув башни из черепов убитых и разорив город. Сын Тимура султан Шахрух в 1415 г. принял меры к возрождению города, уменьшив подати на $^1/_3$ и раздав городским низам пособий на сумму 100 тысяч динаров (Абд-ар-реззак Самарканди). В 1452 г. город был взят и опустошен Джеханшахом Кара-Койюнлу, после чего находился в упадке до конца XVI в. По словам Барбаро (1474 г.), окружность стен Исфахана с предместьями равнялась 10 милям, но жителей оставалось всего 50 тысяч душ. Контарини (1471 г.) говорит об Исфахане как о большом и красивом городе, но отмечает печальное состояние сельской округи: весь путь от Тебриза до Исфахана (24 дня пути) имел вид бесплодной равнины, только местами орошенной и обработанной. Вероятно, этим объяснялась отмеченная Контарини дороговизна жизненных припасов: кварт ($2^1/_2$ ведра) вина стоил 3—4 червонца, верблюжий вьюк дров — 1 червонец, 7 штук кур — 1 червонец; прочие припасы были гораздо дороже, нежели в Италии. С 1469 г. Исфахан входил в состав владений туркменской державы Ак-Койюнлу.

[337] Кашань — Кашан, см. прим. 39.

[338] Кум, Ком — город в Ираке Персидском под 34°35′ с. ш. и 50°48′ в. д. Город сильно пострадал во время монгольского нашествия, и, по словам Ха-

мдаллаха Казвини (стр. 67), еще около 1340 г. большая часть города лежала в развалинах. Однако в городе была крепкая цитадель; окружность городского вала в тот же период равнялась 10 тысячам шагов. В Куме находится одно из наиболее чтимых шиитами святилищ — мавзолей святой Фатимы, сестры восьмого шиитского имама Али Ризы (начало IX в.). Жители города в XIII—XV вв. считались ревностными шиитами толка имамитов (поклонников 12 имамов). В 1474 г. Кум посетил Контарини, по словам которого кумский рынок «изобиловал всякого рода туземными произведениями и мелкими товарами», иными словами, торговля города обслуживала преимущественно местный рынок. С 1468 г. Кум вместе со всем Ираком Персидским входил в состав владений туркменской державы Ак-Койюнлу. По словам Барбаро, в Куме было 20 тысяч домов (семейств), т. е. около 90 тысяч жителей.

339 Сава — Савэ, город в Ираке Персидском, под 35° с. ш. и 50°15′ в. д. В 1220 г. Сава была разрушена монголами, которые, между прочим, сожгли находившуюся здесь прекрасную библиотеку и астрономические инструменты. В XIV—XV вв. город был невелик; окружающий сельскохозяйственный район производил хлопок, пшеницу и прекрасные плоды — фиги (инжир), яблоки, айву, груши и гранаты. Во второй половине XV в. Сава входила в состав туркменской державы Ак-Койюнлу. Развалины средневековой Савы находятся близ городка нашего времени. Сохранились художественные памятники — мечети и др.

340 Султания — Султанийэ, город в Ираке Персидском под 36°25′ с. ш. и 48°36′ в. д., абсолютная высота местоположения, по определению разных авторов, — от 1650 до 1800 м, вследствие чего климат Султании характеризуется холодной зимой и прохладным летом. Строительство города было начато монгольским государем Ирана Аргун-ханом (1284—1291 гг.) и завершено в 1305 г. Ольджайту-ханом, который перенес сюда свою резиденцию. Выбор места новой резиденции обусловливался тем, что здесь, в прохладном высокогорье, находились прекрасные пастбища, служившие для летних кочевок монголов, и места охоты, изобиловавшие дичью и зверем. В XIV в. Султания была самым большим городом Ирака Персидского. Хозяйственное значение Султании определялось тем, что она была узлом 5 больших караванных «царских дорог» (шахрах): 1) «южной» — Султания—Хамадан—Багдад—Мекка, 2) «восточной» — Султания—Рей—Верамин—Нишапур (отсюда пути расходились на Балх — Среднюю Азию, на Хорезм и на Херат), 3) «северной» — Султания—Ардебиль—Дербенд, 4) «западной» — Султания—Тебриз — Арзан-аррум (Эрзерум)—Эрзинджан—Сивас—Конья в Малой Азии, 5) «между западом и югом» — Султания—Сава—Кум—Кашан—Исфахан—Йездихаст—Шираз—Киш (остров Персидского залива); последним путем, временами отступая от него, и следовал Афанасий Никитин в 1472 г. Благодаря обилию купцов население Султании было разноплеменным, хотя преобладали персы. О наличии здесь генуэзских и других итальянских купцов можно судить по

тому, что в начале XIV в. сюда был назначен католическим архиепископом Вильгельм Адэ. Католическое архиепископство здесь существовало до начала XV в. При Ольджайту-хане окружность вала Султании равнялась 30 тысячам шагов. Тогда уже в городе был воздвигнут ряд художественных построек, среди которых первое место занимала сохранившаяся и доныне мечеть с гробницей Ольджайту-хана Худабендэ, один из лучших памятников иранского зодчества. Мечеть эта описана Дьелафуа, Зарре и др. В 1386 г. Султания была занята войсками Тимура. В 1404 г. через город проезжал Клавихо, по словам которого купцы из «Малой Индии» (Кермана и юго-восточных областей Ирана) привозили сюда гвоздику, мускатный орех, корицу и лучшие пряности, которые не привозились ни в Сирию, ни в Александрию. Шелк из Гиляна и Шемахи через Султанию вывозили в Сирию и Турцию. Из Шираза в Султанию привозили шелковые и бумажные ткани, тафту и другие товары, из Хормуза — жемчуг, из Хорасана — бумагу и крашеные бумажные ткани. Значение Султании в этот период характеризуется тем, что Тимур, назвав четыре селения под Самаркандом именами четырех величайших городов Передней Азии, дабы подчеркнуть первенствующую роль Самарканда во всем мусульманском мире, одно из этих селений назвал Султанией. От Султании до Хормуза в XV в. считалось 60 дней пути, от Султании до Баку — всего 6 дней, считая и плаванье по морю. В XV в. Султания находилась последовательно под властью Тимуридов (до 1452 г.), туркмен Кара-Койюнлу (1452—1469 гг.) и туркмен Ак-Койюнлу (1469—1502 гг.). При взятии Султании туркменами Кара-Койюнлу город был разорен дотла, и в последней четверти XV в. в Султании оставалось всего 7—8 тысяч жителей (Барбаро). Город уступил свое хозяйственное значение Казвину и пришел в полный упадок. В наши дни в Султании не более 400—500 домов, т. е. менее 2500 жителей.

[341] Терьвиз — Тебриз, Тавриз, у армян Давриж, город в южном (иранском) Азербайджане под 38° с. ш. и 46°15′ в. д., на абсолютной высоте 1300 м. В VIII—IX вв. Тебриз был незначительным местечком. В конце X—начале XIII в. был городом средней величины. Расцвет его относится к периоду со второй половины XIII в. до начала XVIII в. Город последовательно был столицей монархов из династий: монгольских ханов — Хулагуидов (с 1265 до 1305 г.), Джелаиридов (между 1360 и 1386 гг.), Кара-Койюнлу (с 1410 до 1468 г.), Ак-Койюнлу (с 1468 до 1501 г.) и первых Сефевидов (с 1502 до 1548 г.). Клавихо (1404 г.) определяет численность населения Тебриза, с преувеличением, в 200 тысяч домов (т. е. семейств); персидский анонимный автор хроники шаха Исмаила I (начало XVI в.) — в 300 тысяч человек. Хондемир (начало XVI в.) считал Тебриз «населеннейшим из городов обитаемой четвертой части мира». Тебриз лежал на большой «западной» царской караванной дороге; в XV в. здесь был узел ряда других караванных путей, складочное место и перегрузочный пункт торговли товарами стран Переднего Востока: шелком-сырцом грузинским, ширванским, гилянским, шелковыми тканями из Йезда, шерстяными и другими тканями из Алеппо, сук-

16*

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В 1472 г.

ЧЕРНОЕ (ИСТАМБУЛЬСКОЕ) МОРЕ
Кафа
Балаклава
Истамбул (Константинополь)
Бурса (Брусса)
АНАТОЛИЯ
Измир (Смирна)
Анкара
Амасия
Токат
Сивас (Севастия)
Кайсария
Синоп
Трапезунд
КАРАМАН
Коньи
ГРУЗИЯ
Карс
Эрзерум
АРМЕНИЯ
Ван
Тифлис
Дербенд
Шемаха
Бакуия
Тебриз
АЗЕРБАЙДЖАН
Ардебиль
Марага
Султания
Казвин
ХАЗАРСКОЕ МОРЕ (БАКИНСКОЕ)
МАЗАНДАРАН
Астрабад
Рад Реч
Хамадан
ИРАК ПЕРСИДСКИЙ
Кум
Кашан
Исфахан
Йезд
ХУЗИСТАН
ФАРС
Шираз
КЕРМАН
Сирджан
ХОРАСАН
Великая иранская пустыня
Нишапур
Неса
Мерв
Херат
Балх
СИСТАН
Зирендж (Систан)
УЗБЕКИ
ХОРЕЗМ
Гурандж (Ургенч)
Хива
Хорезмийская пустыня
Амудья
Сыр
ТУРКМЕНЫ
МАВЕРАННАХР (ЧАГАТАЙ)
Бухара
Самарканд
МЕКРАН
Бендер (Стар Хормуз)
Хормуз (Ормуз)
Сираф
ОМАНСКОЕ МОРЕ
Маскат
Калакат
ОМАН
ИНДИЙСКОЕ МОРЕ
Пустыня Руъ-ал-Хали
Багдад
Басра
ИРАК АРАБСКИЙ
Мосул
Дидсклат (Тигр)
Фурат (Евфрат)
Руха (Эдесса)
Диарбекр
ШАМ (СИРИЯ)
Дамаск
Акка
Кудс аш шам (Иерусалим)
Сирийская пустыня
БЕЛОЕ (ФРАНКСКОЕ) МОРЕ
Кипр
Родос
Искандрия (Александрия)
Дамьят (Дамиетта)
Каир
МИСР (ЕГИПЕТ)
Нил
Монастырь Синайский
КУЛЗУМСКОЕ МОРЕ
АРАБИСТАН
ХИДЖАЗ
Медина
Мекка
Таиф
ХОРЕЗМИЙСКОЕ МОРЕ

Объяснения к карте «Передняя Азия в 1472 г.»

Римские цифры без кружков:

I Узбекское ханство
II Государство Тимуридов Мавераннахра (удел Султан-Ахмеда)
III Государство Тимуридов Хорасана (удел Султан-Хусейна)
IV Государство белобаранных туркмен (Ак-Койюнлу)
V Османская (Турецкая) держава
VI Крымское ханство
VII Эмирство Караман
VIII Эмирство Зулкадар
IX Египетско-сирийский султанат мамлюков
X Владения и вассалы мелика Хормузского
XI Независимые княжества Мазандерана
XII Ханство Бийя-Пиш
XIII Ханство Бийя-Пас
XIV Талышское ханство
XV Духовное княжество ардебильских шейхов Сефевидов
XVI Владения Ширваншаха
XVII Эмирство Шеки
XVIII Княжество Кайтак

Римские цифры в кружках:

I Царство Кахетия
II Царство Картлия
III Царство Имеретия
IV Княжество Мингрелия
V Княжество Абхазия
VI Княжество Гурия
VII Атабекство Месхетия (Самцхе-саатабаго)
VIII Королевство Кипр
IX Остров Родос (владение рыцарей-иоаннитов)
X Генуэзские колонии в Крыму
XI Греческое княжество Мантуп в Крыму

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

нами из Бруссы и из стран Западной Европы, жемчугом из Ормуза, мускусом, кошенилью, индиго и другими красками. В XIII—XV вв. здесь было много генуэзских и венецианских купцов, имевших с начала XIV в. своих консулов. Тебризские ремесленные мастера (в частности «златошвецы» — «зердузан») пользовались славой во всей Передней Азии. Здесь изготовлялись шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани (особенно славились шелковые четырехцветные ткани «кассаб-дарьяйи»), парча, шали, ковры, лучший сафьян, ювелирные, серебряные и железные изделия, оружие и т. д. Город был перестроен и расширен при Газан-хане монгольском (1295—1304 гг.), при котором были выстроены новые стены окружностью в 25 тысяч шагов или в 4$^1/_2$ фарсанга (25—27 км). Город был опоясан кольцом садов, орошавшихся 900 каналами и каризами; плоды тебризских садов, особенно виноград и абрикосы, славились во всей Передней Азии. Сады близлежащего района Бавильруд, по словам Хамдаллаха Казвини, считались лучше садов Самарканда, Шираза и Дамаска. Высокохудожественные архитектурные памятники Тебриза XIII—XV вв., по свидетельству источников, не имели себе равных в Иране. Лучшими памятниками считались: мечеть Тадж-ад-дина Алишаха (конец XIII в.), мавзолей Газан-хана и другие постройки (среди них обсерватория и школа «светских наук») этого хана в пригороде Шанб-и Газан (начало XIV в.), мечеть Устад Шагирда (около 1340 г.), великолепная Синяя мечеть, построенная Джеханшахом Кара-Койюнлу в половине XV в., медресе Насрийэ и крытый рынок Кайсарийэ, построенные Узун-Хасаном Ак-Койюнлу (между 1468—1478 гг.). Большая часть этих памятников была разрушена в конце XVI—первой половине XVII в. Во время посещения Афанасия Никитина Тебриз был столицей туркменского государя Узун-Хасана Ак-Койюнлу, который овладел им, разрушив державу Кара-Койюнлу в 1468 г. Сношения Узун-Хасана с Венецией вызвали ряд венецианских посольств, побывавших в Тебризе: Катерино Зено (1471 г.), Джозафа Барбаро (1471—1479 гг.), Амброджио Контарини (1474 г.); описание Тебриза оставили двое последних, а также анонимный венецианский купец (1570 и следующие годы).

342 Асанбег, Узуосанбег — Узун-Хасан или Хасан-бек, сын Али, внук Османа Кара-Юлука, из династии Байяндури, стоял во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу («белобаранных»), царствовал в 1453—1478 гг. В начале своего правления владел Дийярбекром (Верхняя Месопотамия), в 50-х годах XV в. завоевал Армению и Курдистан, в 1467 г. разгромил войско враждебного ему объединения туркменских племен Кара-Койюнлу («чернобаранного», см. прим. 284), в 1468 г. завладел южным Азербайджаном и другими областями державы Ак-Койюнлу. К концу правления Узун-Хасана в составе державы Ак-Койюнлу находились Дийярбекр, Ирак Арабский (Месопотамия), Курдистан, Армения, большая часть Азербайджана до р. Куры на севере и весь Иран, кроме Гиляна и Хорасана; последний оставался в руках Тимуридов. Узун-Хасан был выдающимся полководцем и правителем. При дипломатических сношениях пользовался услугами своей матери Сара-хатун, дипломатический

талант которой заслуживал общее признание в странах Передней и Средней Азии. Узун-Хасан был зятем и союзником последнего трапезундского императора Давида (см. прим. 350). Вел упорную борьбу с османской Турцией (султан Мухаммед II, 1451—1481 гг.); заключил против Турции союз с Венецией и пытался заключить такие же союзы с рядом других европейских государств (Венгрией, Польшей, а также с римским папой). Сношения с Венецией велись через туркменское государство Караман на юго-востоке Азии (см. прим. 347) и королевство Кипр (основано крестоносцами в 1191 г., в 1489 г. присоединено к владениям Венеции); от Венеции Узун-Хасан получал и оружие. Узун-Хасан опустошил часть принадлежавшей Турции Малой Азии, был разбит османскими турками при Терджане (1473 г.). В результате этой победы Турция удержала за собой Малую Азию (об отношениях Узун-Хасана с Тимуридами см. прим. 286). Узун-Хасан умер во время похода в Грузию в январе 1478 г. Узун-Хасан не покидал кочевого образа жизни, и его «орда» (ставка) часто меняла местопребывание.

[343] А на Турьскав — на турецкого султана Мухаммеда II (1451—1481 гг.) из династии Османов, завоевателя Константинополя, Сербии, Албании, Афин, Мореи, Трапезунда, Карамана и Крыма.

[344] Севасть, Севастея — т. Сивас, Севастия греков, город в восточной части Малой Азии, на р. Кызыл-ырмак (т. «Красная река», греч. Галис), на большой «западной» караванной дороге Султания—Тебриз—Конья. Был известен выработкой шерсти.

[345] Тохан — Токат, город в Малой Азии под 40°20′ с. ш. и 36°30′ в. д. И при византийском, и при сельджукском владычестве стратегическое значение Токата было велико благодаря его сильной цитадели Дазимон, расположенной на скале. К османской Турции присоединен в 1392 г. Был опустошен войсками Узун-Хасана в 1471 г.

[346] Амасия — Амасья, значительный город в Малой Азии под 40°35′ с. ш. и 35°55′ в. д., на р. Йешиль-ырмак (т. «Зеленая река», греч. Ирис). Известен мощной цитаделью на скале и рядом архитектурных памятников — античных и мусульманских. Под властью османской Турции находился с конца XIV в В 1471 г. Амасья была опустошена Узун-Хасаном.

[347] Караман — туркменское государство в юго-восточной части Малой Азии, названное по имени правившей династии Караман-оглу (около 1223—1487 гг.), занимало территорию древней Ликаонии и Памфилии, а также части Каппадокии и Киликии. Столицей одно время была Конья (Иконий). В XV в. эмиры Карамана чаще всего вели борьбу с османскими султанами Турции, стремясь не допустить расширения владений последних в Малой Азии. В целях борьбы с Турцией караманский эмир Тадж-ад-дин Ибрахим (1425—1463 гг.) вступил в союз с германским императором Сигизмундом (1400—1437 гг.). После отречения Ибрахима от престола династические споры в Карамане дали повод для вмешательства Мухаммеду II османскому и Узун-Хасану Ак-Койюнлу. Первый под-

держал сына Ибрахима, Пир-Ахмеда, а второй другого сына Ибрахима, Исхака. С помощью Мухаммеда II Пир-Ахмед утвердился в Карамане (1465 г.), разбив брата, но затем сам вступил в сношения с Венецией, кипрским королем и Узун-Хасаном. Османы заняли Конью (1467 г.) и большую часть караманских владений. После смерти Пир-Ахмеда (1474 г.) его преемники держались еще в горных ущельях Киликийского Тавра при помощи туркмен Ак-Койюнлу и Венеции, оказывавшей Караману поддержку со стороны Кипра, однако, в конце концов, были вытеснены из своих владений османами.

348 Арцицин — Арзинджан, Эрзинджан (арм. Ерзинка) — город на Армянском нагорье, восточнее Сиваса, на большой «западной» караванной дороге, под 39°45′ с. ш. и 39°38′ в. д.

349 Ръцан — по-видимому, Арцицин, т. е. Эрзинджан.

350 Трепизон — Трапезунд, у турков Трабзон, Тарабузун, город на южном побережье Черного моря, под 41° с. ш. и 39°50′ в. д. В XIII—XV вв. город играл роль большого морского порта. После взятия Константинополя крестоносцами и распада Византийской империи (1204 г.) Трапезунд стал центром так называемой Трапезундской империи, полугреческой, полугрузинской по составу господствующего класса, просуществовавшей с 1204 до 1461 г. (династия Комнинов). Население состояло из греков и картвельских народов — лазов и грузин, православных по вере. Союз трапезундских императоров с туркменскими «белобаранными» (Ак-Койюнлу) государями в XV в. поддерживался брачными связями: дед Узун-Хасана Осман Кара-Юлук был женат на дочери трапезундского императора Алексея, сам Узун-Хасан был женат на дочери императора Калоиоанна Катерине, по прозванию Деспина-хатун. Распространенное прежде мнение о том, что и мать Узун-Хасана, известная женщина-дипломат Сара-хатун, также была из семьи трапезундских Комнинов, не разделяется новейшими исследователями. Последний трапезундский император Давид (1458—1461 гг.), стесненный османскими турками с суши и с моря, сдал свою столицу Мухаммеду II Османскому. Попытка посредничества со стороны Узун-Хасана Ак-Койюнлу, пославшего свою мать Сара-хатун к Мухаммеду II с миссией отклонить последнего от похода на Трапезунд, не имела успеха. Узун-Хасан, занятый в то время борьбой с туркменами Кара-Койюнлу, не мог оказать военной помощи Трапезунду. Афанасий Никитин прибыл в Трапезунд через 11 лет после перехода города под власть Турции (1461 г.). Турецкое завоевание подорвало благосостояние Трапезунда: только 1/3 прежнего христианского населения города, и то исключительно из числа ремесленников и городской бедноты, получила разрешение остаться в городе. Остальные жители были частью переселены турками в Константинополь (особенно знать и крупное купечество), частью (юноши и девушки) розданы в качестве рабов турецким воинам. Поэтому около 1472 г. большая часть города находилась в запустении и была необитаема.

351 Налон — см. прим. 327.

[352] Харчь — ар. «харджъ» — «расход», «издержка», «трата», также «пошлина», «налог». Выражение Афанасия Никитина «а золото есми взял на харчь, а дати в Кафе» заставляет предполагать значение «пошлина».

[353] Кафа — ныне Феодосия, город и порт на юго-восточном берегу Крыма, под 45° с. ш. и 35° в. д. Город был основан милетскими греками как колония Милета и в античную эпоху был известен (как и потом снова в наши дни) под именем Феодосии. Под именем же Кафы (Καφᾶ) город впервые упоминается в X в. у Константина Багрянородного (De administrando imperii, гл. 53). В дальнейшем, вплоть до XIX в., город у европейских и мусульманских авторов постоянно именуется Кафа, Каффа, ал-Кафа. До первой трети XIII в. город принадлежал Византии, затем перешел под власть монголов. Золотоордынским ханом Кафа была отдана в удел Уранг-Тимуру, сыну Туга-Тимура, младшего сына Бату (Батыя), внука Чингис-хана. Однако вскоре Кафа была приобретена у Уранг-Тимура Генуэзской республикой (в 60-х годах XIII в.). Генуэзская колония в Кафе, известная под именем Gazaria, Gazzaria, главное управление которой находилось в Генуе, в XIV—XV вв. процветала. Ибн Батута говорит о Кафе как о порте мирового значения. С 1318 г. в Кафе существовало католическое епископство. Помимо итальянцев-генуэзцев, в Кафе было много армян (в XV в. отмечается сильная эмиграция в Кафу и Крым из Армении, разоренной вконец кочевниками Кара-Койюнлу), греков и татар; последние жили в особом предместье. В XV в. Кафа постоянно посещалась русскими купцами, приобретавшими здесь товары, привозившиеся сюда с Востока. Около 1470 г. в Кафе было до 80 тысяч жителей. С 1434 г. генуэзская колония в Кафе вынуждена была платить дань крымскому хану. Во время посещения Кафы Афанасием Никитиным (1472 г.) город находился еще в руках генуэзцев, но в 1475 г. Кафа была захвачена турками и вместе с некоторыми районами южного берега Крыма вошла непосредственно в состав владений османской Турции и управлялась особым бейлербеем (пашой).

[354] Шубашь — т. «су-башы». В древнейшем значении в некоторых тюркских языках — «военачальник», от «су» — «войско» (в восточных тюркских языках) и «баш» — «голова», «глава». В османской Турции в XIV—XV вв. различались столичные и провинциальные су-башы. Последние были местными феодалами, наделенными ленными владениями (тимар), ведавшими феодальными ополчениями (сипахи) определенных небольших районов и полицейской властью над гражданским населением. Су-башы были подчинены санджакбеям и бейлербеям.

[355] Паша — тур., этимология термина исследователями предлагалась различная: от т. «баш» — «голова», от т. «баш-ага» — «старший брат», «господин», от татарск. «баскак» (титул монгольских наместников в XIII—XIV вв.), от п. «пай-и шах» — «подножие царя (шаха)». Наиболее принята предложенная Будаговым этимология от п. «падшах». В Иране этот титул давался независимому государю, в Малой Азии же в XIII—XIV вв. и небольших местных владетельных феодалов именовали «падшахами» или «пашами». В Турецком (Османском) го-

сударстве XV в. уже была известна только форма «паша» как самый почетный из официальных титулов. Значение термина «паша» изменялось. В XV—XVI вв. этот титул присваивался, в частности, наместникам областей — бейлербеям и санджакбеям, которые нередко были крупнейшими местными феодалами. В данном контексте паша — бейлербей.

356 Много зла ми учиниша. Подозрительное и враждебное отношение турецких властей в Трапезунде к Афанасию Никитину объясняется тем, что он прибыл из воевавшей тогда с Турцией туркменской державы Ак-Койюнлу. Турецкие власти заподозрили в Афанасии шпиона Узун-Хасана Ак-Койюнлу. Этим и объясняется строгий обыск и розыски «грамот».

357 Хлам мой весь к собе взнесли в город на гору. — Город Трапезунд разделялся на 3 главных района: 1) нижний город (т. Ашаги-хисар) у моря, самый обширный, где было сосредоточено торговое население и приставали иностранные купцы; 2) средний город (т. Орта-хисар) с главной церковью «Богородицы Златоглавой», обращенной турками в мечеть (Орта-хисар-джами); 3) верхний город на горе, окруженной оврагами и скалистыми обрывами, с цитаделью, которая в эпоху Трапезундской империи называлась акрополем или Μεγάλη κόρτη, а при турецком владычестве — Юкары-хисар. Афанасий Никитин, без сомнения, говорит об этом акрополе на горе, внутри которого помещались бывший императорский дворец и государственные учреждения.

358 Чермное море — в данном контексте Черное море.

359 Дория Стимъбольскаа — см. прим. 4.

360 Вонада — мыс на южном берегу Черного моря, к западу от Трапезунда.

361 Платана — городок и гавань на южном берегу Черного моря к западу от Трапезунда, упоминаемая у Клавихо.

362 Олло ак, олло худо перводегерь — «аллаху хакк» (ар.), аллах, худа перведгар» (ар.-п.) — «бог истина, бог, бог покровитель».

363 Балыкая — Балаклава, порт у юго-западного берега Крыма. Греческая колония, известная еще в античную эпоху под именем Παλάκιον, позднее была известна под именем Συμβόλον, у итальянцев (генуэзцев) — Cembalo или Cembaro, у татар и турок — Балыклава, Балыкая. Город оставался в руках местных греков и после монгольского нашествия, но в XIV в. был захвачен генуэзцами. В 1433 г. восставшее греческое население Балаклавы изгнало генуэзцев и передало Балаклаву соседнему греческому князю города Теодоро. В 1434 г. генуэзцы снова взяли было Балаклаву, но не смогли удержать ее в своих руках, понеся в том же году страшное поражение от крымского татарского хана Хаджжи Гирея. Балаклава оставалась под властью местного греческого князя до 1475 г., когда она была взята турками и передана ими во владение крымскому хану.

364 Тъкъръзоф — Гурзуф, на южном берегу Крыма.

365 Дигырь худо, доно, олло перводигирь доно, аминь — искажение п. «Дигер худа данед, аллах перведигер дана, амин» — «Остальное бог ведает, бог покровитель (букв. «воспитатель») всеведущий, аминь».

[366] Смилна рахмам рагым, олло акберь . . . — искаженное ар. «Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахими, аллаху акбар. . .» — «Во имя бога милостивого милосердного, бог величайший. . .»; дальше см. перевод,

[367] Иса рухолло — ар. «Иса рух аллах» — «Иисус дух божий», эпитет Иисуса Христа («Иисус — слово и дух бога») в Коране, в котором, возможно, отразилось здесь христианское учение о логосе — «боге-слове»; однако, тем не менее, в исламе Иисус признается не воплощением бога, а только одним из величайших пророков (Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед). — Дальше см. перевод.

[368] Тюркские фразы и выражения в тексте «Хожения» трудно отнести к какому-либо одному из тюркских языков. Это своего рода волапюк или макаронический язык, в котором, по компетентному мнению советских тюркологов — члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова и члена-корреспондента Академии наук УзбССР А. К. Боровкова, смешаны лексические и грамматические формы татарского (поволжского) и староузбекского (чагатайского) языков, с некоторыми хорезмийскими лексическими формами, отчасти и других тюркских языков, с примесью также арабских и персидских слов и целых фраз. Этому обстоятельству можно дать двоякое объяснение: 1) либо (что вероятнее всего) Афанасий Никитин еще до своего путешествия 1466—1472 гг. бывал по торговым делам в татарских городах Поволжья, где в XIII—XV вв. всегда было много хорезмийских купцов и где упомянутый тюркский смешанный язык служил разговорным языком в купеческой среде; там именно и мог изучить его Афанасий Никитин; а в Азербайджане и Иране был в ходу, наряду с персидским, также другой язык тюркской системы — азербайджанский; 2) либо Афанасий Никитин усвоил упомянутый тюркский волапюк уже во время пребывания в Иране и Индии, где было в то время много купцов и военных людей из Средней Азии («Чагатайской земли»). Наряду с упомянутым выше тюркским языком, Афанасий Никитин, видимо, достаточно свободно владел и разговорными иранскими — персидским и таджикским — языками; возможно, последний язык он изучил еще до своего путешествия 1466—1472 гг., если ему приходилось ранее ездить в Среднюю Азию. Арабских слов в «Хожении» довольно много — до 280, но все они приводятся как элементы, вошедшие в иранские, либо в тюркские языки. Арабского языка Афанасий Никитин, видимо, не знал (Завадовский). Равным образом, не видно, чтобы Афанасий Никитин изучил какой-либо из северо-индийских (индо-арийских) или дравидийских языков. Никитин во время пребывания в Индии, вращаясь почти постоянно в мусульманской среде, мог обходиться персидским и тюркскими языками. Преобладающим у индийских мусульман (в придворной, военной и городской среде) разговорным языком был персидский; у Ибн Батуты приведено много персидских фраз, слышанных им в Индии. Литературным языком индийских мусульман в то время был также персидский.

И. П. Петрушевский.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания текста

П. М. Строев Софийский временник, ч. II. СПб., 1821, стр. 145—164

И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 170—182.

Софийские летописи. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 330—358.

Львовская летопись. ПСРЛ, т. XX, первая половина, Львовская летопись. часть первая, СПб., 1910, стр. 302—313.

Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Под редакцией академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 9—50.

Афанасий Никитин. Хожение за три моря. С переложением ритмическою речью, предисловием и комментарием Н. Водовозова. Гослитиздат, М., 1950.

Исследования и статьи

И. И. Срезневский. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Ученые записки второго отделения АН, т. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 225—307.

И. Минаев. Старая Индия. Заметки на Хожение Афанасия Никитина. СПб., 1882 (оттиск из ЖМНП за 1881 г., ч. 215—216, июнь—июль).

А. В. Васильев. Афанасий Никитин и его Хожение за три моря. Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Казанском университете, V, Казань, 1900, 10 стр.

А. Е. Любимов. Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина (1466—1472 гг.). «Восточный сборник» Общества русских ориенталистов, кн. 2, СПб., 1916.

И. Ю. Маркон. Страна «Шабат» в Хожении за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Труды Белорусского государственного университета в Минске, № 2—3, 1922, стр. 304—325.

Н. С. Трубецкой. Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник «Версты», Париж, 1926, № 1.

П. Н. Савицкий. Из прошлого русской географии. Периодизация истории русских открытий. Научные труды Народного университета, т. IV, Прага, 1931, стр. 5—6.

В. Якубович. Афанасий Никитин. Наука и техника, 1937, № 3.

В. Самойлов. Афанасий Никитин («Хожение за три моря»). Наша страна, 1938.

Н. И. Воробьев. «Хожение за три моря». Ученые записки Казанского государственного педагогического института, вып. I, Казань, 1938, стр. 108—129.

В. В. Богданов. Накануне 475-летия путешествия Афанасия Никитина в Персию и Индию. «Землеведение», сборник Московского общества испытателей природы, т. I, (№ 41), М., 1940.

Р. Терегулова. Хождение Афанасия Никитина как памятник русского литературного языка XV века. Ученые записки Тамбовского государственного педагогического института, вып. I, Тамбов, 1941.

А. Михайлов. Первый русский путешественник в Индию. Литературная газета, 1943, № 7 (858), 7 февраля.

В. В. Богданов. Путешествие Афанасия Никитина. Известия Всесоюзного географического общества, т. 74, вып. 6, 1944.

Walter Kirchner, The American Slavic and East Europea Review, т. V, № 14—15, 1946, стр. 46—54.

В. Д. Иванов. Система суффиксных словообразований в «Хожении» Афанасия Никитина. Русский язык в школе, 1946, № 5—6, стр. 91 (сообщение о докладе).

К. Кунин. Путешествие Афанасия Никитина. Географгиз, М., 1947.

Рецензия:

Г. П. Богоявленский. Советская книга, 1948, № 7, стр. 29—33.

М. А. Ильин. Тверская литература XV в. как исторический источник. Труды Историко-архивного института, т. III, Кафедра истории СССР, М., 1947, стр. 43—51.

М. А. Ильин. Афанасий Никитин. В книге: Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники, т. I, М.—Л., 1948, стр. 515—524.

В. Д. Иванов. Система суффиксального образования в «Хождении Афанасия Никитина» (к истории русского языка XV столетия). Ученые записки Московского государственного университета, вып. 137, Труды Кафедры русского языка, кн. 2, 1948, стр. 122—128.

Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Под редакцией академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Серия «Литературные памятники» АН СССР, изд. АН СССР, М.—Л., 1948, 227 стр.

Рецензии:

А. И. Андреев, Вестник АН СССР, 1949, № 6, стр. 148—151.

Н. М. Гольдберг, А Н. Мальцев, А. М. Осипов, Советская книга, 1949, № 3, стр. 64—73.

А. А. Зимин, Вопросы истории, 1949, № 7, стр. 140—143.

Э. Мурзаев, Известия Всесоюзного географического общества, т. 81, вып. 2, 1949, стр. 263—265.

М. Н. Тихомиров, Новый мир, 1949, № 5, стр. 299—301.

А. Нульман, Уральский рабочий, 1949, 15 сентября.

М. Виташевская. Путешествие за три моря Афанасия Никитина. Госиздат. географ. литературы, М., 1949, 123 стр.

М. Н. Виташевская. Афанасий Никитин. Под ред. М. С. Боднарского, Географгиз, М., 1949, 36 стр.

Л. С. Берг. Великие русские путешественники. Детиздат, М.—Л., 1950, стр. 7—32.

Афанасий Никитин. Хожение за три моря. С переложением ритмическою речью, предисловием и комментарием Н. Водовозова, Гослитиздат, М., 1950, 184 стр.

С. Е. Малов. Тюркизмы в старорусском языке. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1951, вып. 2, стр. 201—203.

А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг. Афанасий Никитин и его время. Школьная историческая библиотека, Учпедгиз, М., 1951, 190, стр., изд. 2-е испр. и дополн., Учпедгиз, М. 1956, 215 стр.

Г. П. Уханов. Синтаксис «Хожения Афанасия Никитина за три моря». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, АН СССР, Институт языкознания, Калинин, 1952, 9 стр.

В. Лесны. Одна из проблем в путешествии Афанасия Никитина «Хожение за три моря». Archiv Orientalni, Journal of the Chechoslovak oriental institute, Prague, t. XX, № 1—2, 1952, стр. 226—227.

Atanazy Nikitin. Wędrówka za trzy morza. Przełożyła H. Wilman-Grabowska. Opracowali Wiktor Jakubowski i H. Wilman-Grabowska. Biblioteka narodowa, Seria II, № 72, Wrocław, (1952), CXXVII — 55 стр.

Ю. Н. Завадовский. К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.). Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР, Ташкент, вып. 3, 1954, стр. 139—145.

М. Н. Виташевская. Афанасий Никитин. Серия «Замечательные географы и путешественники», второе издание, Географиздат, М., 1955, 36 стр.

Н. В. Водовозов. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. Издательство «Знание», М., 1955, 32 стр.

М. А. Ильин. Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1955, 46 стр.

С. Н. Марков. По следам Афанасия Никитина. Литературная газета, 1955, 24 декабря.

История русской экономической мысли, т. I, IX—XVIII вв. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. И. Пашкова, М., 1955, стр. 92—99.

Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. АН СССР, Институт географии, М., 1956, стр. 164—198.

И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. Учпедгиз, М., 1957, стр. 81—84.

А. А. Зимин. Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина. Труды ОДРЛ, т. XIII, М.-Л., 1957, стр. 437—439.

Литературные обработки

К. Кунин. За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. Историческая повесть. Гос. Издат. детск. литер. М.—Л., 1947, 116 стр.

М Муратов. К далеким берегам. Рассказы о старинных русских путешествиях. Гос. Издат. детск. литер., М.—Л., 1947.

Вл. Прибытков. Тверской гость. Повесть о путешествии Афанасия Никитина в Индию. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 374 стр.

Переводы

Д. И. Языков. Reise nach Indien unternomen von einem Russischen Kaufmann im 15 Jahrhundert. Dorpater Jahrbücher für Literatur, в. IV, Leipzig, 1835, XLVIII, стр. 481—502. (Пересказ текста, изданного П. М. Строевым).

R. H. Maior. India in the Fifteenth Century being a collection of Narratives of voyages to India. Printed for the Hakluyt Society, London, 1857. (Перевод Троицкого списка, сделанный Виельгорским).

Karl H. Meyer. Die Fahrt des Athanasius Nikitin über die drei Meere. Reise eines russischen Kaufmanns nach Ostindien 1466—1472. Leipzig, 1920. 48 стр. (В серии «Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte», herausg von K. Stählin, Ost-Europa Verlag, Berlin).

Рецензия:

M. Vasmer, Zeitschrift für slavische Philologie, 1925, т. II, стр. 577,

V. Lesńy. Putováni ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Připravil Vincenc Lesńy. Slovanské nakladatelstvi, Praha, 1951, 111 стр.

Рецензия:

Т. С. Карская. Хожение за три моря Афанасия Никитина (о переводе на чешский язык). Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 476—478.

H. Wilman-Grabowska. В книге: Atanasy Nikitin. Wędrówka za trzy morza. Biblioteka narodowa, Seria II, № 72. Wrocław (1952), стр. 3—55.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

аз. — азербайджанское слово.
ар. — арабское слово или выражение.
ар.-п. — арабо-персидское (сложное) слово или выражение.
ар.-т. — арабо-тюркское (сложное) слово или выражение.
г. н. э. — год нашей эры.
г. х. — год хиджры.
монг. — монгольское слово.
слово.

п., перс. — персидское слово или выражение.
п.-ар. — персидско-арабское (сложное) слово или выражение
рус. — русское слово.
санскр. — санскритское слово.
т. — тюркское слово (встречающееся в разных тюркских языках).
т.-монг. — тюрко-монгольское слово
тур. — турецкое (османское)

АН СССР — Академия наук СССР.
БЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ИВ АН — Институт востоковедения Академии наук СССР.
ИВ АН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР (бывш. Институт восточных рукописей, в Ташкенте).
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ʻАбд-ар-рашид Бакуви — Китāб тальхӣç ал-āс-āр. Exposition de ce qu'il y a de plus remarquable, par Abdorraschid. . . traduction française par M. de Guignes, Notices et extraits de la Bibliothèque du roi, t. X, Paris, 1789, стр. 386—545.

Абд-ар-реззак Самарканди — Матла'-ас-са'дайн. Notices et extraits de la Bibliothèque du roi, t. XIV, part 1, Paris, 1941, (перс. текст и французский перевод).

Абу-л-Касим 'Абдаллах ибн 'Али Кашани — Jawahir al-'arais (персидский текст и немецкий перевод). В книге: Orientalische Steinbücher und persische Fayencetechnik, von H. Ritter, J. Ruska, F. Sarre, R. Winderlich, Istanbul, 1935.

'Айин-и Акбари — The Ain-i Akbari by Abu-l-Fazl-Allami. Edited in the original persion by H. Blochmann, vol. I—II, Baptist mission press, Calcutta, 1872—1877.

Анджолелло — Hakluyt series, vol. 49.

Анонимный венецианский купец — A narrative of Italian travels in Persia in the XV and XVI centuries, translated by Ch. Grey, Hakluyt series (I), vol. 49 (part 1—2), London, 1873 (английский перевод записок Барбаро, Анджолелло и др.; см. ниже).

Анонимный персидский географ — Худуд-ал-алем, рукопись Туманского, фототипич. изд. перс. текста, с введением В. В. Бартольда. Л., 1930.

Бабур-намэ — Mémoires de Baber... traduits... par A. Pavet de Courteille, tt. I—II, Paris, 1871.

Барбаро Иосафат — Hakluyt series, vol. 49.

Барбоса, Дуарте — The Book of Duarte Barbosa, vol. I—II. Hakluyt series (II), vol. 24, 29, London, 1918.

Бальдензель Вильгельм — Baldensel W. Hodoeporicon ad Terram Sanctam. Ingolstadt, 1601.

Бартольд. История изучения — В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Изд. 2-е, Л., 1925.

Бартольд. Место — В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.

BGA — Bibliotheca geographorum Arabicorum, edidit M. I. de Goeje, Lugdunum Batavorum.

Будагов — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1867—1871.

Вартема — The travels of Lodovico Varthema, translated by Jones, Hakluyt series (I), vol. 32, London, 1863.

Вассаф — Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар, литограф. изд. перс. текста, Бомбей, 1269 г. х. (1853 г. н. э.).

Vullers, LPL — J. Vullers. Lexicon Persico-Latinum etymologicum, tt. I—II, Bonnae ad Rhenum, 1855.

Дастур ал-катиб — Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (сборник персидских официальных документов Джелаиридской династии, около 1358 г. н. э.), рукопись ИВ АН (Ленинград), без № — копия венской рукописи F=185, составленная В. Г. Тизенгаузеном (не издано).

Джа'фари — В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов (персидский текст Джа'фари, русский перевод и статья), Записки ИВ АН, т. V, 1935.

Димишки — Cosmographie de Chems-ed-din. . . Dimichqi, téxte arabe, publié. . . par A. F. Mehren, SPb., 1866.

Дьелафуа — J. Dieulafoy. La Perse, la Chaldée la Susiane, relation du voyage. Paris, 1887.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Завадовский — Ю. Н. Завадовский. К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Аф. Никитина. Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954.

Закария Казвини — 'Аджаиб-ал-махлукат. Zakarija el-Qazwini's Kosmographie, herausgegeben von F. Wüstenfeld, изд. арабск. текста, тт. I—II, Göttingen, 1848—1849.

Зарре — F. Sarre, B. Schulz und G. Krecher Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901—1910.

Зосима диакон — Православный палестинский сборник, т. VIII, вып. 3. СПб., 1889.

Ибн Батута — Les voyages d'Ibn Bàtoutah, édite et traduite par Défremery et Sanguinetti, vol. I—IV, Paris, 1851—1854 (арабский текст и французский перевод).

Ибн Хурдадбех — Kitab al-masalik wa'l-mamalik, auctore Abu'l-Qasim. . . ibn Khordadbeh. Lugdunum Batavorum, 1889 (BGA, t. .VI, изд. арабского текста).

Идриси — Géographie d'Idrisi. Traduite de l'arabe en français par A. Jaubert, vol. I—II, Paris, 1836—1840.

Истахри — Viae regnorum. . . auctore Abu Ishaq al-Istakhri. Lugdunum Batavorum, 1870 (BGA, t. I, изд. арабского текста).

История Исфахана — Хусейн ал-Ави, Тарджумэ-и махасин-и Исфахан, изд. персидского текста 'Аббаса Икбаля, Тегеран, 1328 г. х. солнечной (1950 г. н. э.).

Казвини Закария — см. Закария Казвини.

Казвини Хамдаллах — см. Хамдаллах Казвини.

Клавихо — Рюи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Изд. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (испанский текст, русский перевод и примечания).

Контарини (Амвросий) — Hakluyt series (1), vol. 49.

Конти Николо — India in XV century, being a collection of narratives of wyages, edited by R. H. Mayor. Hakluyt series (I), vol. 22, London, 1857.

Косма Индикоплов — Topographia. Ed. with geographical notes by Winstedt, 1909.

Косма Индикоплов — Topographia Migne. Patrologia graeca, t. LXXXVII.

Лесны — В. Лесны. Одна из проблем в путешествии Афанасия Никитина «Хожение за три моря». Archiv Orientalni, Journal of the Chechoslovak oriental institute, т. XX, № 1—2, Praga, 1952, стр. 226—227.

Макензи — Mackenzie C. C. Account of the pagoda at Perwuttum. Asiatic Researches, vol. V, London, 1801.

Малов — С. Е. Малов. Тюркизмы в старорусском языке. Известия АН СССР, Отделение языка и литературы, т. X, вып. 2, М.—Л., 1951.

Мас'уди — Maçoudi. Les prairies d'or, texte arabe et traduction française par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, vol. IX, Paris, 1861—1877.

Марко Поло — см. Поло Марко.

Махмуд Кашгарский — Диван лугат ат-тюрк, тт. I—III. Истамбул, 1333—1335 г. х. (1915—1917 гг. н. э.).

Minorsky — Hudud al-alam. The regions of the world, a Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D., translated and explained by V. Minorsky, G. M. S. (New series), XI, London, 1937 (английский перевод «Худуд-ал-алем» с комментарием В. Ф. Минорского).

Минаев — И. П. Минаев. Старая Индия. Заметки на Хожение Аф. Никитина. СПб., 1882.

Миронов — Н. Д. Миронов. О статье Sieg'a и Sieglina'a «Tocharisch, die Sprache der Indoskythen». Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIX, СПб., 1919.

Мукаддаси (Макдиси) — Descriptio imperii Moslemici auctore... al Moqaddasi. Edidit M. J. de Goeje, Lugdunum Batavorum, 1872 (BGA, t. III, изд. арабского текста).

Одорик из Порденоне — Les voyages en Asie en XIV siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, réligieux d'ordre de St. François. Paris, 1891 (изд. старофранцузского текста).

Поло Марко — Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева, под ред. В. В. Бартольда, СПб., 1902.

Поп — A. U. Pope. A survey of Persian art, vol. II, Islamic architecture, pottery, calligraphy. Oxford University press, London, 1939.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Радлов, ОСТН — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1888—1911.

Рамстедт — Ramstedt Dr. Die Zahlwörter in den altaischen Sprachen. Journal de la Société Finno-Ougrienne, vol. XXIV.

Рашид-ад-дин — Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III. Русский перевод А. К. Арендса, изд. ИВ АН, М.—Л., 1946.

Рашид-ад-дин, переписка — Мукатабат-и Рашиди. Изд. перс. текста проф. Хан Бахадура Мухаммеда Шафи, Лахор, 1947.

Савваитов — П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.

Срезневский — И. И. Срезневский. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. СПб., 1887 (2-е изд.; 1-е изд., Ученые записки Второго отдел. АН, т. II, вып. II, СПб., 1866).

Стефан Новгородец — Хождение. Сказания русского народа, т. II, изд. И. П. Сахарова, 1849.

Тавернье — Lex six voyages du Tavernier. Paris, 1692.

Толстов — С. П. Толстов. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан. Советская этнография, 1946, № 2.

Труды ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

Фалахат — Китаб-и 'ильм-и фалахат ва зира'ат, литограф. изд. персидского текста 'Абд-ал-гаффара Наджм-ад-доулэ, Тегеран, 1323 г. х. (1905 г. н. э.).

Фериштэ — Тарих-и Фериштэ, литограф. изд. персидского текста, Бомбей, 1831.

Hakluyt series — Works issued by the Hakluyt Society, series I and II, London.

Хамдаллах Казвини	— The geographical part of the Nuzhat-al-qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin, edited by G. Le Strange, Gibb memorial series, vol. XXIII (1—2), Leyden—London, 1915 (персидский текст и английский перевод).
Хафиз-и Абру	— географический труд (без заглавия, не издан), рукопись ИВ АН УзССР (Ташкент), № 5361 (перс.).
Худуд-ал-алем	— см. Анонимный персидский географ.
Цезарь Фредерик	— Hakluyt series (I), vol. 2, London, 1810.
Шемс-и Сирадж Афиф	— H. M. Elliot. History of India as told by its own historians edited by prof. J. Dowson, vol. III, London, 1869.
Шихаб-ад-дин	— H. M. Elliot. The history of India as told by its own historians, vol. III. London, 1869 (английский перевод).
Эвлийя Челеби	— Narrative of travels in Europe, Asia and Africa by Evliya (Čelebi) Efendi. Translated by J. Hammer, vol. II, London, 1850.
EI	— Encyclopédie de l'Islam, publié par le concours des principaux orientalistes par Th. Houtsma, R. Basset, T. W. Arnold, H. Bauer, vol. I—IV et Supplements, Leyde — Paris, 1913 (или параллельные издания на немецком и английском языках).
Юль	— Yule Henry. Cathay and the Way thither... Hakluyt Society, London, 1866.
Юль, Марко Поло	— Yule Henry. The book of sir Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East. London, 1903.
Якут	— Jacut's geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Bd. I—VI, Leipzig, 1866—1870 (арабский текст и указатели).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом Академии наук СССР

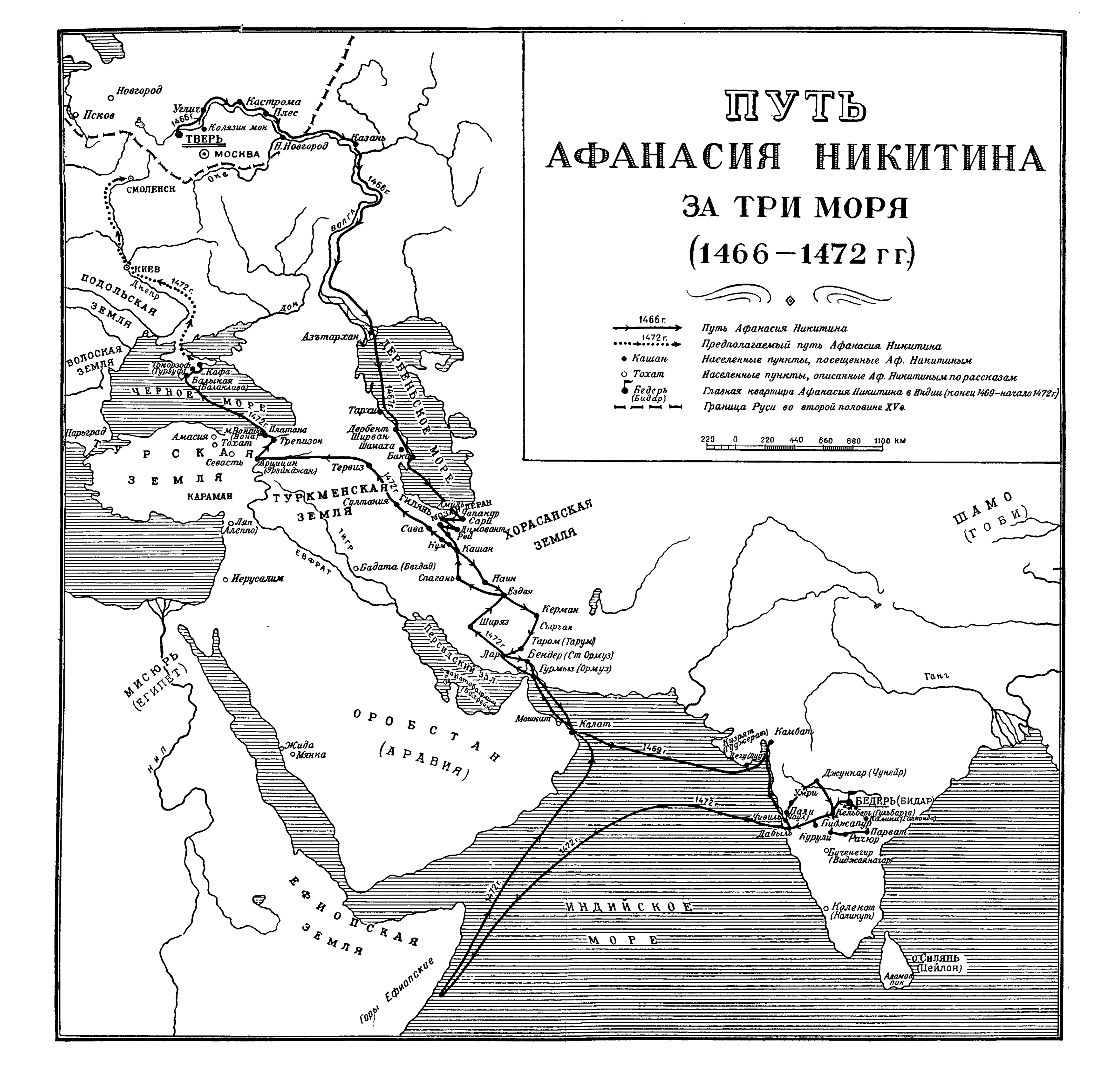
*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*. Технический редактор *Р. С. Певзнер*. Корректоры *О. Б. Билинкис* и *А. А. Гельфанд*

Сдано в набор 29/XI 1957 г. Подписано к печати 20/III 1958 г. РИСО АН СССР № 3-2Р. Формат бумаги $70 \times 92/_{16}$. Бум. л. $8^7/_8$. Печ. л. $17^3/_4 =$ 20.76 усл. печ. л. + 9 вкл. Уч.-изд. л. 16.1 + 9 вкл. (1.07 уч.-изд. л.). Изд. № 644. Тип. заказ № 374. Тираж 20000. *Цена 11 р. 75 к.*

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ПУТЬ АФАНАСИЯ НИКИТИНА ЗА ТРИ МОРЯ (1466–1472 гг.)
1466 г. Путь Афанасия Никитина
1472 г. Предполагаемый путь Афанасия Никитина
Кашан Населенные пункты, посещенные Аф. Никитиным
Тохат Населенные пункты, описанные Аф. Никитиным по рассказам
Бедерь (Бидар) Главная квартира Афанасия Никитина в Индии (конец 1469–начало 1472 г.)
Граница Руси во второй половине XV в.
220 0 220 440 660 880 1100 км
Новгород
Псков
Углич
Кастрома
Плес
Колязин мон
ТВЕРЬ
МОСКВА
Я. Новгород
Казань
СМОЛЕНСК
Ока
Волга
КИЕВ
Днепр
Дон
ПОДОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВОЛОСКАЯ ЗЕМЛЯ
Азътархан
ДЕРБЕНСКОЕ МОРЕ
Кафа
Балыкая (Балаклава)
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Тархи
Дербент
Ширван
Шамаха
Баку
Царьград
Амасия
Тохат
Платана
Трепизон
Севасть
Арцицин (Эрзинджан)
Тервиз
ЗЕМЛЯ
КАРАМАН
ТУРКМЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Султания
Гилянь
Сари
Чапакур
Димовант
ХОРАСАНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Сава
Кум
Рей
Кашан
Тигр
Евфрат
Ляп (Алеппо)
Бадата (Багдад)
Иерусалим
Спагань
Наин
Ездей
Кермань
Ширяз
Сырган
Тором (Тарум)
Лар
Бендер (Ст Ормуз)
Гурмыз (Ормуз)
Персидский зал.
МИСЮРЬ (ЕГИПЕТ)
Нил
ОРОБСТАН (АРАВИЯ)
Жида
Мякка
Мошкат
Калат
ШАМО (ГОБИ)
Ганг
Кузрят (Гуджерат)
Камбат
Джуннар (Чунейр)
Умри
Пали
Чивиль (Чаул)
Дабыль
БЕДЕРЬ (БИДАР)
Кельберг (Гульбарга)
Бидж
Курули
Рачюр
Парват
Бичене гир (Виджаянагар)
Колекот (Каликут)
ИНДИЙСКОЕ МОРЕ
ЕФИОПСКАЯ ЗЕМЛЯ
Горы Ефиопские
о. Силянь (Цейлон)
Адамов пик
1466 г.
1467 г.
1469 г.
1472 г.